

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

«А ВЫ ЗА КОГО ПОЧИТАЕТЕ МЕНЯ?»

РИМИНИ, АПРЕЛЬ 2026 Г.

«А вы за кого почитаете Меня?»

Упражнения Братства
«Общения и освобождения»

Римини, апрель 2026 г.

ПОЯСНЕНИЕ К ИЗДАНИЮ

Духовные упражнения Братства «Общения и освобождения» в 2026 году прошли в Италии в два потока: первый (10–12 апреля) — для членов Братства из Ломбардии, второй (17–19 апреля) — для остальных областей. Содержание вступительного приветствия Давиде Проспери, введения и двух размышлений отца Эммануэле Силаноса остались практически неизменными; различия возникли в темах, затронутых в воскресенье утром, — поэтому тексты обоих собраний приводятся в настоящей брошюре с минимальной редакторской правкой, устраняющей повторы. Все проповеди на мессах обоих потоков собраны в заключительной части брошюры.

На обложке: Андрей Рублев. *Спас*. Темпера по левкасу на доске, 1400–1420. Из Успенского собора в Звенигороде. Москва, Государственная Третьяковская галерея.

«По случаю духовных упражнений Братства «Общения и освобождения» на тему „А вы за кого почитаете Меня?“ Святейший Отец Лев XIV обращается к их участникам с сердечным приветствием, выражая надежду, что дни молитвы и размышления пробудят желание вернуться к истокам изумления — встрече с живой Личностью. В мире, который часто сводит христианство к этике или мимолетной эмоции, вы призваны признавать Иисуса центром мироздания и истории, но прежде всего — настоящим смыслом ваших дней, вашей учебы, вашего труда и ваших общин. С такими благими пожеланиями понтифик заверяет вас в молитвенной памяти и с радостью преподает апостольское благословение».

Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества, 1 апреля 2026 г.

Пятница, вечер

Йоханнес Брамс

Соната ля мажор для фортепиано и скрипки, оп. 100

Фортепиано — Дьёрдь Шебёк, скрипка — Артур Грюмьо

«*Spirto Gentil*», n. 15, (Philips) Universal

■ ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Давиде Просперии

В Деяниях апостолов мы читаем: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго»¹.

Отец Джуссани комментирует: «Дух Святой — источник разума, милосердия и любви, Он позволяет с воодушевлением понимать то, что правильно, и вселяет рвение, чтобы жить этим и передавать это другим. Именно поэтому Господь избрал символом Своего Духа огонь, так что в Пятидесятницу апостолы осознали истинную ценность жизни, которой является Иисус, и ощутили, что исполнились горячего желания рассказать об этом всему миру. Так огонь, запаленный на щепе в камине, передается дровам и согревает весь дом»².

Призовем Духа Святого, да дарует Он нам обращение сердца, чтобы мы могли пережить эти дни с разумением и пылкой готовностью, устремив взгляд на Христа и не оказывая сопротивления.

Гимн Святому Духу

Как прекрасно вновь собраться вместе! Благодарю отца Эммануэле Силаноса, который согласился вести упражнения в этом году, при-

¹ Ср. Деян. 2:1–4.

² L. Giussani. *La fede e le sue immagini*. Milano: Jaca Book, 1984.

чем ценой немалой жертвы, учитывая, что они пройдут в два потока. В них примут участие в общей сложности члены Движения в семидесяти одной стране: кто-то — в прямом эфире, кто-то — позже, смотря видеозапись. В Испании и США упражнения проведет отец Хавьер Прадес, который готовился к ним вместе с отцом Эммануэле. Благодаря и его за готовность к этому служению. Вместе с нами будет Его Преосвященство монс. Иван Маффеис, архиепископ Перуджи и Читта-делла-Пьеве. Для нас его присутствие очень важно, ведь он духовный советник Братства.

Прочитаю телеграмму Святейшего Отца Льва XIV:

«По случаю духовных упражнений Братства „Общение и освобождение“ на тему „А вы за кого почитаете Меня?“, Святейший Отец Лев XIV обращается к их участникам с сердечным приветствием, выражая надежду, что эти дни молитвы и размышлений пробудят в вас желание вернуться к истокам изумления: ко встрече с живым человеком. В мире, который часто сводит христианство к этике или мимолетной эмоции, вы призваны признавать, что Иисус является центром мироздания и истории, но прежде всего — смыслом ваших дней, вашей учебы, вашей работы и ваших общин. Желая вам этого, понтифик заверяет вас, что помнит о вас в молитве, и с радостью преподает вам апостольское благословение. Кардинал Пьетро Паролин Государственный секретарь Его Святейшества».

Мы рады, что папа направил нам свое приветствие. Мы переживаем драматические времена, когда голос епископа Рима становится для нас сияющим маяком: мы все призваны смотреть на него, потому что именно он помогает нам преодолевать любую тьму. Поэтому мы публикуем его выступления на нашем сайте; поэтому мы примем участие в молитвенном бдении, объявленном Святым Отцом, отслужив святую мессу о мире в единстве со всей Церковью.

Мне передали письмо Его Преосвященства монс. Жюля Бутроса, сиро-католического епископа Антиохийского патриархата с кафедрой в Бейруте. Он наш друг, у которого мы спросили, как христианская община в Ливане переживает нынешнюю очень тяжелую ситуацию:

«Мы, ливанские христиане, подобны семени, казалось бы, задушенному покрывающей его со всех сторон землей: от бесконечно возобновляющихся войн до взрыва в порту Бейрута и финансового

кризиса... Однако посреди всего этого благодать Христа воскресшего всегда позволяет нам вновь находить дорогу ввысь, к свету, чтобы приносить плод и давать жизнь. Мы твердо стоим на ногах благодаря нашей вере, в силу которой мы не поддаемся разочарованию и безразличию, привычному к отсутствию мира. Поэтому сегодня весь юг Ливана опустел, за исключением немногих христианских деревень, чьи жители отказались оставить свою землю. Благодаря вере, мы открываем наши монастыри, чтобы принять в них потерявших кров — христиан и мусульман. Благодаря нашей вере, в достоинстве человека как *Imago Dei* и во вселенском братстве мы осуждаем всякую войну. Наш страх, разочарование, тревога и вера побуждают нас торопиться и будить Христа, Который как будто спит в нашей лодке, и молить Его осуществить то, на что мы не способны: чудо мира».

В начале упражнений я хотел бы вместе с вами подвести итоги некоторых событий, которые мы пережили за последние месяцы, начиная с Дня начала года на тему «Христос, новый исток познания и деяния»³. Затем я передам слово отцу Эммануэле, чтобы он подвел нас с вами к содержанию этих дней.

1. Движение — событие жизни

Мы пережили период, насыщенный событиями, которые удивили нас и даже бросили вызов нашему привычному способу думать. В январе у нас состоялась первая частная аудиенция у Святейшего Отца: он ободрил и поддержал нас, а также призвал к большей решимости на нашем пути. В подтверждение этого сегодня мы получили обращение, которое я только что зачитал. В то время, когда у него, безусловно, хватает дел и забот, связанных с конфликтами и насилием в мире, он не преминул обратиться к нам свои слова: он заботится о нас, как настоящий отец. Как будто этого было недостаточно, он принял наше приглашение посетить в этом году Митинг в Римини в рамках первого блока пастырских визитов: это исключительное событие, и не только для нас. В тот же день мы получили радостное известие о завершении 14 мая епархиального этапа процесса беатификации и канони-

³ См. Д. Проспери. *Христос — новый исток познания и деяния*. День начала года для членов «Общения и освобождения», 2025 // ru.clonline.org.

зации нашего отца Джуссани. Кроме того, недавно начался процесс беатификации Марко Галло, юноши из «Студенческой молодежи», о котором мы рассказывали в журнале «Трачче» в прошлом месяце. Еще дальше продвинулся процесс беатификации Энцо Пиччинини. Одним словом, в этот период мы получаем множество по-настоящему великих даров.

В журнале «Трачче» и на сайте *clonline* мы постоянно читаем свидетельства о жизни, которая расцветает и возрождается во многих частях мира. Некоторым из них я был свидетелем лично: я вспоминаю группу старшеклассников, образовавшуюся вокруг Аарона, нашего учителя в одной из школ Канзаса. Вместе с ним ребята представили на «New York Encounter» выставку, посвященную книге отца Джуссани «Il tempo e il tempio»⁴. Школьники весь год собирали деньги на самолет, а во время полета познакомились со стюардом, которого настолько поразили их отношения друг с другом, что он тоже решил поучаствовать в фестивале, чтобы понять, в чем причина их инаковости. Между прочим, некоторые из них не участвовали в опыте «Студенческой молодежи», но, вовлеченные товарищами, тоже поехали представить выставку, рассказывающую об их встрече с отцом Джуссани.

Еще одним примером является тот импульс, который дала инициатива ребят из «Студенческой молодежи», вместе со своими учителями организовавших в итальянских школах выставку «Пророчества о мире» (в августе она будет представлена на молодежном фестивале в Ассизи в присутствии папы). Вспомним обновленный энтузиазм студентов из Движения, который выливается в публичное присутствие, способное давать оценку тому, что происходит в университетах и в мире. Не могу не упомянуть также об общинном присутствии взрослых в различных сферах жизни: наши кубинские друзья (мы переписывались с ними в страшные дни жестких ограничений, которые до сих пор не закончились) продемонстрировали в том, что им дано переживать, твердую веру и взаимную любовь, мужественную, зрелую, не делающую скидок на обстоятельства, ни на что не претен-

⁴ Книга *Il tempo e il tempio. Dio e l'uomo* (Milano: BUR, 2015) недавно была опубликована на английском языке: L. Giussani. *Time and the Temple. God and Man*. Seattle: Slant Books, 2026. О выставке на фестивале New York Encounter: V. Frigerio. «Caro don Giussani...» *Un filo lungo duemila anni // clonline*. 25 marzo 2026.

дующую. Или чилийские друзья, зрелая и живая община, с Паулой, которая пишет песни для нашей компании, как это было в начале Движения: это знак вновь происходящей новизны, начала, которое продолжает происходить⁵. В марте мы присутствовали на открытии Центра исследований Луиджи Джуссани в Риме, который, несомненно, будет способствовать все большему распространению его мысли и учения, в том числе на академическом уровне.

Я останавлиюсь на этом, но мог бы продолжать еще долго. Сколько даров, сколько знамений, глядя на которые, можно рассеять туман в душе, порой омрачающий наши дни!

2. Поворотный момент нашей истории

Мы переживаем очень важный для нас момент, более того, решающий. На последнем отрезке пути нашей истории Церковь сопровождает нас, направляя к более глубокому и острому осознанию того, что такое харизма и, в частности, что такое *наша* харизма, чему она служит, что значит нести за нее ответственность и, не в последнюю очередь, что значит быть движением в Церкви. Перед этими вопросами мы признаем необходимость и насущную потребность в том, чтобы углублять наш опыт и наше личное вовлечение в него.

Одобрение поправок к уставу Братства обновило и актуализировало призвание, данное Духом Святым каждому из нас. Через встречу с Движением мы призваны стать людьми, любящими Христа и являющими Его присутствие в мире. В прошедшие месяцы у нас уже были возможности, чтобы подчеркнуть важность устава и его утверждения, поэтому ограничусь упоминанием пункта, который, как мне кажется, обобщает суть вопроса.

Я хотел бы сказать о нем словами отца Джуссани из заключения на духовных упражнениях 1982 года, первых после признания Братства Святым Престолом (текст можно найти в книге «*L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*», новое дополненное издание которой недавно вышло в свет): «То, чего мы хотим, дело, которое нам надлежит осуществить, — дело есть часть цели Братства... — это Движение. Дело, которое мы хотим осуществить, состоит в том, чтобы этот опыт веры и человечности распростра-

⁵ Cf. M. Rigamonti. *Come è nata «Nuestra Señora de la Esquina»* // *clonline*. 20 aprile 2026.

нялся как можно шире, углублялся и распространялся как можно шире. Мы ждем от Братства, что оно будет созидать, воспитывать и возвращать многих людей, чтобы они способствовали распространению этого опыта, то есть строили Движение. Потому что Движение строит не организация, а жизнь конкретных людей. Организация — инструмент, как русло реки: река — это не русло, а бегущая по нему вода. В этом смысле институт Братства действительно является призывом к полной чистоте вовлечения в Движение»⁶. Ничто нас так не интересует в жизни, как чтобы Христа знали и признавали, и это горячее желание Его славы в мире мы, такие какие мы есть, оступающиеся, со всеми нашими недостатками и проблемами, переживаем, говорит отец Джуссани, строя Движение. Как подсказывает название книги (в нее вошли тексты первых обращений Джуссани к Братству, которые в хронологическом порядке представляют историю Братства до момента образования первых групп, и поэтому многие вопросы, касающиеся этих тем, найдут ответы в этом наименее читаемом томе, хотя на самом деле это настоящий кладезь!), именно строительство Движения — «дело», к которому призвано Братство.

По этой причине во время заключения на встрече ответственных Италии, прошедшей в январе, когда еще свежи были воспоминания о диалоге со Святейшим Отцом, мы пожелали поделиться со всеми радикальным вызовом, брошенным свободе каждого: ради более решительного присоединения к харизме, ради более сознательной и пламенной принадлежности к Движению, чтобы каждый из нас осознал для себя острую необходимость вновь сказать свое «да»: «Да, я здесь»⁷. Этот вызов оказался важным для многих — куда важнее, чем мы ожидали, — и породил множество вопросов (а вопросы, когда они действительно являются вопросами, всегда полезны), вопросов, касающихся того, что значит принадлежать к движению «Общение и освобождение» и в чем заключается его предложение, достигающее нас сегодня.

В частности, в последние месяцы в обсуждениях вставали два вопроса.

⁶ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Milano: Editrice Nuovo Mondo, 2026. P. 88–89.

⁷ Ср. Д. Проспери. *Наша ответственность* // ru.clonline. 9 февраля 2026 г. С. 2.

Первый касается связи между личной свободой и предложением Движения. Все мы, думаю, можем твердо сказать, что встреча с Движением укрепила нашу личность, раскрыла нашу свободу, как раз потому что это была встреча с присутствием, исполненным смысла и предложения для жизни. То, что позволило нам расти, что придало и продолжает придавать жизни вкус и нам — силы, что породило новое желание отдать себя, — это предложение жизни на высоте ожиданий нашей человечности, состоящее, разумеется, из содержания и учения, но не только из слова, но и из дружбы и разделения жизни, из основополагающих воспитательных моментов и из указанных ориентиров, из вынесенных суждений, из произошедших фактов и из примеров, ценность которых обнаруживается из раза в раз. Движение как предложение жизни, как «компания, ведомая к судьбе»⁸, состоит из всего этого: речь не об одной «линии» мысли или действия, которой нужно пассивно придерживаться, а именно о предложении жизни во всей полноте, за которым надлежит сознательно следовать. Этой ведомой к судьбе компании мы сказали и продолжаем говорить да, потому что признаем Движение дорогой к зрелости нашей веры и к полноте нашей жизни.

С этим связан второй вопрос, возникший в эти месяцы и касающийся связи личной свободы и единства Движения. Если наша компания, как утверждает Джуссани⁹, — «одно целое», если во Христе мы стали «одно», такое таинственное единство, рождающееся от Крещения, стремится найти свое выражение в попытке вместе подходить ко всем проблемам. В противном случае онтологическая новизна остается инертной, бездейственной, не находит воплощения в реальной жизни. Мы же желаем, чтобы такое воплощение совершалось видимым образом и чтобы мы могли провозглашать всему миру, что Христос присутствует, что Он жив, чтобы огонь Духа Святого, как мы сказали выше, согрел весь дом. Именно этому мы заново учимся, перечитывая выступления отца Джуссани после кризиса «Студенческой молодежи» в 1968 году, когда после ухода

⁸ Cf. L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 28, 55, 70, 104.

⁹ Cf. L. Giussani. *Una rivoluzione di sé. La vita come comunione (1968–1970)*. Milano: Rizzoli, 2024. P. 246–253.

многих людей¹⁰ только зарождалось «Общение и освобождение». Об этом отец Джуссани говорил на первых упражнениях Братства: «В начале Движения, в первые годы, мы строили не на ценностях, которые принес Христос, мы строили на Христе; как бы наивно это ни было, но темой сердца, убедительной движущей силой был факт Христа, а значит, и факт Его Тела в мире, то есть Церкви. В начале мы строили, мы старались строить на том, что происходило, не на принесенных ценностях и, соответственно, не на неизбежном нашем истолковании этих ценностей; мы старались строить на том, что происходило и что охватило нас. Это была чистая позиция, какой бы наивной и явно несоразмерной она ни была»¹¹.

Если мы сегодня здесь, то потому, что признаем: ничто не в состоянии так бросать вызов нашей свободе, воспламенять ее, оценивать, вовлекать, как мощное и ясное воспитательное предложение, которое мы нашли в Движении. Поэтому избирательное поведение, которое делает нас судьями предложения, опирающимися на собственную меру, умаляло бы, а не утверждало нашу свободу. Если Движение предстало нам как наиболее убедительный и педагогичный способ жить Христом и Церковью, то следовать за ним всем существом — это *и есть* свобода! Однако я понимаю, что это подразумевает такое представление о свободе, какое мы уже больше не можем считать само собой разумеющимся.

3. Решение относительно существования

В эти дни у нас будет возможность подробнее рассмотреть оба вопроса в лекциях, а также во время собрания. В завершение хочу подчеркнуть, что для того, чтобы это действительно произошло (и на первый план не вышла наша мера), мы должны помогать друг другу предстоять перед Христом, перед Тем, Кто среди нас, в простоте сердца, в нищете духа, в готовности детей, как Он Сам нам указал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»¹². Все мы должны смотреть на Него, отдавшего жизнь ради нас. Наша свобода осуществляется во

¹⁰ Речь идет о томах: L. Giussani. *Una rivoluzione di sé. La vita come comunione* (1968–1970); L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo* (1969–1970). Milano: Rizzoli, 2025. Cf. A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: BUR, 2014. P. 387 ss.

¹¹ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 78–79.

¹² Мф. 11:29.

взгляде, в слушании, в принятии Его.

Вот почему в начале мы призывали Духа Святого. Вот почему мы предлагаем в эти дни молчание (как нам напомним отец Эммануэле): чтобы никакой голос не заглушил Его голос. Не будем пугаться, если мы не все понимаем сразу же. Прежде всего, не будем заикливаться на самих себе и на наших реакциях (когда мы мгновенно соглашаемся со сказанным или же нет). Позволим, чтобы преобладал другой голос, не наш: устремим пристальный взор на Христа. Будем смотреть Ему в Лицо, на Его черты: не на то, что производим мы, а на то, что нам дается, — позволяя красоте Его воскресшего лика пробиться сквозь нашу броню. Так дни упражнений помогут нам ответить не только на возникшие вопросы, но в первую очередь на великий вопрос, который Иисус обратил к Своим ученикам и который мы вынесли в тему наших упражнений: «А вы [то есть мы] за кого почитаете Меня?»

Нет вопроса важнее этого, отмечает Кьеркегор: «Если тебе было возвещено христианство, значит, ты должен занять какую-то позицию перед Христом. Его существование, факт Его нынешней и прошлой реальности господствует над всей [над всей] нашей жизнью»¹³.

Наша компания существует лишь для того, чтобы сопровождать нас и поддерживать в этом решении, ради которого Джуссани отдал всю свою жизнь и которому он, в частности, посвятил текст нынешней школы общины («У истоков христианского притязания»). В предисловии он пишет: «Эта книга особенно дорога мне, потому что она выражает причины сознательной и зрелой веры»¹⁴. Чтобы предложить всем органичный и целостный путь и тем самым способствовать личной работе каждого в течение года, мы решили согласовать упражнения и работу школы общины. Таким образом нам будет проще обращаться к содержанию этих текстов в ближайшие месяцы.

Еще раз благодарю Леле (как его многие называют) за то, что он согласился вести упражнения, и передаю ему слово.

Хороших упражнений.

¹³ С. Кьеркегор. Цит. по: Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 3, § 3. Новый перевод, издание готовится к публикации.

¹⁴ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Предисловие.

«За кого люди почитают Меня?»

Спасибо, Давиде! Добрый вечер всем.

«Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков»¹⁵.

Этот евангельский отрывок напоминает мне о том, как я впервые выступал в этом зале. Это был 2008 год, и Митинг Римини обратился к Братству святого Карла Борромео с просьбой порекомендовать миссионера, который мог бы поделиться свидетельством в рамках цикла встреч с различными деятелями Церкви и Движения. Мои настоятели, уж не знаю почему, порекомендовали меня. Я тогда уже более полутора лет находился в миссии на Тайване, и мой миссионерский опыт был совсем начальным. Вместе со мной на этой встрече, которую вел Альберто Саворана, выступали Феличе Сичилиано, друг из неаполитанской общины (он говорил о деятельности, которую вел вместе с друзьями в районе Санита), и почетный гость, мать Эльвира Петроцци (1937–2023), основательница общины «Ченаколо» (многие из вас, несомненно, знают эту энергичную женщину, одну из наиболее значимых личностей итальянской Церкви в XX веке и великого свидетеля веры и милосердия).

Я, молодой священник, не так давно отправившийся в миссию на Дальний Восток, стал думать, как рассказать людям на Митинге о первых месяцах на окраине Тайбэя, прекрасно понимая, что мой опыт невозможно сравнивать с делами милосердия двух других свидетелей. Именно тогда я попытался вжиться в только что прочитанный евангельский отрывок. Стоял июль, жаркий месяц на Тайване, я сидел в своей комнате, на втором этаже нашего дома, примыкав-

¹⁵ Мф. 16:13–14.

шего к маленькой приходской церкви Св. Франциска Ксаверия, вверенной нашему попечению тремя годами ранее, где настоятелем был отец Паоло Коста из Имолы. С улицы доносился привычный повседневный шум живописного и оживленного рынка, который по сей день окружает нашу церквушку. Суматошное скопление людей, продающих, покупающих, кричащих среди лавок, где есть все что угодно, множество звуков, цветов, запахов — они всегда ошеломляют и удивляют того, кто встречается с ними впервые, и нужно время, чтобы к ним привыкнуть. И вот я представил, что, когда я, измученный зноем, готовил мое выступление для Митинга, кто-то позвонил в нашу дверь. Я представил, что был дома один и, с трудом преодолев вялость, нехотя спустился по лестнице, лениво открыл дверь и увидел перед собой... Иисуса. После первого мгновения естественного изумления я сказал бы Ему: «Господи, что Ты тут делаешь? Пожалуйста, проходи, не стой на солнцепеке...» А Он ответил бы мне: «Привет, Леле. Не беспокойся, заходить Я не хочу, Я просто шел мимо и подумал: все эти люди на рынке, которые каждый день снуют туда-сюда по вашей улочке, или те, кого вы встречаете в университете, где преподаете итальянский и учите китайский, или те, с кем вы изо дня в день ездите на автобусе или в метро в центр Тайбэя... Короче, все эти люди за кого почитают Меня?»

И я не смог бы ответить, как ответили в свое время Его ученики, я не смог бы сказать: «Знаешь, Иисус, одни говорят, что Ты Иоанн Креститель, другие — что Илия, третьи — что Иеремия или кто-то еще из пророков...» Все их ответы были неправильными, но имели какую-то связь с Иисусом, с Его народом и историей. Я же находился на Тайване, где католики представляют менее одного процента населения и где связь местной культуры с израильским народом и его историей равна нулю. Нет. Мне пришлось бы посмотреть Ему в глаза и сказать подавленно и с болью: «Господи, мне жаль, но эти люди понятия не имеют о том, Кто Ты».

Однако по сути именно ради этого я и был там; осознание того, как далеки эти люди от нашей веры и от человеческой и божественной истории Христа, делало еще более насущным мое пребывание там, наше присутствие на той земле и еще более щемящим желание отдать свою жизнь, чтобы Иисуса узнали и полюбили там, куда я как раз ради этого и попросил моих настоятелей отправить меня, движи-

мый желанием, которое возникло у меня много лет назад, когда я, будучи студентом, посмотрел один китайский фильм¹⁶.

«За кого люди почитают Меня?» Там, на Тайване, большинство людей, которых я встречал, понятия не имели, Кто Он такой.

Редукции фигуры Христа

Однако есть, пожалуй, нечто еще более печальное, чем отсутствие каких-либо представлений об Иисусе. Есть еще более жалкая позиция, позиция человека, который составил собственное представление о Нем и умаляет Его личность, Его идентичность до этого представления.

В истории западной мысли существует два вида умалений, которые обобщают и в некотором смысле вбирают в себя все остальные. С одной стороны, есть склонность связывать фигуру Христа с духовной, частной сферой, без того, чтобы опыт веры, порожденный встречами с Ним, как-либо соприкасался с реальной жизнью. С другой, Иисус воспринимается всего лишь как пример для подражания.

А. Первую позицию можно определить как гностическую. Жан Гиттон в своей знаменитой работе «Растерзанный Христос» писал, что всякая ересь является, по сути, разновидностью гнозиса, предлагающей дуалистическое видение человека и реальности¹⁷.

В основе этой философской позиции лежит презрение к телу и материи, которые считаются противоположностью подлинной сущности человека и реальности, то есть их духовной составляющей. На протяжении веков она принимала различные формы, которые конкретным образом воплощались в том числе и в самых настоящих ересьях, и можно с уверенностью сказать, что она красной нитью проходит сквозь большую часть философских и политических течений западного мира, включая, не в последнюю очередь, либерализм англосаксонского толка, который в последнее столетие все больше демонстрировал позицию, противоположную самим основам нашей веры.

¹⁶ *Жизнь* (Huózhe). Реж. Чжан Имоу. Китай, 1994.

¹⁷ J. Guitton. *Le Christ écartelé. Crises et conciles dans l'Église*. Paris: Perrin, 1963.

Один из величайших ныне живущих американских мыслителей Майкл Сэндел был приглашен в этом году на фестиваль «New York Encounter». Отвечая на вопросы профессора Паоло Кароццы, Сэндел подчеркнул, что среди наиболее серьезных ошибок либерального мировоззрения можно отметить фактический запрет «вторгаться» со своими этическими и религиозными взглядами в общественную и социальную жизнь. Такое четкое разделение публичного и частного — одно из последствий или, если угодно, выражение дуализма, который лежит в основе автономии науки и техники, характерной для современности¹⁸.

Отец Джуссани в тексте «Il senso di Dio e l'uomo moderno» («Чувство Бога и современный человек») подробно разъясняет, что эта мнимая автономия техники вытекает из притязания человека на то, чтобы занять место Бога в притязании на «безграничное и беспрепятственное господство»¹⁹ над реальностью и собственной судьбой. Считая человеческий разум единственным критерием суждения о том, что хорошо и что плохо, утверждая, будто все достижимое средствами науки является допустимым, человек присваивает себе право манипулировать материей на свое усмотрение, включая человеческое тело и жизнь. И это происходит в силу превосходства духа, лежащего в основе гностического дуализма, о котором говорил папа Франциск. О нем же идет речь в документе «Placuit Deo»: «Таким образом предполагается освободить человека от тела и материального космоса, в каких уже не обнаруживается отпечаток промыслительной руки Творца, а видна лишь бессмысленная реальность, чуждая личностной идентичности и поддающаяся манипуляции в соответствии с интересами человека»²⁰. Это открывает путь к трансгуманизму, то есть к идеологии человека, который воссоздает самого себя²¹.

Йозеф Ратцингер в книге «Введение в христианство» отмечает этот сдвиг, комментируя принцип «*verum quia faciendum*»²²: мы перешли от восприятия Истины как чего-то, что надлежит исследовать и созер-

¹⁸ Cf. M. Ferraresi. *Riempire il vuoto che ha sfiancato la democrazia*. Intervista a Michael Sandel // *Tracce*. N. 4. 2026. P. 22–25.

¹⁹ L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: BUR, 2015. P. 94.

²⁰ Конгрегация доктрины веры. *Placuit Deo*, II, 3.

²¹ Cf. Commissione Teologica Internazionale. *Quo vadis, humanitas? Pensare l'antropologia cristiana di fronte ad alcuni scenari sul futuro dell'umano*. § 61–62.

²² См. Й. Ратцингер. *Введение в христианство*. Брюссель, 1988. С. 32.

цать, к Истине как к результату нашего труда и нашей мысли. Некогда признавалось существование объективной, «онтологической» истины; в новое время истина связана с тем, что человек способен сделать. Следствием этого антропологического сдвига стало то, что идеалом каждого человека становится успех, преуспевание его проектов, «результативность», как уже в 1985 году говорил отец Джуссани²³, в результате чего человек превращается в раба того представления о собственном свершении, которое он составил, заимствовав его извне.

Где во всем этом Христос? Христос, как и все, что касается личной стороны любого человека, оттеснен в частную сферу, отделен от реальности, словно Он никогда и не был по-настоящему ее частью. Вот почему истинный враг гнозиса — Воплощение, вера в Бога, ставшего человеком и присутствующего здесь и сейчас.

Мы тоже можем поддаться спиритуалистическому или гностическому искушению. Это происходит, когда, например, в основе наших действий или суждений лежит не отношение со Христом, или когда наши отношения с Ним выстроены так, будто у Него нет лица в истории, будто Он не воскрес и потому не присутствует здесь и сейчас в тайне Церкви, то есть когда мы не признаем конкретный способ, с помощью которого Он сейчас являет Себя в нашей жизни и который для нас, собранных здесь, совпадает с реальностью, родившейся от харизмы, дарованной Духом Святым отцу Джуссани.

Б. Вторую позицию назовем «пелагианской», и она заключается в мысли о том, что человек может спасти себя сам и не нуждается в благодати Христа, Который в конце концов превращается лишь в хороший пример для подражания. Это моралистическая редукция. Такой способ мышления также вводит в заблуждение, поскольку предполагает, что истина о человеке обнаруживается в самом человеке, и тем самым косвенно отрицает, что человек поражен злом первородного греха и нуждается в спасении, которое исходит от чего-то или кого-то вне его, больше его.

Масштаб неразумности этой позиции сегодня можно констатировать по количеству войн, ежедневных случаев насилия и произвола,

²³ L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. P. 89.

свидетелями которых мы, увы, являемся и которые нередко затрагивают и нас лично. Об этом могут рассказать наши друзья, живущие в тех частях мира, где война и вытекающий из нее глубокий гуманитарный кризис подвергают испытаниям население этих стран: от Украины до Ближнего Востока, от Мексики до Кубы, от Мьянмы до Гаити. Все эти факты свидетельствуют о том, насколько человечество неспособно спастись собственными силами.

Мы тоже можем впасть в подобную редукцию христианства, сводящую веру к «морализму»²⁴, если возлагаем надежду на то, что делаем мы, на наши инициативы и наши проекты, личные и коллективные, на наше чувство удовлетворенности от формального согласия с предлагаемым путем, словно мы в состоянии спастись самостоятельно и не нуждаемся в живом присутствии Христа, в Его благодати и в Его милосердии, равно как и в Его исправлении и в Его наставлении, которые доходят до нас через человеческий облик Церкви. В результате и мы начинаем напоминать «христианские отряды», или «ряды христиан», о которых Джуссани пишет в третьей главе книги «У истоков христианского притязания»²⁵.

На обе эти позиции, о которых часто говорил отец Джуссани и против которых нас неоднократно предостерегал папа Франциск, прекрасно отвечают слова папы Льва XIV: «Христианство родилось не от идеи, а от плоти. Не из отвлеченного понятия, а из чрева, из тела, из гроба. Христианская вера в самой подлинной своей сущности есть вера историческая: она основана на конкретных событиях, на лицах, на жестах, на словах, произнесенных на определенном языке в определенную эпоху в определенной среде. <...> Бог решил говорить на человеческом языке, ступать по земле, обитать в местах, в домах, в синагогах, на дорогах»²⁶.

Иисус — исторический факт, Бог, облекшийся в плоть и пожелавший войти в историю в конкретный момент и в конкретном месте, ходить, есть, пить, спать, как каждый из нас. И с того «момента во

²⁴ Й. Ратцингер. *Проповедь на похоронах монсеньора Луиджи Джуссани* // L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 265.

²⁵ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 3, § 3.

²⁶ Лев XIV. *Апостольское послание Святейшего Отца о значении археологии по случаю столетия Панского института христианской археологии*. 11 декабря 2025 г.

времени», как говорит Т. С. Элиот²⁷, человеческое существование должно считаться с этим фактом, который притязает на то, что в нем заключен смысл всей истории. В этом состоит «коренной переворот метода»²⁸, который отец Джуссани описывает в третьей главе книги: нас спасают не наши идеи, не наши моралистические усилия, а факт, происходящий вне нас.

В. Есть в сегодняшнем мире и третья позиция, возможно, наиболее коварная и неявная, и она свойственна большинству людей, которых мы встречаем. Она представляет собой практическое следствие двух первых позиций и хорошо выражена в одном из эпизодов фильма Терренса Малика «Тайная жизнь», посвященного истории блаженного Франца Егерштеттера и отчасти вдохновившего выставку «Франц и Франциска. Нет больше той любви...», представленную на Митинге в Римини два года назад (мне посчастливилось участвовать в ее создании с друзьями из Милана и Падуи²⁹). В одной из ключевых сцен этой невероятной картины австрийский блаженный входит в маленькую часовню, где работает художник, и они начинают вместе размышлять над смыслом его работы (много лет назад один кинокритик сказал мне, что, когда режиссер показывает нам художника, размышляющего о своем искусстве, на самом деле это его личные размышления — в данном случае о смысле режиссерской работы). В фильме художник, в частности, останавливается на теме истины: «Наступают более темные времена... в которые люди станут более хитрыми. Они не будут бороться с истиной, они просто будут ее игнорировать»³⁰.

Глубинное безразличие является, пожалуй, наиболее распространенной позицией в нашем западном мире и нередко, даже без нашего ведома, влияет на наш образ мышления и поведения. И все же, как мы видели из очень четкого и подробного описания в книге «Религиоз-

²⁷ Т. С. Элиот. *Песнопения из «Камня»*. Цит. по: Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Предисловие.

²⁸ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 3, § 1.

²⁹ *Тайная жизнь (Hidden Life)*. Реж. Т. Малик. США-Германия, 2019. Выставка «Франц и Франциска. Нет больше той любви». Кураторы Дж. Боскало, А. Каспани, Дж. Кавалли, Дж. Эммоло, Л. Фриджерио, Р. Гатти, С. Санвито, Э. Силанос, Д. Дзардин. Была представлена в рамках Митинга в Римини в 2024 г.

³⁰ Сцена с художником Олендорфом из фильма «Тайная жизнь».

ное чувство», и такая позиция, основанная на практическом отрицании вопросов³¹, в долгосрочной перспективе не выдерживает.

«А все же Я существую»

В «Обрученных» Алессандро Мандзони есть страница, где хорошо описана эта динамика. Я имею в виду невероятный рассказ об обращении Безыменного, который, безусловно, является одной из вершин романа итальянского писателя. Новое рождение этого человека, одинокого и, казалось бы, беспринципного, происходит долгой и мучительной ночью, на протяжении которой он даже думает свести счеты с жизнью. Ключевую роль в нем сыграл разговор с Люцией, подготовивший его встречу с кардиналом Федерико Борромео. Но в действительности еще до встречи с Люцией у него в голове возникла одна мысль. Вот как Мандзони говорит об этом на знаменитой странице: «Тот Бог, о Котором он слышал, но Которого уже давно не считал нужным ни отрицать, ни признавать, ибо был занят лишь тем, как бы прожить, словно Его и не существует, теперь, в минуты беспричинной тоски, в мгновенья страха без видимой опасности, чудилось ему, зывал в его душе: „А все же Я существую!“»³²

«А все же Я существую». Это «Я существую» эхом раздается во всех откровениях Бога, известных нам из Писания. «Я существую» («Я есмь сущий») — имя, которое Бог сообщает Моисею на горе Синай, но таким же образом Иисус являет Себя самарянке («Это Я, Который говорю с тобою»), ученикам после усмирения бури («Это Я, не бойтесь»), воинам, посланным схватить Его в Гефсиманском саду («Это Я»); фарисеям («Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я»; «Прежде нежели был Авраам, Я есмь»)³³. Иисус использует эти слова, чтобы явить Свою божественность.

Но больше всего в словах Мандзони меня на самом деле поражает «все же»: «А все же Я существую». Оно подразумевает: «Несмотря на то, что ты отрицаешь Меня, поносишь Меня, грешишь, отвергаешь, забываешь, несмотря на то, что ты не замечаешь Меня... Я все же су-

³¹ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 74–80.

³² А. Мандзони. *Обрученные*. Гл. 20. Курсив наш.

³³ Исх. 3:14; Ин. 4:26; Мф. 14:27; Ин. 18:5; Ин. 8:28; Ин. 8:58.

ществую». Что значит: «Ты не можешь устранить Меня, не можешь отрицать то, кем Я для тебя являюсь. Даже если ты не жаждешь Меня, не ищешь Меня, даже если предаешь Меня тысячу раз на дню, *Я все же существую*».

Наша жизнь меняется в силу объективного факта — Его непреклонного Присутствия. Непреклонного, потому что оно утверждается в нашей жизни, несмотря на все наше зло. Обращение каждого из нас проистекает из объективности Его «*а все же*», присутствия несмотря ни на что. Подумаем о себе, о наших предательствах, о нашей забывчивости... Когда начинается наше раскаяние, наше обращение? Когда мы осознаем, что, несмотря на наши предательства, Он все же есть.

«Чтобы на нем явились дела Божии»³⁴

Если мы посмотрим на факты, которые произошли в нашей жизни в последние месяцы (Давиде уже упомянул некоторые из них), найдется множество причин, позволяющих с полным основанием утверждать, что, несмотря на всю нашу забывчивость, несмотря на все безразличие мира и на его попытки редуцировать присутствие Христа, Он все же существует и действует в нашей жизни и в жизни мира.

Год назад, когда мы приехали на упражнения, которые читал мONSEНЬОР Джованни Паккози, подходили к концу последние дни жизни папы Франциска. Мы помним его частые госпитализации и выписки, как он вынужденно появлялся на публике в инвалидном кресле, его последнее приветствие народа, собравшегося на площади Св. Петра. Потом был конклав, время молитвы, а также слухов, предположений, опасений...

В те дни я был вместе с одним из собратьев в Вареиготти, в доме св. Франциска, и после появления белого дыма мы с друзьями из *Memores Domini* провели в ожидании добрый час, пытаясь угадать, кого же выберут, опираясь на комментарии в прессе и соцсетях, которые, как обычно, утверждали, что кардиналы разделились, что конклав продлится долго, что разные группировки будут сражаться

³⁴ Ин. 9:3.

между собой. Но менее чем через два дня они уже избрали нового понтифика! И какую великую радость мы испытали, когда на центральной лоджии собора Св. Петра появился Лев! Сколько взволнованности было в его жестах и в его глазах! И в наших глазах тоже! Следующие месяцы лишь подтвердили убежденность в том, что Дух Святой умеет давать хорошие советы тем, кто прислушивается к Его слову.

Затем наступило лето и эскалация насилия во многих уголках мира, особенно в Газе и Украине. Но и в этих тяжелых обстоятельствах настоящей благодатью стало то, что мы смогли встретить свидетелей веры и надежды — кардинала Пьербаттисту Пиццабаллу (все мы помним его предложение отдать себя в обмен на заложников); или молодого епископа Харькова, монсеньора Гончарука (в интервью друзьям из «Новой Европы» на вопрос о том, что он как епископ может делать для своей паствы в этих обстоятельствах, он ответил: «Иисус Христос сказал: оставайтесь со Мною. Моя задача оставаться с Ним. Я там, потому что Он там»³⁵); или епископа Бейрута, чье письмо Давиде прочитал выше. Равно как и то, что переживают наши общины в тех странах, имеет в себе нечто чудесное: я думаю о вере и милосердии, с помощью которых оказывается поддержка нашим братьям и сестрам украинцам, в том числе благодаря близости «Друзей Эммауса», или о маленьких, но стойких общинах на Кубе, в Сирии, в Ливане. Как сказал папа Лев: «История истерзана власть имущими, но спасаема смиренными, праведными, мучениками, в ком добро сияет, а подлинная человечность выстаивает и обновляется»³⁶.

Наша жизнь отмечена многочисленными фактами, большими и маленькими, о которых уже сказал и Давиде. Вплоть до новости о завершении епархиального этапа в процессе беатификации и канонизации отца Джуссани.

Вновь обдумывать эти факты для меня означает вслушиваться в тот же голос, что услышал в тот день Безымянный: «А все же Я существую», — то есть: «Есть то, что превосходит ваши страхи, ваши

³⁵ P. Honcharuk. *Resto a Kharkiv perché Dio è lì* // *La Nuova Europa*. 1 settembre 2025.

³⁶ Лев XIV. Видеообращение по случаю представления заявки проекта «Жесты гостеприимства» в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Лампедуза, 12 сентября 2025 г.

мысли, ваши сомнения и даже ваши возможные возражения или разделения. Я существую и продолжаю действовать в вашей истории».

«Кто Ты, Господи?»

Эти дни — возможность для нас еще раз вернуться к вечно новому событию: ко встрече с Ним. Как это было для Безыменного или для апостола Павла, который, упав на землю на дороге в Дамаск, возгласил: «Кто Ты, Господи?»³⁷

Этот же драматичный вопрос прокричал и святой Франциск в лесах на горе Верна, о чем отец Джуссани вспоминает в третьей главе книги «У истоков христианского притязания»: «Кто Ты? Кто я?»³⁸ Это те же слова, что написала мне подруга из Римини, недавно узнавшая, что она больна: «Кто Ты? Чего Ты хочешь от меня, глядя на меня так, любя меня так — до самого нутра, тогда как я сама бы вырвала из себя всю эту реальность, прямо сейчас?» Именно этот вопрос, сокрытый под нагромождением редукций, возражений, оспариваний, занимает сердце каждого человека. И сформулировать его так мощно и точно может лишь встреча со Христом. Ради этого мы здесь сейчас: чтобы помогать друг другу отвечать на этот вопрос. И поэтому мы просим друг у друга проживать время упражнений вместе, внимательно следуя указаниям, которые нам будут давать каждый раз, потому что только в атмосфере молчания можно по-настоящему настроиться на слушание и диалог с Ним.

Близость ко Христу

В эти дни мы хотим помогать друг другу погрузиться в работу, которую отец Джуссани предлагает в тексте школы общины этого года. В предисловии он обращается к седьмому хору из «Камня» Т. С. Эли-

³⁷ Деян. 9:5.

³⁸ Цит. по: Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 3, § 4.

ота³⁹ и комментирует: «Я собираюсь показать глубокую обоснованность утверждения Элиота и христианского благовестия в его первоначальном виде». Далее он объясняет, каков движущий критерий книги и что этим же критерием движима и вся его жизнь: «[Это] послушание достоверному Преданию Церкви, всему церковному Преданию».

Мы хотим идти по этому пути вместе в лоне Церкви, укорененные в ее истории и укрепляемые сегодня водительством Святейшего Отца, вживаясь в то, что случилось с апостолами и людьми, впервые в истории встретившими Христа на дорогах Палестины. Отец Джуссани продолжает: «На [этом] пути [путь Христа как исторического факта, как Человека, которого я могу встретить в плоти и крови] Христос становится близким, почти как со временем отношения с матерью и отцом все больше внутренне формируют человека»⁴⁰.

Мы тоже просим о такой близости, потому что не хотим сводить Иисуса к примеру для подражания или к далекому идеалу, который мы чувствуем в глубине души, но который не затрагивает и не меняет нашу повседневную реальность, поскольку мы не хотим жить так, будто Его не существует. Мы тоже жаждем таких же близких отношений со Христом, какие были у Иоанна и Андрея, у Иакова и Петра, ходивших с Ним по дорогам Галилеи и Иудеи, — чтобы и нам слышать голос Иисуса, обращающего к нам тот же вопрос, с которым Он однажды обратился к ним: «А вы за кого почитаете Меня?»

³⁹ «Затем в predetermined миг настал момент времени и во времени, / Момент не вне времени, но во времени, в том, что мы зовем историей: рассекающий, разделяющий мир времени, / момент во времени, но отличный от момента времени, / Момент во времени, но время сотворено через этот момент: ибо без смысла нет времени, а тот момент времени принес смысл. / И казалось, отныне люди должны идти от света к свету в свете Слова, / Через Страсти и Жертву спасенные вопреки их дурной сущности; / Дикие, как и прежде, плотские, своекорыстные, как и прежде, себялюбивые и близорукие, как и прежде. / И все же вечно борющиеся, вечно подтверждающие, вечно возобновляющие свое шествие по пути, озаренному светом. / Часто колеблющиеся, плетущиеся, блуждающие, медлящие, возвращающиеся, но не идущие другим путем». (Т. С. Элиот. *Песнопения из «Камня»*. Цит. по: Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Предисловие).

⁴⁰ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Предисловие.

Суббота, утро

Людвиг ван Бетховен

Симфония № 5 до минор, ор. 67

Риккардо Мути — Филармонический оркестр Ла Скала

«*Spirto Gentil*», п. 11, Universal

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Эммануэле Силанос

«А вы за кого почитаете Меня?»

Ради чего мы вместе. Память о Христе

Всем нам известно: в последние дни своей жизни отец Джуссани, уже прикованный к постели, просил тех, кто был рядом с ним, молиться о нем и петь песни из нашей истории. Одну из них он хотел слышать чаще всего, ее же он попросил спеть в самом конце, — и это *Noi non sappiamo chi era*⁴¹. Как хотелось бы узнать у него почему.

Осмелюсь предположить: возможно, причина в том, что ее название в некотором смысле описывает нас, касается нашей жизни сегодня. Возможно, мы и правда не знаем, кем был Иисус. В конце концов, если даже Джуссани, чья связь со Христом была настолько близкой, что, когда он пересказывал евангельские эпизоды, нам казалось, будто он пережил их от первого лица, — если даже он хотел, чтобы ему снова и снова повторяли эти слова, то, вероятно, он чувствовал их своими.

⁴¹ А. e G. Roscio, A. e G. Agape. *Noi non sappiamo chi era* // Песенник. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 154.

Получается, всей жизни, жизни, всецело прожитой в вере во Христа, проведенной в неустанном углублении отношений с Ним, недостаточно, чтобы утверждать, что знаешь Его?

Думаю, ответ кроется в том определении слова «Тайна», которое я всегда слышал от отца Массимо Камизаски (а он в свою очередь опирался на Предание Церкви, например, на святого Максима Исповедника, святого Ефрема Сирина и др.): Тайна — не что-то неведомое и неподдающееся познанию, а потому внушающее страх; напротив, Тайна бесконечно познаваема, она непрестанно дает познавать себя, и чем глубже я погружаюсь в нее, тем больше обнаруживаю пространств для исследования, куда можно окунуться, чтобы познать ее еще больше. Христос — Тайна, Тайна, которая открывает себя для бесконечного познания⁴².

Об этом другими словами говорил Марко Галло: «Желание счастья, в отличие от голода и боли, возрастает по мере его утоления»⁴³. То же самое написала и одна подруга в свидетельстве, присланном к этим упражнениям: «Иисус, являя Себя, не гасит жажду моего сердца, а скорее делает ее более глубокой, более жгучей».

Возможная (и часто совершаемая нами) ошибка — думать, будто мы все уже поняли о Нем. Так мы сводим Его к блеклому образу, который сами себе создали.

В свое время мне довелось пару раз посещать Третьяковскую галерею в Москве, и сильнее всего меня задела встреча с иконами Андрея Рублева — в особенности с ликом Спаса⁴⁴. Увидев его впервые, я замер перед ним на несколько минут, не отрывая глаз от взгляда Христа, такого доброго и такого глубокого; и я спросил себя, что меня привлекло в этом изображении, представляющем момент, когда Он изливает

⁴² «Христос, Слово Божие... принявшему Его, является... постольку, поскольку ведает, что тот способен принять Его. Поступая так, Он не призывает ревниво на безмерное величие Свое, но исследует и соизмеряет возможности жаждущих Его узреть. Глубинная же тайна существа Его неизменно пребывает неисследимой и неизреченной. <...> Великая... тайна воплощения Божия вовек пребудет тайной. <...> Лишь вера проникает в тайну сию, вера, которая есть доказательство и залог действительности, превосходящей всякое чувство и всякое разумение человеческое» (Из Аскетических посланий святого Максима Исповедника, аввы. *Литургия часов. Час чтений*. II чтение 4 января. М.: Паолине, 2004. С. 141).

⁴³ Marco Gallo. *Anche i sassi si sarebbero messi a saltellare*. Castel Bolognese (RA): Itaca, 2016. P. 124.

⁴⁴ Андрей Рублев. *Спас*. Темпера по левкасу на доске, 1400–1420. Из Успенского собора в Звенигороде, Москва, Государственная Третьяковская галерея.

Своего Духа. Помню, когда я был маленьким, родители повесили эту икону рядом с моей кроватью, и я думал, что тридцать сантиметров на сорок — ее реальный размер. На самом деле вживую она как большая дверь. Но меня удивил не только масштаб: массивная доска в значительной степени повреждена, от изображения остался лишь лик Христа и часть одежд. Репродукции, которые мы обычно видим в книгах, — фрагмент иконы, уцелевшая часть; остальное — голое дерево.

Те, кто знаком с историей этой иконы, помнят, что она была написана в начале XV века, но в скором времени стала считаться утраченной. Ее случайно обнаружили в 1918 году в крестьянском сарае: она использовалась как мостки, которые вели в хлев, и лежала лицевой стороной вниз. Вероятно, даже крестьянин не знал, что с обратной стороны доски была икона (и какая икона!). Соприкосновение с влажной землей невозвратно разрушило изображение, доведя его до нынешнего состояния. По преданию, лик Христа на иконе был напрямую явлен Андрею Рублеву Богом в самый драматичный момент его жизни (Силанос здесь пересказывает сцены из фильма А. Тарковского «Андрей Рублев», которые являются художественной реконструкцией режиссера, не имеющей исторических подтверждений. — *Примеч. перев.*). Говорят, что при разорении его деревни татарами, Рублев застал одного из них за изнасилованием женщины и в попытке остановить его ударил камнем насмерть. Потрясенный случившимся и терзаемый раскаянием, Рублев отдалился от всех и вся на двадцать четыре года, отказавшись писать иконы, потому что не считал себя достойным. Но однажды Иисус явился ему — не чтобы осудить, а чтобы уверить в Своем прощении. Андрей, ощутив на себе Божие милосердие, решил вернуться к иконописи и создал образ, который, как мне кажется, остается вершиной его творчества. Мы видим, что большая часть иконы не просто пострадала, а полностью утрачена: осталось лишь дерево, а краски исчезли. Но на дереве проступает своего рода пятно цвета, в котором ясно различается чудесно сохранившийся лик Иисуса. Он словно говорит нам: «Несмотря ни на что, несмотря на годы, на влажность, на снег, несмотря на удары, обрушившиеся на Меня, несмотря на забвение, безразличие, людское зло, несмотря на все эти и другие возможные редукции, несмотря ни на что, *все же Я существую*».

Несмотря ни на что, *«все же Я существую»*.

Думаю, немногие образы способны лучше, чем эта икона, описать, почему мы вместе и зачем собрались здесь сегодня: мы здесь, чтобы «искать лица Его»⁴⁵, чтобы помогать друг другу замечать, как лик Христа проступает в нашем опыте, в пережитом, а также и в нашей забывчивости, в наших редукциях или в нашем грехе, в шуме и рассеянности, наполняющих нашу жизнь. Мы вместе, чтобы мало-помалу вновь впускать Его в пространство нашего сознания, в наш взгляд, в наше сердце.

Скажем сразу: эта работа продиктована не только необходимостью противостоять нашей забывчивости. Она нужна всегда, поскольку Христос по природе Своей есть Тайна, даже если мы предстоим перед Ним каждый день! «Если ты можешь постичь, значит это не Бог», — говорил блаженный Августин⁴⁶. Поэтому не будем падать духом, напротив: именно Его неисчерпаемость вдохновляет наши поиски! Вспомним слова святого Ефрема Сирина: «Жаждающий радуется, когда пьет, и не сокрушается тем, что не может исчерпать источник. Пусть источник побеждает жажду твою, а не жажда побеждает источник»⁴⁷.

По этой причине мы здесь, и она соотносится с хорошо известным нам словом «память». В прологе к уставу Братства «Общения и освобождения» приведены три цели, ради которых Братство существует, и первая звучит так: «Подчеркивание памяти о Христе как утверждения образующих факторов христианского опыта, лежащих у истоков истинного образа человека»⁴⁸. Значит, эта работа не просто открывает нам, кто Он, но и позволяет понять, кто мы, «истинный образ человека», истинный образ каждого из нас. Альберто Саворана в биографии отца Джуссани пишет, что незадолго до смерти тот, беседуя с отцом Джорджо Понтиджей, сказал: «Мы должны помнить о Христе, потому что дружба есть память о Нем»⁴⁹. Мы вместе, чтобы хранить память о Нем.

Есть человек, чье отношение со Христом было целиком пронизано памятью, и это Его мать, Мария. Вся ее жизнь состояла в том,

⁴⁵ Ср. Пс. 26:8.

⁴⁶ «Si enim comprehendis, non est Deus» (Аврелий Августин. *Проповедь* 117, 3, 5).

⁴⁷ Преп. Ефрем Сирин. *Собрание творений. Толкование на Четвероевангелие*. М.: Сибирская Благовонница, 2017. С. 13.

⁴⁸ *Устав Братства «Общения и освобождения»*, 2025. Пролог // L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 304.

⁴⁹ Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 1156.

чтобы жить памятью о дне, когда она ответила согласием на весть ангела, памятью о «да», которое она произнесла, о молчании, которое воцарилось, когда «отошел от нее Ангел»⁵⁰. Вся ее жизнь была «сохранением всех слов сих в сердце»⁵¹, сохранением всего, что происходило с ней и ее обручником Иосифом благодаря тому Младенцу, всего, чего она не понимала и не могла понять, но созерцала, ожидая понимания со временем. Она сохраняла каждое слово Сына и каждый Его жест с тех пор, как Он уже во взрослом возрасте начал Свою миссию среди людей, и вплоть до дней Его Страстей и смерти, вплоть до Его воскресения. Именно вокруг нее собрались после голгофских событий потерянные и напуганные ученики, на нее они смотрели, когда Церковь делала первые шаги, охваченная силой Святого Духа. Ей же мы вверяем и самих себя на этом пути и, подобно ей, хотим учиться сохранять в сердце события, которые ввели нас в отношение со Христом.

Вот, стало быть, задача сегодняшнего утра: жить памятью.

Содержание памяти: человечность Христа

Чтобы жить памятью, будем придерживаться метода, которому научил нас отец Джуссани: попробуем вжиться в опыт людей, встретивших Его и в течение трех лет разделявших с Ним повседневную жизнь. Так мы вновь откроем в тех событиях то, что произошло с нами.

В предисловии к книге школы общины отец Джуссани пишет, что она представляет собой попытку определить истоки веры апостолов: «Я решил описать причину, по которой можно верить Христу: глубокое и разумное человеческое соответствие наших потребностей и события Человека Иисуса из Назарета. Я постарался показать, насколько очевидна разумность приобщения ко Христу и как она ведет нас от опыта встречи с Его человечностью к великому вопросу о Его божественности»⁵². Мы хотим того же: через познание человечности Христа дойти до признания Его божественности.

Попробуем выявить некоторые основные качества Его личности.

⁵⁰ Лк. 1:38.

⁵¹ Ср. Лк. 2:19, 51.

⁵² Л. Джуссани. *У истоков христианского притяжения*. Предисловие.

А. Любовь к реальности

Когда слушаешь притчи, рассказанные Иисусом в Евангелии, или читаешь примеры, которых предостаточно в Его речах, среди того, что впечатляет больше всего, — Его глубокая любовь ко всей реальности, к каждой детали реальности, даже к самой, казалось бы, незначительной. Поразительно, как совершенно Он знает природу: ветер, «которого голос слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»; птиц небесных, которые «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец... Небесный питает их»; полевые лилии, которые «ни трудятся, ни прядут; но и Соломон... не одевался так, как всякая из них»⁵³ (об этом поется в песне Анаса⁵⁴); лисиц, у которых «есть норы»; овец — потерянных и найденных, которые знают голос их пастыря, а также погибших и пастыря не имеющих; нивы, «побелевшие и поспевшие к жатве»; виноградные лозы с их ветвями⁵⁵. Эти точные наблюдения можно было бы перечислять часами.

Немецкий богослов Карл Адам (Джуссани был хорошо знаком с его трудами, и они во многом вдохновили его) в своем наиболее знаменитом тексте «Иисус Христос» писал: «Иисус видит вещи не в том состоянии, в каком их смысл и сущность жестко закреплены человеческой мыслью, Он видит, как они источаются из рук Творца. Он видит их в их внутренней динамике, в силу которой они зависят от Бога, в живом течении их становления как творений, в творческом движении, благодаря которому они происходят от Бога»⁵⁶. Иисус видит лисицу или лилию не так, как видим их мы, Он видит, как они созидаются Отцом сейчас, в это самое мгновение.

Итак, любовь к реальности — первый способ, с помощью которого Иисус приучает человека к отношению с Богом, Творцом всего. Сколько времени требуется человеку, чтобы достичь подобного знания реальности! Об этом свидетельствует блаженный Августин в том месте «Исповеди», которое хотя бы раз в жизни почти все мы читали, где он напрямую обращается к Богу и утверждает: «Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полю-

⁵³ Ср. *Ин.* 3:8; *Мф.* 6:26, 28–29.

⁵⁴ А. Anastasio. *E poi vieni dietro a me*. Из альбома *Pochi passi*. Tappeti Sonori Recording Studio, 2022; arrangiamento Walter Muto, ©FSCB.

⁵⁵ *Лк.* 9:58; *Ин.* 4:35; *Ин.* 15:5.

⁵⁶ К. Adam. *Gesù il Cristo*. Brescia: Morcelliana, 2025. P. 122.

бил я Тебя! Вот Ты был во мне, а я — был во внешнем и там искал Тебя, в этот благообразный мир, Тобой созданный, вламывался я, безобразный! Со мной был Ты, с Тобой я не был. Вдали от Тебя держал меня мир, которого бы не было, не будь он в Тебе»⁵⁷. Я безобразно кидался на прекрасные творения, объятый жаждой обладания, и потому творения, которые должны были указывать на Тебя, в конце концов держали меня вдали от Тебя.

Для Иисуса, напротив, любовь к творениям была одним целым с любовью к Тому, Чьим зна́ком они являлись. Отсюда и Его глубочайшее уважение ко всякой вещи и ко всякому человеку — то, что отец Джуссани называет целомудрием. Это одна из причин, по которой святого Франциска по праву считают *alter Christus*: он тоже любил реальность, любил творения как знак Творца. Франциск, будучи совершенно нищим, обладал всем⁵⁸.

Кроме того, притчи и речи Иисуса изобиловали упоминаниями всевозможных работ, искусств, занятий, человеческой деятельности. Иисус знает, когда обрезают лозу; знает, что молодое вино не следует наливать в старые мехи, а иначе те лопнут, и вино выльется; Он знает, когда засеять поле, знает сроки жатвы и что, когда момент настает, нужно множество работников для сбора урожая; Ему прекрасно знакома тяжкая жизнь наемников, ожидающих на краю дороги, что хозяин виноградника возьмет их на день, а с другой стороны, известно Ему и ненасытное накопительство тех, кто набивает житницы урожаем, не зная, что с ними будет завтра. Он также хорошо разбирается в строительстве: в том, как важно найти правильное место для закладки жилища и что, прежде чем возводить башню, нужно тщательно все просчитать, чтобы не бросить дело на полпути. Кроме того, Он, похоже, понимает, как ведутся войны или судебные тяжбы. Он осведомлен о правилах гостеприимства: куда садиться за стол и что делать, когда в твой дом входит гость. И конечно же, Он в совершенстве знает Писание, которое точно цитирует по памяти.

Зачем нужен этот длинный список? Потому что из него хорошо видно, что никакой аспект повседневной человеческой жизни не был

⁵⁷ Аврелий Августин. *Исповедь*. Книга десятая, XXVII. Пер. М. А. Сергеевко.

⁵⁸ Cf. D. Rondoni. *La ferita, la letizia. Faccia a faccia con San Francesco, poeta di Dio e del mondo*. Roma: Fazi, 2025. P. 80–81.

Ему чужд. Но, если Христу интересно все в нас, значит, все, чем мы занимаемся и живем, связано с Его личностью.

В одной из книг отца Джуссани, посвященной его отношениям с ассоциацией «Famiglie per l'Accoglienza» (по моему скромному мнению, он справедливо называет ее «важнейшим из всех дел, возникших в Движении») ⁵⁹, рассказывается о том моменте, когда он впервые понял, что Христос касается каждого аспекта нашей жизни. Ему было лет десять, и однажды он случайно проходил мимо двери кухни. Маленький Луиджи увидел, как мама мыла посуду, но не стал ее прерывать и вместо этого наблюдал за ней издали и заметил, что она замерла на несколько секунд или минут в молчании. Луиджино спросил себя, почему вдруг она остановилась. Чуть позже, когда она вернулась к тарелкам, он понял: «Она молилась». Тогда-то Джуссани и догадался, что Христос касается всего, даже мытья посуды. В книге он комментирует: «Даже величайшие философы, [такие как] Сократ и Платон... не в силах были вообразить... что действие, столь неотрывное от вещей естественного порядка [мытью посуды], может раскрыться как отношение с бесконечным, каким является приношение Богу того, чем ты занимаешься. <...> Бог, делаясь нам близким, наполняет нашу жизнь чудом, прежде всего превращая в чудо все, что мы совершаем, — таков Его метод» ⁶⁰.

Итак, это первый способ, с помощью которого Иисус сотрясает образ мысли не только великих философов, но и наш и тех, кто в те времена ожидал пришествия Мессии. Он хочет, чтобы люди встречали Его не в грандиозных и ошеломительных событиях, а в обычной жизни и повседневных делах. Это ясно видно, когда читаешь книгу

⁵⁹ L. Giussani. *Il miracolo dell'ospitalità*. Milano: Piemme, 2025. P. 63. «Famiglie per l'Accoglienza» — итальянская католическая ассоциация, основанная в Милане в 1982 году при духовном участии отца Джуссани; объединяет семьи, берущие на себя заботу о детях и взрослых в трудной жизненной ситуации (усыновление, патронатное воспитание, уход за пожилыми и людьми с инвалидностью).

⁶⁰ *Ibidem*. P. 107.

«Практика Божьего присутствия»⁶¹ брата Лаврентия Воскресения, горячо любимого папой Львом XIV, где говорится, что он переворачивал свой «омлетик на сковородке из любви к Богу»⁶².

Джуссани использует прекрасный термин — «близкий». Бог делается близким нам в нашей повседневности, простой и, казалось бы, очевидной. А значит, нет такой области человеческого существования, которую бы не затрагивала встреча с Ним и которая не могла бы быть осмыслена в свете этой встречи.

Б. Внимание к личности и знание человеческого сердца

Описанное знание реальности сопровождалось чередой удивительных событий, чудес. Тем не менее, отец Джуссани говорит: «Величайшим чудом, поражающим учеников ежедневно, было не исцеление хромых, не очищение прокаженных, не возвращение зрения слепым. Величайшим чудом [был] проникновенный взгляд, который открывал человеку человека и от которого невозможно было уклониться. Ничто так не убеждает человека, как взгляд, объемлющий его и распознающий то, чем он является, открывающий человеку самого себя. Иисус видел внутреннюю сущность человека»⁶³.

Здесь Джуссани вторит знаменитым словам из конституции Второго Ватиканского собора *Gaudium et spes*, которые так любил Иоанн Павел II: «Христос, новый Адам, в Откровении тайны Отца и Его любви полностью являет человека самому человеку и открывает ему

⁶¹ Так отец Джуссани говорил о книге месяца — практике, предлагавшейся с самого начала существования «Студенческой молодежи» и сохраняющейся в Движении по сей день: «Ежедневное размышление было настоятельно рекомендовано, и каждый месяц советовали читать книгу, способную послужить для него отправной точкой. „Книга месяца“ предлагалась также как способ пополнения культурного багажа для тех, кто хотел бы — с точки зрения христианского опыта — диалектически противостоять господствующему образу мысли» (L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione. 1954–1986*. Milano: BUR, 2014. P. 38). Со временем тематика предлагаемых книг месяца расширилась: от духовного чтения до культуры, от свидетельств до злободневных проблем, от художественной прозы до поэзии и драматургии.

⁶² Не нужно... совершать великие дела...: я переворачиваю свой омлет на сковороде из любви к Богу; и когда он готов, если мне больше нечего делать, я простираюсь ниц и поклоняюсь моему Богу за то, что Он даровал мне благодать его приготовить, после чего встаю счастливее всякого царя. Когда я не могу делать ничего иного, мне довольно поднять с земли соломинку из любви к Богу (Fra Lorenzo della Risurrezione. *La pratica della presenza di Dio*. Città del Vaticano: LEV, 2025. P. 121).

⁶³ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 5, § 1, п. 1.

его высочайшее призвание»⁶⁴. Христос являет человека самому себе, позволяет ему осознать собственное достоинство и призвание.

Именно это случилось с Петром и Нафанаилом в первой главе Евангелия от Иоанна, которую отец Джуссани замечательно пересказывает в четвертой главе книги школы общины. То же случилось с самарянкой, услышавшей от Иисуса обо всем, что она сделала⁶⁵, и возвестившей об этом жителям своего селения. Или с женщиной, взятой в прелюбодеянии, или с Закхеем — всех их мы видим и на фресках из базилики Сант-Анджело-ин-формис близ Капуи, которые проецируются на экранах в дни упражнений⁶⁶. Иисус говорил с сердцем каждого из них: «Cor ad cor loquitur» («Сердце говорит к сердцу»), — как гласит девиз кардинала Ньюмана; он отсылает к сердцу Христа, говорящему к человеческому сердцу. Эхо этих слов прозвучало в речи отца Джуссани на площади Святого Петра 30 мая 1998 года, когда он перед Иоанном Павлом II сказал: «Подлинным главным героем истории является просящий: Христос, просящий сердце человека, и сердце человека, просящее Христа»⁶⁷.

Пожалуй, самый прекрасный и трогательный эпизод (по крайней мере в этот период года) — тот, что мы слышали в пасхальное воскресенье. Воскресший Иисус встречает Магдалину и спрашивает ее: «Жена! что ты плачешь?»⁶⁸ Иисус смотрит вглубь сердца каждого из нас, видит наши драмы и наши раны и задает нам тот же вопрос, что и ей: «Что ты плачешь?»

В. Доброта и ум

Третья характеристика человечности Иисуса — соединение в Нем доброты и ума. Джуссани очень точно замечает: «Властный человек редко бывает по-настоящему добрым». Часто складывается впечатление, будто более умные, более способные люди могут своевольно пользоваться властью, и в их присутствии не чувствуешь себя в безопасности. «В Иисусе же свидетели обнаруживали взгляд не только

⁶⁴ *Gaudium et spes*, 22.

⁶⁵ Ср. Ин. 4:29.

⁶⁶ См. здесь: Искусство в нашей компании. С. 139–140.

⁶⁷ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека: Новое небо, 2019. С. 9.

⁶⁸ Ин. 20:15.

властный, необычайный, не только умный, не только пронизательный, но и добрый. <...> Замечательно читать Евангелие и отыскивать едва намеченные штрихи, тонкие детали, выявляющие присущую Иисусу нежность, Его взволнованную близость к человеку»⁶⁹. «Что ты плачешь?»

Евангелия полны описаний нежности Иисуса: когда Он берет на руки и ласкает детей, ставит их в центр, защищает их желание быть с Ним, приводит их пример тем, кто хочет войти в Царство Небесное. Или когда встречается процессию, хоронившую юношу, единственного сына вдовы из Наина; речь об эпизоде, любовь к которому отец Джуссани привил нам в одном из самых замечательных его выступлений последних лет жизни, на упражнениях Братства 5 мая 2002 года: «Женщина, не плачь»⁷⁰. Или когда Иисус пришел в волнение перед бескрайней нуждой собравшейся перед Ним толпы, или когда Он плакал, глядя на возлюбленный Иерусалим, который отвергал Его и устремлялся к будущим разрушениям и терзаниям, которые, увы, не закончились до сих пор⁷¹.

Я особенно люблю один эпизод из Евангелия от Марка, где Его доброта и разумение реальности проявляются трогательным образом. Это встреча с Иаиром и женщиной, страдавшей кровотечением. Марк начинает свой рассказ так: «Когда Иисус опять переправился в лодке на другой берег, собралось к Нему множество народа. Он был у моря. И вот, приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, падает к ногам Его и усиленно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива. Иисус пошел с ним. За Ним следовало множество народа, и теснили Его»⁷². Евангелист знакомит нас с Иаиром, начальником местной синагоги: он продирается сквозь толпу, заполонившую берег моря Галилейского, чтобы встретить Иисуса, Который плывет в лодке с учениками. Иаир представляет все человечество, ожидающее Христа, человечество, алчущее спасения, нуждающееся в Нем.

⁶⁹ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 5, § 1, п. 2.

⁷⁰ См. Л. Джуссани. *Отдать жизнь ради дела Другого*. Италия, 2023. С. 109–110.

⁷¹ Ср. Лк. 19:41–44.

⁷² Мк. 5:21–24.

И вот Иисус следует за ним, теснимый многочисленной толпой, к его дому, где находится дочь. Однако происходит что-то, замедляющее их путь. Среди людей была больная женщина, страдавшая кровотечением: мучимая стыдом, в надежде исцелиться от недуга, унижавшего и определявшего ее на протяжении долгих лет, она тайком прикасается к одежде Иисуса. Тот останавливается и спрашивает, кто прикоснулся к Нему (как будто Он не знал!). Ученики возражают: «Как ты можешь задавать подобный вопрос, при таком-то скоплении народа? Разве не видишь, что Тебя касаются все?!» Вероятно, мы бы сказали то же самое. Почему же Иисус останавливается и просит женщину показаться? Причина в том, что Иисус не хочет, чтобы к Нему относились как к автомату по выдаче чудес; Он ищет личного отношения с каждым, кого встречает. Поэтому Он призывает женщину прежде всего взглянуть на Него. Иисус, как и в других евангельских эпизодах, приучает человека переводить взгляд на Него: истинное спасение заключается не столько в физическом исцелении, сколько в отношении с Ним. Поэтому, когда она, преодолев стыд, выступила вперед, бросилась к Его ногам и перед всеми призналась, что это она коснулась Его одежды, Иисус произнес: «Дщерь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей»⁷³. Иными словами, Он говорит ей: «Сейчас вера твоя спасла тебя! Твое спасение не в исцелении, в том, что ты вошла в отношение со Мной».

Приведенный отрывок и нам помогает понять, что наше спасение целиком и полностью состоит в отношении с Ним. Вот почему мы обращаемся к Нему и просим ответить на наши мольбы, на наши просьбы: более чуда (о котором правильно просить, и хорошо, если оно происходит!) меня спасает мое отношение с Ним. В этом суть и многих других евангельских эпизодов, таких, как хорошо известное нам исцеление десяти прокаженных или дочери хананеянки⁷⁴.

Вернемся, однако, к нашей евангельской странице, потому что в тот самый момент, когда Иисус встречает женщину, страдавшую кровотечением, дочь Иаира при смерти, и каждое мгновение может стать для нее последним: «Когда Он еще говорил сие, приходят от начальника синагоги и говорят: дочь твоя умерла; что еще утруждаешь

⁷³ Мк. 5:34.

⁷⁴ Ср. Лк. 17:11–19; ср. Мф. 15:21–28.

Учителя? Но Иисус, услышав сии слова, тотчас говорит начальнику синагоги: не бойся, только веруй. И не позволил никому следовать за Собою, кроме Петра, Иакова и Иоанна, брата Иакова. Приходит в дом начальника синагоги и видит смятение и плачущих и вопиющих громко. И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит. И смеялись над Ним»⁷⁵.

Для меня это один из самых показательных примеров отношения между Христом и человеком, между Христом и миром: «Что вы так шумите?» Иисус приходит в дом девочки, а там — шум и суматоха. Они выражают не что иное, как наш привычный способ жить в мире: шум, суматоха и беспорядок стремятся подавить глубокую человеческую нужду и заглушить голос Бога, дающего единственный сообразный ответ. Кажется, мир идет на все, чтобы не дать человеку услышать Его голос, чтобы тот жил в забвении, забвении Бога, но еще прежде — в забвении самого себя.

И все же, если подумать, когда мы имеем дело с нашей болью или болью любимых людей, более всего нас тяготит именно фоновый шум, не позволяющий нам предстоять перед этой тайной во всей нашей человечности и со всеми нашими вопросами. В чем по-настоящему нуждается человек, когда он переживает серьезные трудности или просто вынужден сталкиваться с реальностью во всей ее сложности? Все мы нуждаемся в молчании, а иначе говоря, нам необходимо встать перед Богом и перед самими собой. Молчание — место, где начинаешь осознавать себя, где мы в нашей жизни даем пространство голосу Бога, благу лику Христа.

Вот почему Иисус, едва войдя, спрашивает: «Что за гам вы устроили?» Это как сказать: «Зачем столько шума? Разве вы не понимаете, что предстоять перед драмой жизни и смерти можно лишь в молчании?» Затем Он добавляет: «Девица не умерла, но спит». Далее следует безжалостная фраза: «И смеялись над Ним». Люди разразились хохотом прямо Ему в лицо.

Мир смеется над притязанием Христа, над притязанием, что смерть не последнее слово, над притязанием Иисуса на то, что Он есть «путь и истина и жизнь»⁷⁶. А значит, мир смеется и над нами, теми,

⁷⁵ Мк. 5:35–40.

⁷⁶ Ин. 14:6.

кто связывает с Ним свои надежды и уверенность. Мир уже решил: «Дочь твоя умерла». Умерло наше желание спасения и вечности, безрассудны потребности и очевидности, которые мы зовем «сердцем» и которые выражают ожидание чего-то способного прорваться через границы ничто. Нередко и мы в глубине души с удивлением замечаем, что поддались такому зашоренному взгляду на реальность, мы тоже капитулируем перед той версией нашей жизни и всего, что нас окружает, какую преподносит нам мир.

В томе, опубликованном в прошлом году («Un volto nella storia»), отец Джуссани говорит о «*fascinatio nugacitatis*»⁷⁷, об обаянии пустоты, об «очаровании суетного», упомянутом в Книге Премудрости⁷⁸, и порой оно завладевает нами и ввергает в зло. Меня очень поразило это выражение. По словам Джуссани, это никак иначе не объяснимое очарование — след нашей сотворенности из ничего, сила, влекущая нас обратно туда. Вот почему иногда у нас возникает искушение: позволить ничто поглотить нас (я думаю о некоторых недугах, характерных для нашего времени, а также о многих привычках, вредящих нашей душе, таких как зависимости, порнография, игромания; таково мрачное обаяние ничто, убеждающее нас, что и мы «ничто»). В силу той же динамики и мы рискуем смотреть без всякой надежды на больного человека, на ребенка, родственника или друга, которые не соответствуют нашим ожиданиям, разочаровывают, избирают дурной путь, не принадлежат к Движению, больше не ходят на мессу. Можно дойти до того, что нам трудно взглянуть на наших детей, поскольку в наших глазах они, как зеркало, отражают наши неудачи. Так в конце концов мы начинаем рассуждать по-мирски и даже смеяться над спасительным притязанием Христа.

С одной стороны, мир подпитывает это обаяние ничто, эту культуру смерти: «Дочь твоя умерла», ей конец. Однако, с другой стороны, есть Иаир и кровоточивая женщина, олицетворяющие всякого мужчину и всякую женщину, которые хранят верность своей нужде в смысле, своему желанию жизни и испрашивают спасения. Иаиру Иисус говорит: «Не бойся, только веруй!» Поразительно, как Иисус поступает в ответ на издевательские насмешки людей в доме: «Он, вы-

⁷⁷ Cf. L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo (1969–1970)*. P. 88.

⁷⁸ Ср. Прем. 4:12.

слав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала»⁷⁹.

«Выслав всех»: Иисус не прибегает к полумерам, не теряет время на хорошие манеры, Он всех выставляет за дверь. Таким образом Он выносит ясное суждение обо всем, что не поможет семье Иаира пережить этот драматичный момент, а также освобождает пространство от любой помехи тому, что Он намерен совершить. Чему учит нас Его решительное поведение? Прежде всего, не бояться судить ясно и смело о вещах, занимающих наш ум и наши дни и не позволяющих в истине предстоять перед драмой жизни. Кроме того, оно учит нас отрываться от привычек и дел, которые — незаметно для нас — склонны отдалять нас от отношения с Ним. Порой требуются жесткие решения, помогающие нам освободить место для этого отношения, необходимо сказать нет тому, что мешает слушать Его голос и видеть Его лик. Об этом напомнил в прошлом году монсеньор Паккози, когда говорил о жертве: она имеет смысл, только если ведет к утверждению чего-то большего. Каждое наше «нет» служит единственному великому «да», которое мы желаем произносить⁸⁰. Христианство — единственное великое «да», сказанное Христу, но это «да» подразумевает и многие «нет», порой легкие, порой тяжелые, «нет» всему, что препятствует нашему отношению с Ним.

Самый замечательный и трогательный момент на этой евангельской странице происходит сразу же после: оставшись наедине с отцом и матерью, Иисус берет их за руки и ведет в комнату, где лежала девочка. Он берет их и сопровождает, чтобы они могли предстать перед тайной страдания их дочери. Он мог бы войти Сам и исцелить ее, мог превратить Свои чудотворные способности в публичное зрелище. Но нет. Первое, что Ему важно, — помочь этим мужчине и женщине предстать перед драмой их девочки. Вот первая и главная поддержка, которую предлагает нам Христос: Он помогает предстоять перед тайной другого человека.

Есть в этом отрывке и еще один основополагающий аспект. В действительности Иисус «берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним». Кто эти бывшие с Ним? Петр, Иаков и Иоанн, те же, с кем

⁷⁹ Мк. 5:36, 40.

⁸⁰ Ср. Дж. Паккози. «Мы познали любовь». Упражнения Братства «Общения и освобождения». Римини, 2025. С. 51–61.

Иисус восшел на гору Фавор, чтобы они стали свидетелями Его преображения, те же, кого Он просил бодрствовать с Ним в Гефсиманском саду в начале Его Страстей. Что олицетворяют эти трое? Компанию Церкви. Он мог бы войти в комнату лишь с родителями девочки, но решает взять и троих учеников, не выделявшихся особой культурой или способностями, троих рыбаков, простых людей. Тем не менее, эти трое подобны одежде, которой коснулась кровоточивая женщина (или плату Вероники, как говорил Давиде на Дне начала года⁸¹): в их компании Иисус желает войти в жизнь каждого человека, а потому и в нашу жизнь, в наш дом и даже в наши сердечные связи, и вместе с ними спасти нас. Он мог решить, что сделает все Сам, но вместо этого Он указал нам дорогу, метод, человеческий контекст. Трое учеников олицетворяют общение Церкви, которая для нас имеет форму нашей компании — Движения.

Евангельский эпизод завершается следующими стихами: «И, взяв девицу за руку, говорит ей: „талифа куми“, что значит: девица, тебе говорю, встань. И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. Видевшие пришли в великое изумление. И Он строго приказал им, чтобы никто об этом не знал, и сказал, чтобы дали ей есть»⁸². С одной стороны, в очередной раз поражает исключительная человечность Иисуса, выражающаяся в жестах, с помощью которых Он совершает чудесное исцеление девочки, возвращает ее к жизни; по ним видно, что Он одновременно человек властный и добрый. Удивительна нежность, с какой Он берет ее за руку и заботится о том, чтобы ее накормили, — все это знаки внимания к другому, доходящего до мельчайших деталей. С другой стороны, однако, можно сказать, что чудо здесь кажется чуть ли не второстепенным, и именно это впечатляет. Вернемся к началу рассказа. Проблема полностью заключалась в болезни девочки, но шаг за шагом Иисус меняет взгляд и в тех людях (Иаире, кровоточивой женщине и всех остальных), и в нас, две тысячи лет спустя читающих о произошедших тогда событиях. В каждом стихе Иисус помогает нам перевести взгляд на Него, Он постепенно ведет тех, кого встречает, к перевороту представлений, которые они составили о Нем и Его ответе на их потребность быть

⁸¹ Ср. Д. Проспери. *Христос — новый исток познания и деяния*. С. 5.

⁸² Мк. 5:41–43.

спасенными. Именно в этом и заключается «педагогика Христова откровения», рассмотренная отцом Джуссани в шестой главе книги школы общины⁸³. Мало-помалу люди, пребывавшие с Иисусом, начинают ощущать, что их истинное желание — отношение с Ним. День за днем они все больше прилепляются к Нему, словно их удерживают «пригоршни клея»⁸⁴. Сердце их жаждет не просто чудес, а отношения с Ним!

В письмах, которые мы получили к упражнениям, многие из вас говорят об опыте страданий и болезни и подтверждают только что описанную динамику. Например, один наш друг рассказывает о том, как они с женой переживали внезапную смерть второй дочери (она умерла в тот же день, когда родилась, из-за осложнений, грозивших и жизни матери): «В эти месяцы, полные боли, один голос звучал громче всего. Голос Бога, взойшедшего на крест, чтобы полностью соединиться с моей болью, и сегодня сопровождающего меня на этом пути через друзей, жену и дочь». Другой человек пишет о смятении, охватившем его после известия о болезни четырех членов семьи, в том числе его жены и матери, и заключает: «Теперь я больше не один перед бездной, перед Тайной, я переживаю эти обстоятельства *вместе* с Тайной, воплощающейся в лицах, которые Он решил подарить мне». У подружки из Англии опухоль мозга — доброкачественная, но из-за нее один глаз ослеп; вот что она пишет: «Чтобы ответить на вопрос Иисуса „А вы за кого почитаете Меня?“, я могу только упомянуть непрерывную череду событий, благодаря которым я продолжаю видеть, как меня возвращают, принимают обратно, наполняют Любовью, которой я не достойна, но которая таинственным образом продолжает проявляться через лица тех, кто, как и я, был призван и принадлежит Его Церкви, и через лица тех, кто окружает меня в жизни и в ком я улавливаю частичку истинной человечности». Ни в одном из трех случаев не было чуда исцеления, но Христос взял трех наших друзей за руку и подвел лицом к лицу к тайне страдания — их собственного или других людей — через конкретную компанию их «Петра, Иакова и Иоанна».

⁸³ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 6.

⁸⁴ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 116.

Прежде чем мы продолжим открывать характерные черты человечности Христа, давайте подытожим путь, описанный на этой евангельской странице. Все начинается с человеческой нужды, с нужды каждого из нас; она выражается в просьбе того, кто становится на колени и по-нищенски молит, и мы называем ее «молитвой». Молитва всегда обращена к «Ты» Христа, всегда вписана в личное отношение с Ним (вспомним диалог Иисуса с кровоточивой женщиной), которое ведет нас по дороге познания Его. Далее мы услышали твердое суждение Иисуса («девица не умерла»), бросающее вызов миру и его сарказму, и как следствие — Его побуждение освободиться от всего, что мешает нам переживать отношение с Ним (для этого всегда требуется жертва, жертва, необходимая, чтобы дать пространство Ему); отсюда — наше решение погрузиться в молчание — как условие отношения с Ним. Наконец, Христос просит позволить Ему подвести нас лицом к лицу к тайне другого (и нас самих) через ту компанию, какой Он нас вверил.

Г. Христос в центре наших привязанностей

Мы дошли до четвертой характеристики человечности Христа, то есть до сердцевины отношения, которое Христос устанавливает с теми, кого встречает, до высшей точки Его притязания. В шестой главе книги «У истоков христианского притязания» есть параграф «„За Него“: средоточие свободы», где отец Джуссани объясняет, как Иисус ведет Себя перед каждым из тех людей и как Он ведет Себя перед нами. Джуссани утверждает, что «постепенно Иисус помещает Себя в центр привязанности и свободы человека», вынуждая его сделать в отношении Него окончательный выбор⁸⁵.

Мне кажется, эпизод с богатым юношей хорошо показывает, как Иисус подводит человека к такому радикальному решению свободы. Вспомнив динамику той встречи, мы заметим, что первым делом в ответ на вопрос юноши Иисус перечисляет заповеди, данные Богом Моисею, то есть возвращает его к памяти о традиции, к которой тот принадлежит. Затем, видя его настойчивость, его желание, Он смотрит на него Своим добрым и глубоким взглядом, уже описанным нами выше, так что и Марк подчеркивает: «Взглянув на него, полюбил его». И в тот момент Он говорит ему: «Пойди, все, что имеешь, продай

⁸⁵ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 6. § 2.

и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною»⁸⁶.

Тут становится ясно, что вершина любви Иисуса к человеку выражается в Его всеохватном и требовательном «продай все и последуй за Мною». Именно это случилось с юношей: Иисус заглядывает в его сердце, видит благое желание, движущее им, и делает ему предложение на высоте этого желания. Любить — значит быть требовательными, значит просить другого: «Отдай мне все». Действительно, кто бы хотел, чтобы его любили в меньшей мере? И кто хотел бы в меньшей мере любить сам? Какая женщина мечтает услышать от жениха: «Я люблю тебя настолько сильно, что готов прожить вместе лет десять»? Никакая. «Я хотел бы провести с тобой всю жизнь!» — вот что жаждет услышать каждый из нас от любимого человека. Или какая мама была бы рада услышать от ребенка: «Ты одна из десяти самых красивых мам в мире»? Понятно, что любая мама хочет быть в глазах сына или дочери самой красивой. Истинная любовь подразумевает всеохватность, радикальность, безусловность.

Христос не боится просить всего и одновременно уважает свободу другого, позволяет другому ответить Ему отказом, как в эпизоде с богатым юношей. И все же (и это важно отметить), несмотря на всю боль оттого, что юноша отошел, несмотря на всю живую любовь к нему и к его свободе, Иисус не воздерживается от ясного суждения: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие»⁸⁷. Любить — не значит уклоняться от вынесения суждения.

Итак, предложение Христа противостоит всем редукциям, о которых мы говорили вчера вечером: поведению тех, кто, отталкиваясь от дуалистического взгляда, стремится исключить Его воздействие на реальную жизнь и вытеснить Его в сферу духовного (Иисус же наоборот ставит Себя в центр реальности и нашей жизни!), или подходу людей, воспринимающих Его как простой пример для подражания (а Он говорит нам: «Приди! Следуй за Мною!»), — что подразумевает вовлечение в отношение с Ним), или тем, кто и вовсе Его игнорирует.

⁸⁶ Мк. 10:21.

⁸⁷ Мк. 10:25.

Притязание Иисуса не оставляет альтернатив: Он просит у нашей свободы занять позицию, как хорошо описано в третьей главе книги школы общины⁸⁸.

Все это становится очевидным в шестой главе Евангелия от Иоанна, когда Иисус, еще более глубоко открывая, что у каждого Он просит всецелого общения с Ним, в конце концов предлагает стать с Ним одним целым, одним целым с Его плотью и кровью. И когда Его притязание достигает такой радикальности, толпа покидает Его, хотя за мгновение до этого она следовала за ним, чтобы «сделать Его царем» (ведь Он утолил их голод), а точнее, люди следовали за Ним по недостаточным, обманчивым причинам, основанным на их представлении о том, каким должен быть Мессия. И вот, покинутый всеми, Он обращается к Своим ученикам и спрашивает: «Не хотите ли и вы отойти?» Он вновь взывает к их свободе. И только тот, кто был рядом с Ним с самого начала, как Петр, может ответить: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни»⁸⁹.

На том же уровне радикальности находится и стих, давший заглавие и содержание нашим упражнениям: «А вы за кого почитаете Меня?»⁹⁰

«А вы за кого почитаете Меня?»

Остановимся на диалоге Иисуса с учениками, в котором Он в очередной раз обращается к их личной свободе и просит высказать перед Ним и перед миром, что каждый из них думает о Его личности. Петр отвечает: «Ты Христос, Сын Бога Живого». Иисус говорит ему: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах»⁹¹.

Это важнейший диалог: при всей его краткости он выражает самую суть не только личности Иисуса, но и нас с вами.

Хочу подчеркнуть два аспекта, которые выявляет диалог.

Во-первых, я всегда думал, что Иисус, задавая ученикам тот вопрос, прекрасно знал, что никто из них не в состоянии дать исчерпы-

⁸⁸ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 3, § 3.

⁸⁹ Ин. 6:15, 67–68.

⁹⁰ Ср. Мф. 16:15; Мк. 8:29; Лк. 9:20.

⁹¹ Мф. 16:16–17.

вающий ответ, поскольку многое еще только должно было произойти (Иисус еще не умер и не воскрес, еще не восшел на небо, ученики еще не получили Духа Святого). Вот почему Он не ждал такого ответа от Петра, и, услышав его, удивился: для Него это был подарок, который Отец делал Петру (поэтому Он говорит ему: «Блажен ты, ибо, если бы не Отец, ты бы сам никогда до такого не додумался!»), но это был и подарок Отца Ему, Его Сыну, знак Его близости и верности.

Во-вторых, в этом коротком диалоге между Иисусом и Петром заключена цель, ради которой Христос пришел в мир. Она прекрасна описана в песне *My Father sings to me*⁹².

Путь от рабства к сыновству

В чем наш наибольший страх? Подумаем о ребенке: что ужасает его сильнее всего? Думаю, сильнее всего и ребенка, и нас пугает перспектива обнаружить, что мы сироты, что у нас нет отца и матери. Отец — тот, кто дает тебе имя, напоминает тебе о твоих корнях, говорит, кто ты и откуда производишь; он тот, кто вводит тебя в реальность, помогает ощутить ее красоту, положительность, не отрицая трудности и тяготы, с которыми тебе в жизни придется столкнуться, не избавляя тебя от них. Мать — та, кто принимает твою жизнь внутри себя, носит тебя в лоне девять месяцев, потом рождает тебя на свет и постепенно отпускает тебя, будучи всегда готовой принять обратно, утешить, простить, вновь подтолкнуть навстречу реальности.

В этом смысле момент, когда мы призваны расстаться с родителями, неважно в каком возрасте, всегда играет решающую роль в нашей жизни: можно чувствовать себя сиротой в сорок, пятьдесят, шестьдесят лет. Чувствовать себя сиротой — значит жить без уверенности, что кому-то действительно важно, кто мы, чего желаем, чем занимаемся. Как ни парадоксально, это случается и при живых родителях, если с ними нет отношений истинного сыновства.

Но если больше всего нас пугает сиротство, в чем же тогда величайшая радость жизни? Поделюсь с вами эпизодом, который мне очень дорог и который связан с моими близкими друзьями из Милана, усыновившими двух детей. Второй ребенок — китаец, и они взяли его,

⁹² Fr. R. Veras, M. Maniscalco. *My Father sings to me* // Песенник. С. 235.

когда ему было два года. Он не ходил, не говорил и на протяжении двух лет был закрыт в своеобразном боксе в детском доме, где находился с рождения. Друзья рассказывали, что в четыре или пять лет он каждое утро, едва проснувшись, бежал в их спальню, бросался на кровать и прятался под одеялом, а затем выглядывал из-под него со словами: «Ну вот, я родился! Привет, папа, привет, мама!» И так два-три раза ежедневно в течение нескольких месяцев!

Если самый большой страх ребенка — сиротство, какова же величайшая радость? Знать, что ты сын, что ты дочь. Знать, что ты желанен и любим.

Недавно я навещал еще одного друга из ассоциации «Famiglie per l'Accoglienza». У него схожая история: мать бросила его, обнаружив, что он болен и не сможет ходить. Его жизнь началась заново, благодаря встрече с нынешними приемными родителями, которые приходили к нему в семейный дом, где его принимали. Когда я приехал к нему, он попросил: «Расскажи мне, в какой момент ты родился заново?» — потому что для него встреча с приемными родителями была именно таким моментом.

Христос пришел в мир, чтобы сказать нам, что мы не сироты, а дети, чтобы сказать нам, что у нас есть Отец, Которому важно, кто мы, Который видит и знает наше сердце и желает, чтобы наша жизнь достигла свершения, была полна смысла. Как раз эти слова папа Лев XIV чаще всего повторял в первые месяцы своего понтификата: «Мы дети, а не сироты»⁹³.

Христос пришел освободить человека от ярма рабства и вернуть ему исконное отношение с Отцом. Апостол Павел говорит: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“»⁹⁴. Об этом же поется и в песне «Cry no more»: когда-то ты был «рабом, а теперь ты сын»⁹⁵. Таковы два полюса, между которыми мы неизбежно движемся: опыт рабства (или сиротства) или опыт сыновства.

⁹³ Лев XIV. *Начертать новые карты надежды*. Апостольское послание по случаю шестидесятилетия соборной декларации «Gravissimum Educationis». 4, 3.

⁹⁴ Ср. Рим. 8:15.

⁹⁵ R. Veras, R. Maniscalco. *Cry no more // Canti*. Milano: Soc. Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 324–325.

Дети в Сыне

Теперь мы понимаем важность диалога Петра с Иисусом. Прежде всего, в ответе Петра содержится откровение о сущности Иисуса как Сына («Сына Бога Живого»), о самосознании Иисуса, которое было у Него всегда, с тех пор как в двенадцать лет Он ответил Своей матери: «[Разве] вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»⁹⁶ Если мы посмотрим на всю Его жизнь, то увидим долгий непрерывный диалог с Отцом. При любой возможности Иисус удаляется для молитвы, чтобы побыть наедине с Ним, Он благодарит Его, призывает, прежде чем совершить чудо; Отец неизменно присутствует в каждой Его речи, в каждой притче, Он мерило в каждом Его сравнении (например, «...если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него»; «Отец Мой доныне делает, и Я делаю»⁹⁷).

Отец Джуссани говорил, что если бы у Иисуса попросили дать Самому Себе определение, Он ответил бы: «Я Посланный Отца»⁹⁸ и таким образом показал бы, что в Нем осознание собственной миссии было одним целым с Его сыновством. Вот почему так важен ответ Петра: он являет нам истинную сущность Иисуса как Сына.

За словами Петра следуют слова Иисуса: «Блажен ты, Симон, потому что Отец открыл тебе это»⁹⁹. Слово «блажен» значимо, с его помощью Иисус открывает нам, что наше счастье состоит в отношении с Отцом, Отцом, Который нас слушает и Который с нами говорит. Именно ради провозглашения этой вести Христос и пришел: прилепляясь к Нему, и мы становимся детьми. Так, являя Свою сущность как Сына, Христос являет нам и нашу сущность.

А какова характерная черта жизни сына, ее главная черта? Свобода. Только человек, уверенный в том, что он любим и желанен, знающий откуда он происходит и кому принадлежит, может быть по-настоящему свободным. Именно такое сознание побеждает любые притязания на автономию, рассеивает любые ложные представления

⁹⁶ Лк. 2:49.

⁹⁷ Лк. 11:13; ср. Ин. 5:17.

⁹⁸ L. Giussani. *Attraverso la compagnia dei credenti*. Milano: BUR, 2021. P. 124.

⁹⁹ Ср. Мф. 16:17.

о нашей человеческой реализации, которые мы выстроили сами или позволили другим выстроить вместо нас.

С этой точки зрения, богатый юноша, как ни парадоксально, избрал не быть свободным, потому что отказался от опыта сыновства, предложенного ему Иисусом. Таков риск для нашей свободы, таков риск, на который пошел Бог, сотворив нас свободными.

У группы «Mumford & Sons» есть песня «Timshel»¹⁰⁰, вдохновленная лучшим романом Джона Стейнбека — «К востоку от Эдема»¹⁰¹. Смысл книги как раз в этом: даже худший из людей, даже Каин (главный герой воплощает Каина), может быть уже не рабом собственного греха, а свободным, если обнаруживает, что он сын.

Сын свободен, потому что знает, кому принадлежит, от кого зависит. И только открытие Бога как Отца может озарить фигуры отцов, присутствовавших в нашей жизни. «Tam pater nemo» («Нет такого отца, как Бог»), — часто повторял отец Джуссани¹⁰², цитируя Тертуллиана, который в свою очередь отсылал к апостолу Павлу: «От Бога Отца получает имя всякий род на небесах и на земле»¹⁰³.

Именно поэтому мы можем называть этим словом нашего биологического отца, или того, кто принял нас в свою семью, или людей, которые являлись в нашей жизни отблеском божественного отцовства. Мы также понимаем, что истинный отец не привязывает к себе и, уходя, не оставляет тебя сиротой, а всегда обращает тебя к отцовству Бога, от Которого получает имя любое другое отцовство, в том числе и его. Так говорил тогдашний кардинал Ратцингер об отце Джуссани в день его похорон: он стал «отцом многих... ведя людей не к себе, а ко Христу»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ «Death is at your doorstep / And it will steal your innocence / But it will not steal your substance / But you are not alone in this / And you are not alone in this / As brothers we will stand and we'll hold your hand (Смерть стоит на твоём пороге, / Она украдет твою невинность, / Но не твою сущность. / Ты не одна в этом, / Ты не одна в этом. / Как братья, мы встанем и будем держать тебя за руку)». Mumford & Sons. *Timshel*. Из альбома *Sigh No More*, 2009 © Island Records.

¹⁰¹ Дж. Стейнбек. *К востоку от Эдема*.

¹⁰² См. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 123, 167.

¹⁰³ Ср. *Еф.* 3:14–15. Пер. А. Десницкого.

¹⁰⁴ Й. Ратцингер. *Проповедь на похоронах монс. Луиджи Джуссани*. Цит. по: L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 266.

Заключение

В завершение прочитаю письмо, опубликованное на сайте Движения пару месяцев назад; оно лучше моих слов свидетельствует о том, как человек открывает свое сыновство. «Я родился в России. В возрасте трех с половиной лет меня вместе с братом Николаем усыновили, и я переехал в Италию. Во мне всегда была огромная жажда и желание быть предпочтенным — возможно, именно потому, что я не почувствовал этого, когда родился. Благодаря моим приемным родителям, Давиде и Даниэле, я познакомился с Движением, которое спустя много лет начал воспринимать как дом и место, где даже такой, как я, мог чувствовать себя предпочтенным и нужным. Однако настоящие отношения с Движением зародились много лет назад благодаря Рене, члену *Memores Domini*, с которым я начал этот чудесный путь. С Рене жизнь была прекрасна: меня видели таким, какой я есть, со всеми моими недостатками, и любили, несмотря на них. Однако в 2019 году Рене внезапно умер. <...> Я словно потерял отца. Снова вернулось чувство покинутости, и я задавался вопросом: как возможно, что Бог так жестоко обошелся со мной, зародив в моем сердце столь сильное желание, а затем забыв о нем, как крестьянин, который засеял поле, но не полил его. <...> На какое-то время я отдалился от Движения. <...> Жизнь возобновилась в университете, где мое желание было принято и выращено, как маленькое семя. <...> Я смог ощутить живое присутствие Христа в некоторых лицах, которые сопровождали меня. С течением месяцев <...> я наконец понял, что моя жизнь — это не покинутость, а ожидание. Бесконечное ожидание Того, Кто жаждал моей жизни и Кто в каждой ситуации покинутости был там, чтобы ждать меня и утешать мое сердце, которое так устало, но не могло прервать поиски. Я ждал родителей, которые полюбят меня, — и пришли Давиде и Даниэла. Я ждал друзей и встретил их на пути. Я ждал друга на всю жизнь и встретил Христа. Меня ждали все больше и больше, все больше было тех, кто оказывал мне бесконечное предпочтение. Я понял, что я не сын покинутости, а сын обещания, которое влечет меня в бесконечность»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ «Non figlio di un abbandono, ma di una preferenza infinita» // *clonline*. 18 febbraio 2026.

Вот кто такой Христос для нас, вот «за кого мы почитаем Его»: Он Тот, Кто вводит нас в Свою жизнь, чтобы явить нам Отца и сказать, что мы не сироты, а дети. Дети в Сыне, и потому — свободные.

Суббота, вечер

Людвиг ван Бетховен

Тройной концерт для фортепиано, скрипки, виолончели и оркестра до мажор, ор. 56

Beaux Arts Trio: фортепиано — Менахем Пресслер, скрипка —

Ида Кавафян, виолончель — Питер Уайли

Курт Мазур — Лейпцигский оркестр Гевандхауза

«Spirto Gentil», n. 31, Universal

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Эммануэле Силанос

Дети в Сыне: опыт «во сто крат»

Христос желает нашего счастья

«Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам? Иисус же сказал им: истинно говорю вам... всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»¹⁰⁶.

Чего Иисус хочет для нас? Каким желанием движимо Его сердце? Ответ мы находим на этой евангельской странице, которую отец Джуссани настолько любил, что решил цитировать ее на каждом публичном выступлении¹⁰⁷.

Диалог между Петром и Иисусом сразу после ухода богатого юноши, который не захотел оставить все и последовать за Христом, открывает нам желание, живущее в самой глубине Иисусова сердца, — желание нашего счастья. Христос хочет, чтобы мы были счастливы: «Во сто крат и жизнь вечная». Жизнь вечная как обещание на будущее, во сто крат как опыт начала его исполнения уже в настоящем.

¹⁰⁶ Мф. 19:27–29.

¹⁰⁷ «Вот фраза, которую мы произносили чаще всего с самого начала Движения: „Кто последует за Мною, обретет жизнь вечную и во сто крат уже на этой земле“» (L. Giussani. *Una presenza che cambia*. Milano: BUR, 2004. P. 283).

В восьмой главе книги школы общины Джуссани пишет, что для Иисуса «проблема существования мира — счастье отдельного человека»¹⁰⁸. Сорок лет назад на упражнениях Братства 1986 года отец Джуссани говорил, что вместе с мыслью об Отце «еще одно чувство, которое горело во Христе, — это пылкое желание, чтобы люди были счастливы; нельзя понять христианство, если не дойти до этого». И добавлял: «Мы говорим об этих вещах, говорим эти вещи и хотим говорить их нашим детям, хотим говорить их друзьям, товарищам, чтобы люди были счастливы; потому что благодаря такому сознанию жизнь становится более человеческой... то есть более радостной»¹⁰⁹.

В книге «Можно ли жить так?» есть страница, где Джуссани, комментируя Евангелие о блаженствах, цитирует Франсуа Мориака. Тот в своем труде «Жизнь Иисуса»¹¹⁰ представлял себе момент, в который Иисус собирался начать проповедь: толпа поднималась на гору и теснилась вокруг Него. Кто-то стоял ближе к говорившему Иисусу и ясно слышал Его слова; другие были дальше и понимали только часть речи; постепенно к собранию присоединялись некоторые опоздавшие, и издалека им не удавалось разобрать все, что Он говорил. Но одно слово понимал каждый, потому что оно неизменно повторялось в начале каждой фразы: «Блаженны... Блаженны... Блаженны...»¹¹¹ «Блажен» — слово, которое услышали и мы сегодня утром, именно его Иисус сказал Петру: «Блажен ты, Симон, сын Ионин...»¹¹²

Вот, по сути, сердцевина христианской вести: это весть о том, что счастье возможно для всех. Мы входим в число людей, которым посчастливилось оказаться ближе к Иисусу: мы встретили Его удивительным образом, и если мы сегодня здесь, то потому, что последовали за Ним, когда Он в некотором смысле захватил, определил нашу жизнь. Другие соприкоснулись с Ним более поверхностно, кто-то присоединился к Нему, пойдя за иной формой, иной историей: каждый согласно своей свободе, но весть одна для всех, весть о счастье, возможном уже сейчас, об опыте «во сто крат» в этой жизни.

¹⁰⁸ Л. Джуссани. *У истоков христианского притяжения*. Гл. 8, § 2, п. 2.

¹⁰⁹ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: BUR, 2018. P. 138.

¹¹⁰ См. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* М.: Духовная 6-ка, 2007. С. 227.

¹¹¹ Мф. 5:1–12.

¹¹² Мф. 16:17.

Какой же путь Христос предлагает проделать свободе каждого, чтобы переживать такой опыт радости, чтобы жизнь обрела стократный вкус и стократную глубину? Мы видели это сегодня утром: Он предлагает, дарует нам опыт сыновства. Дети в Сыне. Это дар, который был дан нам в Крещении, когда наша жизнь уподобилась жизни Христовой, Благодать, вновь воспламененная во встрече с Ним в лоне Церкви — Его Тела.

Итак, вот еще одна черта сыновства: Христос, придя в мир, явил нам не только Отца, но и мать — Церковь, чей пример и образец — Мария. Церковь породила нас во второй раз, породила нас к вере через Крещение (помните вопрос ребенка из утренней лекции: «Когда ты родился заново?») и постоянно возрождает нас в Таинствах. Она непрестанно принимает нас, прощает, исправляет, с материнской любовью, терпением и заботой вновь подталкивает нас в реальность.

Обнаруживая, что мы дети, признавая отцовство Бога и материнство Церкви, мы с удивлением понимаем, что призваны разделять нашу сыновнюю природу с другими. Так мы открываем наше Братство как путь нашего свершения, нашей самореализации. Следовательно, исполнение обещания об опыте «во сто крат» зависит от нашего принятия нашей новой природы детей и братьев, от нашего присоединения ко Христу.

В чем же заключается опыт «во сто крат», который даруется нам через природу детей и братьев? Уподобляя нас Себе, Христос дает нам Свое сердце, Свой взгляд на самих себя, на людей и на вещи. Вот обещанное нам счастье: разделять чувствования Иисуса. К этому мы призваны, в этом наше призвание.

В восьмой главе книги «У истоков христианского притязания» отец Джуссани описывает эту новую жизнь, жизнь нового творения, рождающуюся от нашего уподобления Иисусу. Там он представляет нам Иисусово восприятие жизни, то, как Христос видел и переживал всю реальность. Возвращаться к характерным чертам Его личности — значит говорить и о том, кем призваны быть мы, соединенные в Его Теле, то есть возвращаться к нашему призванию¹¹³.

¹¹³ «Принадлежность ко Христу составляет смысл нового самосознания. Мы принадлежим Богу, мы — Его, в самом полном, онтологическом значении слова: мы Его творения» (Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 86).

Жизнь нового творения

А. Изначальная зависимость

Мне не раз случалось задавать себе и другим людям такой вопрос: «Если бы отец Джуссани, впервые встречая какого-то человека и зная, что пути их больше не пересекутся, мог сказать ему только одну вещь, что бы это было?» Каждый, разумеется, может ответить, как хочет (свой ответ он нам даст в раю, когда мы вновь с ним увидимся), но я рискну предположить. Он сказал бы: «Ты зависишь». И тогда вся жизнь человека была бы посвящена познанию Того, от Кого зависит его жизнь.

Вспомним о странице из десятой главы «Религиозного чувства», которая, пожалуй, наиболее знакома всем нам. Если бы мы родились сегодня с сознанием, соответствующим нашему нынешнему возрасту, мы не смогли бы отрицать очевидность, что «мы не сами себя творим»; кто-то пожелал, чтобы мы были, поместил нас в реальность, а значит от него зависит наше существование. Именно в этом состоит первый шаг Иисуса в разговорах с людьми, которых Он встречает на дорогах Галилеи и Иудеи, и именно это происходит и сегодня с теми, кто становится с Ним. Иисус вырывает из нас претензию на автономность, свойственную нашей эпохе (мы говорили о ней вчера), и вновь ставит нас лицом к лицу с изначальной данностью: «мы созданы» и потому зависим; «я есть „Ты-творящий-меня“»¹¹⁴.

Как Иисус воспитывает в нас эту изначальную зависимость? Прежде всего, Он Сам ее проживает: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня», «Я говорю то, что видел у Отца Моего»¹¹⁵ и т. д. Итак, первая характеристика нового человека, сына, — осознание собственной зависимости. В мысли Джуссани можно выделить две ее формы, два аспекта.

1. Общение

Первая черта зависимости — приверженность месту, где личность Иисуса становится мне близкой.

Сегодня утром в эпизоде с Иаиром мы видели, как Иисус вырывает людей, которых встречает, из одиночества и позволяет войти

¹¹⁴ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 123.

¹¹⁵ Ин. 6:38; Ин. 8:38.

в их жизнь, в их дом опыту общения. Несколько лет назад отец Лепори писал, что человек вновь открывает самого себя на общинном пути, благодаря опыту принадлежности¹¹⁶.

В качестве примера приведу одну историю, случившуюся несколько лет назад и настолько мне дорогую, что я уже рассказывал ее на Митинге, во время той встречи с матерью Эльвирой, которую я упоминал во введении. Ее главный герой — Лин Хуай Мин, наш друг с Тайваня. В восемнадцать лет он был умным счастливым парнем с прекрасной семьей и кучей друзей. С одним из них его связывала особенно тесная дружба, они разделяли друг с другом все. Но однажды пришло трагическое известие: друг попал в аварию и погиб. Лин Хуай Мина охватила глубочайшая печаль, какой он раньше никогда не испытывал, и он сказал себе: «Если дружба так прекрасна, но в конце концов оказывается иллюзорной, нет смысла быть друзьями. Я предпочитаю не быть другом никому». Так он погрузился в одиночество, потерял интерес к развлечениям и желание видеть людей. Он много читал, и вот ему на глаза попала переписка Винсента ван Гога с его братом Тео. Драма, выраженная в письмах, поразила его, и он стал искать в интернете картины художника. Увидев их, Лин Хуай Мин подумал: «В его мазках сквозит то же трагичное ощущение жизни, которое есть и у меня; он мой лучший друг». Это, как мне кажется, была его первая гениальная догадка: человек может быть твоим другом, даже будучи от тебя далеким и физически и во времени. Примерно то же самое случилось с Джуссани, когда в лице он узнал о Леопарди. В одной из его книг есть замечательный текст под названием «Друг Леопарди»¹¹⁷, где он рассказывает об опыте, схожем с тем, что переживал наш тайваньский друг. Когда Лин Хуай Мин дол-

¹¹⁶ Во времена святого Бенедикта было насущно необходимо восстановить общество, культуру, но сегодня существует прежде всего необходимость восстановить человека — представление человека о самом себе, содержание его «я», каким его замыслил, сотворил и полюбил Бог. Святой Бенедикт «пронизал всю Европу новой человечностью, которая стала возможной благодаря христианству. <...> Можно сказать, что для святого Бенедикта достоинство каждой личности обретается в той мере, в какой доверие милосердию Божию позволяет нам согласиться на общинный путь обращения. И этот путь обращения есть путь воспитания, формирования или преобразования личности». Личность, «человеческое существо нуждается в пути — направляемом, сопровождаемом, — к полноте своей жизни» (М.-G. Lepori. *Mai disperare della misericordia di Dio // La Nuova Europa*. 12 dicembre 2016).

¹¹⁷ Cf. L. Giussani. «Tu» (*o dell'amicizia*). Milano: BUR, 1997. P. 29–49.

жен был поступать в университет, он выбрал итальянское отделение в католическом университете Фужэнь, где преподаем мы, священники из Братства святого Карла Борромео.

На занятиях он всегда садился за последнюю парту, ни с кем не общался, но привлек внимание преподавателя из Движения, мирянина, который тогда работал там: тот уловил, что в нем есть что-то иное, особая восприимчивость, отличавшая его от других, и начал приглашать его на встречи с некоторыми студентами. Лин Хуай Мин отказался один раз, два раза, три раза, но в итоге, уступив его настойчивости, согласился. По окончании той первой встречи преподаватель спросил, придет ли он еще, и молодой человек сказал: «Думаю, да. Вы говорите о дружбе как о чем-то, что не заканчивается, и я хочу выяснить, так ли это, потому что конечные вещи меня больше не интересуют». Летом он поехал в Италию, в Перуджу, чтобы улучшить итальянский, и познакомился со студентами из Движения, которые рассказали ему об Иисусе. Лин Хуай Мин спросил: «Прекрасно, но где этот ваш Иисус? Я Его не вижу». Их ответ был простым: «Знаешь, мы и сами, по правде говоря, никогда не видели Его лично, но мы встретили кого-то, кто встретил кого-то, кто встретил кого-то, кто знал Иисуса».

Потом он отправился в Рим, чтобы увидеться с одним нашим священником, отцом Паоло, который когда-то преподавал у него на Тайване. Тот повел его гулять по городу, и в какой-то момент они заглянули в церковь Св. Людовика Французского и остановились перед картиной Караваджо, изображающей призвание Матфея. Лин Хуай Мин смотрел на нее в молчании пять минут, десять минут, двадцать минут. Когда они наконец вышли на улицу, отец Паоло спросил: «Ну что, понравилась тебе картина?» — «Да, очень». — «А что именно тебе понравилось?» — «Меня поразил луч света, падающий от Иисуса на Матфея. Я понял, что этот свет — наша дружба». Вот еще одна гениальная догадка: наша дружба — тот способ, которым Христос современен нам сегодня.

Вернувшись на Тайвань, Лин Хуай Мин попросил о Крещении, поскольку осознал, что вечной дружбу делает связь с чем-то вечным. Он крестился и взял себе имя Винсент в честь своего лучшего друга Винсента ван Гога. Сегодня Винсент женат и у него две прекрасные дочки, и они тоже крещены, как и его жена Флора.

О чем нам говорит история Винсента? О том, что «я» вновь находит себя во встрече со Христом, которая повторяется сегодня через Церковь, принявшую для нас облик нашей дружбы. Один из вас, мой друг, написал мне: «Если бы мы жили, не признавая „Того, Кто среди нас“, отношения бы утратили всякую ценность, потеряли бы интерес, превратились бы в привычку, порой невыносимую; и такой риск есть во всем: с женой и детьми, с друзьями, с коллегами». Джуссани утверждает: «Компания поражает нас, и мы чувствуем ее притягательность, потому что она делает конкретным опыт встречи с тем Человеком, вырывает Его из области отвлеченных понятий и позволяет испытать Его как то, чем можно жить сейчас. Компания — не идея, не слова, не логика, а факт, присутствие, которое подразумевает отношение принадлежности»¹¹⁸.

2. Молитва

Второй аспект зависимости от Бога — молитва. Наиболее соответствующее поведение человека, сознающего, что он зависит, — просьба.

Здесь Иисус опять учит нас, прежде всего проживая Сам Свое учение. Он учит нас молитве, молясь. Его жизнь была непрерывным диалогом с Отцом: Он говорит с Ним до и после совершения чудес, обращается к Нему, чтобы поблагодарить, чтобы поделиться с Ним мыслями о людях, чтобы испросить для Них дар единства и веры. При любой возможности Он уединяется, чтобы лицом к лицу общаться с Ним. Все это привлекательно для окружающих: человек молящийся, человек, вверивший себя, притягивает, потому что он знает, кому принадлежит, чего хочет и у кого просить. Так сама собой рождается просьба: «Господи, научи нас молиться»¹¹⁹, — что значит: «Мы хотим поступать, как Ты, хотим быть как Ты».

Отец Джуссани потратил немало сил, чтобы научить нас молиться. Вспомним о первых годах «Студенческой молодежи», о внимании, которое он уделял Пасхальному триденствию, литургии, песням.

¹¹⁸ Он продолжает: «Позднее из этой принадлежности будут вытекать идеи, логика, последовательность мысли, но сначала надо быть внутри компании как таковой. Она доказывает присутствие Бога, ставшего человеком, так как образована людьми, которые, если остаются верными, со временем меняются» (Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 86–87).

¹¹⁹ Лк. 11:1.

Подумаем о чтении псалмов на одной ноте (*recto tono*) как о способе молиться лучше, молиться вместе и глубже осознавать смысл произносимых слов. О ценности молитвы «Ангел Господень» и призывании Духа Святого. О воспитании к молчанию на всех наших встречах. Вспомним, как он настаивал, особенно в последние годы жизни, на обращении к Богородице — роднику нашего упования.

В одном из текстов отец Джуссани особым образом предлагает настоящую школу молитвы. Очень рекомендую перечитать его. Я имею в виду раздел «Нравственность: память и желание» из книги «В поисках человеческого лица». Джуссани посвящает молитве целую главу¹²⁰, подробно объясняя, что значит молиться и как надлежит это делать. Я хотел бы выделить по крайней мере три момента из этого текста и советую потом вам самим углубиться в него. В первой части отец Джуссани приводит классическое двойное определение молитвы, взятое соответственно у святого Августина и святого Фомы. Августин называет молитву «*elevatio mentis in Deum*» — вознесением ума, мысли к Богу, то есть осознанием Его величия, моей несоразмерности с Ним, огромного расстояния между Ним и нами. Если вы слушали замечательный подкаст «А вы за кого почитаете Меня?» («*E voi chi dite che io sia?*»), то знаете, что в выпуске, посвященном Богородице, Джуссани говорит о «разности потенциалов» между смирением Девы Марии и всемогуществом Бога¹²¹. С этого все и начинается: чтобы молиться, человек должен занять именно такую позицию, признать, что он бесконечно далек от Божьего величия. Вот почему естественная поза молящегося — коленопреклонение. Отец Иван Маффейс рассказывал мне и другим, как однажды на встрече с ребятами один мальчик-мусульманин спросил его: «Мы привыкли задействовать и наше тело, почему христиане не совершают того же? Может, потому что христианство — религия только для головы, а не для тела?» Отец Иван ответил: «Нет, это потому, что иногда мы стыдимся нашей веры». Все наше тело, все в нас призвано выражать позицию просьбы, обращенной к Тому, Кто гораздо больше нас, хранить память об этой несоразмерности. Поэтому мы преклоняем колени при освящении

¹²⁰ Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 127–142.

¹²¹ *Quella ragazza di 15–16 anni* // L. Giussani. Podcast *E voi chi dite che io sia?* Ep. 4 Chora Media 2024.

даров и при адорации: тело выражает и одновременно воспитывает наше внутреннее расположение.

Второе определение позаимствовано у святого Фомы, согласно которому молитва есть «*petitio decentium a Deo*»¹²², что значит учиться просить у Бога подобающие вещи, испрашивать то, в чем мы действительно нуждаемся. Иначе говоря, я обращаюсь к Нему со всеми моими просьбами (чтобы я или кто-то из близких исцелился от болезни, чтобы я хорошо сдал экзамен, чтобы успешно прошло собеседование), но одновременно они превращаются в дорогу, позволяющую понять, чего Бог по-настоящему хочет для меня, и я в какой-то момент могу сознательно сказать: «Да будет воля Твоя, да придет Царствие Твое». Речь о раскрытии этих двух воззваний из молитвы «Отче наш», как будто я говорю: «Мне кажется, что хочу этого, но Ты ответь на мою мольбу так, как это нужно в Твоем благом замысле о моей жизни и обо всей реальности». Молитва — вверение самих себя Отцу.

Затем отец Джуссани дает очень простые практические указания. Первое касается времени: «„Уделить немного времени Богу“ — уже... молитва»¹²³. И неважно, если порой мысли переключаются на другое: сам факт, что ты отводишь время молитве, свидетельствует о начале отношения с Ним. Это очень утешительно, ведь даже если ты был рассеян, черств, не в настроении, то, что ты отдал время отношению с Богом, — молитва. В этом заключается и идея «часа молчания» в правиле *Memores Domini*, которую переняли и другие формы посвященной жизни, возникшие в Движении.

Далее Джуссани объясняет, почему имеет смысл произносить привычные молитвы, которые донесла до нас традиция, — те, что заучиваются наизусть и повторяются порой без полного осознания их содержания. Джуссани прибегает к очень яркому сравнению: «[Некоторые] формулы и обряды очень точно выражают чувства, и обычно духу представляется ненужным искать другие. Так же и в обычном человеческом общении такие фразы, как, например, „добрый день“, или „привет“, или „до свидания“ настолько ясны в своей емкости, что кажутся незаменимыми»¹²⁴. Вот почему чтение молитвы

¹²² Фома Аквинский. *Сумма теологии*. II-II, вопр. 83, ст. 1; см. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. С. 128.

¹²³ Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. С. 129

¹²⁴ Ср. Там же. С. 130–131.

«Ангел Господень» или розария так естественно, просто и полезно. Как и чтение псалмов: отец Джуссани помогал нам таким образом повторять слова, которыми Церковь молится на протяжении многих столетий и которые со временем стали в большей степени «нашими», чем наши собственные слова. Поэтому-то мы постоянно прибегаем к гениальному «изобретению» Движения — «Часослову»¹²⁵ — в общине, в школе, в семье, в поезде (меня поражает, что многие ребята знают псалмы из него наизусть!). Молитва розария в семье и с друзьями в короткие сроки меняет наш способ быть вместе (рост интереса к этой практике — пожалуй, один из немногих плюсов недавней пандемии).

Джуссани объясняет, что молитва никогда не выражает лишь религиозность отдельного человека, это акт всей Церкви. Молясь, я молюсь в единении с телом, которое превосходит меня и придает моей молитве смысл, контекст, силу, содержание, бесконечно более широкие и глубокие, нежели доступная мне мысль или мое бедное слово.

Третий аспект, предлагаемый отцом Джуссани, наверное, поражает меня больше всего. Речь о ценности молитвы как памяти: «Содержание молитвы — *mirabilia Dei*... деяния Бога в нашей истории ... <...> Поэтому... мы должны стараться сделать нашу молитву соответствующей, составляя ее по образцу молитв, оставленных нам первыми и величайшими среди нас, как *Песнь Богородицы*, *Песнь Захарии*, *Ныне отпущаеши* старца Симеона»¹²⁶. Эти молитвы — не что иное, как рассказ о событиях из жизни израильского народа. То же касается и нас: если мы хотим научиться молитве, нам нужно жить памятью о чудных деяниях, которые Бог совершил в нашей жизни. А самая конкретная форма памяти, переданная нам Церковью, — Таинства, начиная с Евхаристии, воспоминания Страстей, смерти и воскресения Христа.

Дружба и молитва

Прежде чем продолжить лекцию, сделаю одно замечание. Джуссани видел в дружбе и молитве два фактора человеческого изменения, «которые мы ни в коем случае не должны упускать из виду, которые не-

¹²⁵ Часослов. М.: Духовная 6-ка, 2001.

¹²⁶ Ср. Л. Джуссани. В поисках человеческого лица. С. 138–139.

обходимо искать с фонарем». И добавлял, что в наших общинах «есть всё, но только не эти два фактора»¹²⁷.

Б. Приношение: дар себя

За зависимостью следует вторая характеристика нового творения — приношение, дар самих себя. Иисус научил нас, что самореализация человека происходит через дар себя, приношение себя, дар собственной жизни. Джуссани говорил нам об этом на тысячу ладов, одним из любимых было предложение читать «Возвешение Марии» Поля Клоделя. Среди персонажей, которых он цитировал больше всего, — Анн Веркор, отец Виолены: «Разве назначение жизни — жить?.. Не жить, но умереть! ...и отдать все, что у нас есть, — отдать улыбаясь! В этом радость, в этом свобода, в этом благодать, в этом бессмертная юность! Чего стоит мир в сравнении с жизнью? И чего стоит жизнь, если ее не отдать?»¹²⁸

В очередной раз Иисус учит человека смыслу жизни как на словах («...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»¹²⁹), так и на примере Своей жизни и смерти. В тексте школы общины отец Джуссани показывает, что все учение Иисуса — это воспитание к тому, чтобы принести жизнь в дар¹³⁰.

В наших общинах и в нашей истории найдется миллион примеров такой самоотдачи. Среди множества рассказов, дошедших до меня в последнее время, меня особенно поразило свидетельство молодого бразильца по имени Матеус. Он жил в трущобах Рио-де-Жанейро и учился в старших классах бесплатной школы, которой управляли монахини из одного ордена. Познакомившись с опытом «Студенче-

¹²⁷ L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo (1969–1970)*. P. 79, 81.

¹²⁸ П. Клодель. Цит. по: Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 8, § 5, п. 1.

¹²⁹ Мф. 16:24–25.

¹³⁰ «Вот величие человека: в подражание сотворившему Его Сущему и его жизнь должна быть даром; он подобен Богу. И потому его расточение должно стать даром: он единственная тварь, способная осознать этот структурный элемент реальности. Закон человеческого существования — любовь в ее динамическом проявлении, то есть в приношении, в даре себя. Иисус сказал: „Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее“» (Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 8, § 5).

ской молодежи», парень захотел, чтобы он появился и в его школе, и назвал сестрам имя преподавательницы из *Memores Domini*, искавшей работу. Ее присутствие в школе, новизна, которую она привнесла, побудили монахинь связаться с ответственным «Общения и освобождения» в Бразилии Алешандри и попросить Движение взять на себя руководство школой. Алешандри не мог ответить согласием на их просьбу, но предложил, чтобы сестры Милосердия Успения, более известные как «Сестры с улицы Мартиненго», открыли дом именно в тех трущобах, где живут ученики, чтобы заниматься своим обычным делом: разделять их существование, входить в их жизнь и в их семьи. Тем временем у Матеуса, которому было девятнадцать лет, обнаружили болезнь, от которой ему не суждено было исцелиться. Когда Алешандри, медик по профессии, навестил его, Матеус, уже переживший ампутацию ноги, попросил честно объяснить, что его ждет. Алешандри сказал правду и предложил пожертвовать страдания и болезнь за миссию сестер, которые должны были приехать в Бразилию. Матеус согласился.

Сестры приехали в Рио 1 октября прошлого года. Спустя недолгое время, 19 октября, они вместе с подругами из *Memores Domini* пошли домой к Матеусу, перенесшему очередную операцию. Пообедали, спели наши песни. В самом конце Матеус попросил спеть песню на слова Филиппо Нери, где говорится о том, что нужно «предпочитать рай». Потом сестры вернулись к себе, и через час им позвонила мама Матеуса и сказала, что он достиг того места, куда так желал попасть. Ему было девятнадцать лет, девятнадцать дней сестры провели в Рио до его смерти. Его история хорошо показывает, что жизнь, в том числе страдания и болезни, обретает смысл и значение, когда ее отдаешь.

В. Миссия и публичное свидетельство

Стремление принести себя в дар включает в себя и готовность к миссии, которую можно переживать там, где ты сейчас находишься или же где-то еще, ведь Движение огромно и преодолевает границы наших стран, а Церковь еще больше!

Быть миссионерами — значит разделять тревогу отца Луиджи Джуссани, когда он, молодой двадцатитрехлетний священник, писал своему другу Анджело Майо: «Вот уже много лет я плачу всего по двум причинам: от мысли о вечном несчастье моих братьев людей (мысль

о земном несчастье людей — символе несчастья вечного). Иисус избрал нас, чтобы мы кричали в мире о Его любви и о человеческом счастье: о великом и неопишемом счастье, которое нас ожидает»¹³¹. Вот цель миссии: кричать миру, что Христос желает нашего счастья.

Итак, миссионерство — образующее измерение личности любого крещеного. Будучи приобщенными к Телу Христа, и мы участвуем в Его миссии. Поэтому совершенно нормально, что и миряне, в том числе состоящие в браке и имеющие детей, ощущают в себе горячее желание оставить все, чтобы свидетельствовать о красоте, с которой они встретились. Притом мы сознаем, что несем не самих себя и не нашу авантюристскую смелость, а общение, которое мы прожили, проживаем и хотим и дальше проживать. Отец Джуссани всегда учил нас, что миссия есть расширение живого общения.

По этому поводу перечитайте, что пишет Марта Бузани в своей замечательной книге про «Студенческую молодежь». В первых ребятах из GS, в школах, куда они ходили, поражало не просто их публичное свидетельство, а прежде всего, что их свидетельство было общинным: они были христианами в школе, и они были вместе¹³². Этот аспект выделялся на протяжении всей истории Движения, но он не является ни стратегическим, ни политическим, а рождается от сознания, что наша задача — нести присутствие Христа и Церкви в любую среду. «Да будут все едино... да уверует мир»¹³³ — с такой молитвой Иисус обращается к Отцу, думая о нас. Мир уверует, если увидит наше единство.

Другой важный для меня пример связан с одной из первых миссий Братства святого Карла, которая началась в 1991 году в Сибири. Только-только пал коммунизм, и Иоанн Павел II решил установить в России две апостольские администрации. Отец Джуссани попросил об открытии в Новосибирске домов *Memores Domini* и священников из Братства. Когда два или три года спустя наш основатель и настоятель отец Массимо Камизаска поехал навестить первых миссионеров, они находились в удручающих обстоятельствах: после долгих лет ком-

¹³¹ L. Giussani. *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo*. Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2007. P. 34–35.

¹³² Cf. M. Busani. *Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione*. Roma: Studium, 2016.

¹³³ Ин. 17:21.

мунизма люди жили не только в материальной бедности, но прежде всего в бедности человеческой; кроме сибирских холодов снаружи, еще больший холод пронизывал сердца изнутри. Один из нас, только что приехавший (им, католическим священникам в православной стране, еще предстояло выучить язык), спросил: «В чем наша задача? Что значит быть миссионерами на этой земле?» Отец Массимо ответил примерно так: «Люди здесь больше не знают, кто они, не знают, кому принадлежат, не знают, где их дом. Миссия для вас заключается в том, чтобы пробудить в них желание, тоску по дому, по принадлежности. И это возможно, только если вы сами прежде всего станете друг для друга домом».

Вот в чем, следовательно, суть миссии: пробуждать тоску по дому, желание принадлежать — именно этого в глубине души желаем все мы. И такое возможно, только если мы первыми этим живем.

Есть и другой аспект, тесно связанный с миссией и свидетельством в мире и вытекающий из того, о чем мы говорили сегодня утром, из факта, что Христос имеет отношение ко всему в нашей жизни. Если Христос имеет отношение ко всему, мы призваны интересоваться всем и выносить суждение обо всем, что с нами случается, что касается нас лично, а также о событиях, происходящих в мире. Речь о культурном измерении, к которому Джуссани нас всегда воспитывал: «Конкретная компания, в которой происходит встреча со Христом, становится местом принадлежности нашего „я“, где оно достигает наивысшей способности ощущать и чувствовать вещи, воспринимать их интеллектуально и судить о них, где появляется особый способ пускать в ход воображение и строить планы, решать и делать. Наше „я“ принадлежит тому „Телу“, которое и есть христианская компания, и в нем обретает безусловный критерий подхода ко всем вещам»¹³⁴. Отсылаю вас и к выступлению Давиде на встрече с культурными центрами в мае 2024 года¹³⁵.

Добавлю только одно: первый инструмент, первая среда, которые были нам даны, чтобы мы учились судить о реальности — школа общины. Среди огромного числа писем, полученных нами перед упражнениями (благодарю вас за них), многие спрашивали как раз о том,

¹³⁴ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 85.

¹³⁵ Д. Проспери. *Культура: быть для Христа* // ru.clonline.org.

как «делать» школу общины и в чем ее цель. Цель школы — прежде всего в том, чтобы помогать нам выносить суждение, судить о нашей жизни в свете слов отца Джуссани и его разумения веры. Таким образом, необходимы два момента: во-первых, понимание текста (мы говорим о школе, а значит, текст нужно читать и понимать, а если что-то непонятно — спрашивать); во-вторых, сопоставление слов Джуссани с нашим существованием, с нашим опытом, с тем, что творится в мире.

Завершу этот пункт, добавив два замечания. Первое очень простое: чтобы воспитать в нас восприятие жизни как дара себя, отец Джуссани придумал каритативу. Советую перечитать упражнения прошлого года, в которых монсеньор Паккози ясно и глубоко рассмотрел эту тему¹³⁶.

Вторая ремарка связана с тем, что, как отмечает Джуссани, миссия и свидетельство в мире всегда несут для нас риск преследования: «Мы неизбежно ощущаем себя немного не от мира сего, и так же ощущают нас и другие»¹³⁷. Не нужно бояться, если другим наши слова кажутся абсурдными. В конце концов, Иисус в Евангелии от Марка утверждает, что «во сто крат на земле» не избавляет нас от гонений¹³⁸.

Это высшая форма такого свидетельства, христианское имя ему — «мученичество», и каждый из нас, живи мы хоть до ста лет, так или иначе призван к нему, о чем недавно сказал папа Лев XIV: «Каждый верующий должен быть готов исповедать Христа вплоть до крови (ср. *Lumen gentium*, 42)»¹³⁹. В этом смысле мы, христиане, мужчины и женщины, приобщенные к Телу Христа, не можем не воспринимать как часть себя самих истории, опубликованные в февральском номере журнала «Трачче», посвященном многим примерам преследований и мученичества, которых полно в современной Церкви¹⁴⁰.

¹³⁶ «Высший закон нашего бытия — это, стало быть, разделять бытие других, делиться самими собой» ([L. Giussani]. *Il senso della caritativa. Scopo, Conseguenze, Direttive*. Milano: Editrice Nuovo Mondo, 2018. P. 7). Ср. Дж. Паккози. «Мы познали любовь». С. 13–14.

¹³⁷ L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo (1969–1970)*. P. 41.

¹³⁸ Ср. Мк. 10:29–30.

¹³⁹ Лев XIV. *Общая аудиенция*. 8 апреля 2026 г.

¹⁴⁰ Cf. *Umanità nuova // Tracce*. N. 2. 2026. P. 1.

Г. Чувство греха

Наряду с открытием своего великого призвания христианин, новое творение, чадо в Сыне, переживает также и мучительное осознание собственного зла.

Тридцатого мая 1998 года, выступая перед Иоанном Павлом II, отец Джуссани говорил, что «неверность всегда восстает в нашем сердце даже перед лицом вещей самых прекрасных и самых истинных» и что «человек может не устоять из-за слабости и мирских предрассудков, подобно Иуде и Петру»¹⁴¹. На упражнениях Братства 1986 года, цитируя двух пап, Иоанна Павла II и Пия XII, он утверждал: «Грех века сего — утрата чувства греха»¹⁴². Человек не способен ни верно переживать зависимость от Бога, ни отдавать себя всецелым и чистым образом: «Его сознание затуманено, а воля неодолимо томится молитвенным долгом; он живет в состоянии странного эгоцентризма». Так Джуссани подводит нас к теме первородного греха: «Чем... [человек] чувствительнее и сознательнее, то есть чем в большей мере он способен быть человеком, тем яснее он понимает, что ему это не удастся»¹⁴³. Иначе говоря, в одиночку он не в силах достичь самореализации. Иисус приучает человека осознавать собственную ограниченность, чтобы говорить: «Без Тебя не могу делать ничего»¹⁴⁴. Отец Марио Гаравалья познакомил меня с письмом монахов из Тибирина, блаженных мучеников, где они признаются: «Мы отдали наше сердце Богу „в общем и целом“ [раз и навсегда], но нам дорого обходится то, как Он берет его у нас в мелочах»¹⁴⁵ — нам сложно отдавать жизнь в малом. Одним словом, хотя наше сердце желает полной отдачи, мы сознаем нашу ограниченность, греховность, неспособность исполнить обещанное.

Отсюда у христианина, у нового человека рождается потребность в непрестанном прощении. Лишь опыт прощения делает нас вновь свободными, выводя из рабства нашей ограниченности. Именно таким образом возникает динамика нашей надежды: мы не способны

¹⁴¹ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 8.

¹⁴² L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 147.

¹⁴³ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 8, § 5, п. 2.

¹⁴⁴ Ср. *Ин.* 15:5.

¹⁴⁵ T. Georgeon, F. Vayne. *Tibhirine vive. L'eredità dei monaci martiri in Algeria*. Città del Vaticano: LEV, 2025. P. 47.

спастись самостоятельно (вспомним гностицизм и пелагианство) и нуждаемся в Его прощении.

Неслучайно любимой евангельской страницей Шарля Пеги была притча о блудном сыне, или, как ее еще называют, «о милосердном отце» (писатель называл ее почти неприемлемой, непостижимой, невыносимой)¹⁴⁶. Только в милосердном объятии Отца каждый из нас заново открывает, что он воистину является чадом (как происходит в концовке романа «К востоку от Эдема»). Вот почему мы постоянно нуждаемся в прощении, и потому нам стоит пользоваться таким божественным изобретением, как Таинство примирения, или исповеди: именно там мы непрерывно получаем объятие, вновь делающее нас свободными.

Д. Свобода

Отец Джуссани определяет свободу как «способность вместить Бога»¹⁴⁷. Она никогда не будет полноценной вне Его присутствия: в ходе земной жизни свобода постоянно сама себе противоречит, спотыкается, останавливается на вещах, которые не в состоянии осуществить глубокое желание нашего сердца. Это свобода несовершенная, больная, искаженная собственной слабостью и злом, следствием которого является слабость и о котором мы только что говорили. От такого опыта искушения избавить нас может только Христос. Иисус воспитывает человеческую свободу, чтобы она могла сознать свою ограниченность и единственный путь ее преодоления — вверение себя могущественной Божией любви.

Итак, наша свобода — свобода «освобожденная», свободная от плена собственной ограниченности¹⁴⁸: мы уже свободны как дети, но, всякий раз впадая в грех и ошибаясь, мы вновь нуждаемся в освобождении, в выкупе нашей свободы.

¹⁴⁶ Cf. Ch. Péguy. *Lui è qui*. Milano: BUR, 2009. P. 333–338.

¹⁴⁷ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 103.

¹⁴⁸ «Величайший грех против собственной жизни и собственной судьбы — это упорствование в собственном зле, в собственной слабости, в собственной неспособности. „Но я же не способен. Я не могу“ — „Конечно, ты не способен, вот так открытие! Ты — ничто! Но ты хочешь сказать, что и Бог не способен?! Нет! И все, что происходит в тебе, — это просто прилепление (ведь ответ и есть прилепление), а вопрошание — крайняя форма твоей привязанности, твоего прилепления к Богу. То, на что не способен ты, Бог имеет силу довести до конца, исполнить“» (L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: BUR, 2001. P. 7).

Живое тому свидетельство — опыт нашего друга, который с прошлого июля отбывает шестилетний срок за проступки, совершенные до его встречи с Движением (она случилась четыре или пять лет назад). Находясь в условиях физического заключения, он испытывает подлинную свободу, свободу человека, который освобожден от своего зла, а значит, может смотреть на мир новым взглядом. Прочитаю отрывки из его тюремного дневника: «Сегодня я чувствую, что могу назвать себя *свободным*. Сегодня я живу, а раньше только грезил об этом: я был в отчаянии, скован духом соперничества, находился в центре моей вселенной и, сам того не замечая, мастерил себе золотую клетку, в которую в конце концов посадил также моих жену и дочь. Я... был уверен, что религия — опиум для неудачников и потерявших надежду. И сам был таким. Но однажды я услышал, как кто-то позвал меня: „Поспеши, спустись, Я хочу прийти в твой дом“. Иисус пришел в мой дом, приведя с собой множество друзей, подарил мне новую семью, потрепанную, но сильную. Такие друзья помогают тебе нести твой крест — единственный, способный дать тебе обещанную Богом радость. Я счастлив, полон радости и люблю мою жизнь, скромную и бесполезную — если только она не свидетельствует о дарованной мне свободе. Мое обращение — самое невероятное, что могло со мной случиться. Сегодня я чувствую себя любимым... и люблю благодаря полученному Дару. Мне вспоминается одна горная прогулка много лет назад. Мы были маленькими и шли за моим отцом. На маршруте нас застала буря: гром, молнии и внушительный ливень. Никто из нас, детей, не боялся, потому что мы доверяли отцу и знали, что он нас любит. Если папа или дядя способен так относиться к ребенку, что же может дать нам любовь Отца! Думаю, это единственная зависимость, которая делает нас свободными, единственное благо, которое никогда не иссякнет! И поэтому свобода возможна и в условиях несвободы в общепринятом смысле, то есть в тюрьме. Никто не отнимет у тебя даруемую тебе любовь, никто не ограничит единственную зависимость, сохраняющую твою свободу!» Наш друг свободен, хотя и сидит за решеткой: он свободен, потому что зависит. Встреча со Христом не освободила его из тюрьмы, но делает его свободным в ее стенах. Утром мы говорили о друзьях, переживающих опыт болезни или потери близких: они тоже не избавлены от боли, но им дана компания, благодаря которой они способны предстоять перед болью.

Ценность групп Братства

Прежде чем завершить лекцию, я хотел бы остановиться на задаче, которую Давиде поручил мне несколько месяцев назад, — познакомиться с группами Братства из Ломбардии, встречаться с ними, пытаться понять, каковы позитивные аспекты этого опыта, какие возникают сложности и вопросы.

За это недолгое время я пришел к убеждению, что группы Братства — гениальное изобретение отца Джуссани, которое он задумал, глядя на то, что с семидесятых годов прошлого века происходило в Движении (об этом рассказывается в книге «*L'opera del movimento*»¹⁴⁹). Тогда, еще до признания Братства «Общения и освобождения» Святым Престолом в 1982 году, многие молодые люди и семьи начали образовывать группы, чтобы продолжать в подходящей для взрослой жизни форме опыт Движения, встреченный в старших классах, в университете или в рабочей среде. После 1982-го Джуссани, хотя он справедливо подчеркивал, что для принадлежности к Братству не обязательно состоять в группах, всегда предлагал их как путь, еще больше помогающий каждому из нас переживать то, к чему хочет призывать Движение, — общинную дорогу к святости. Он говорил: «Что значит, что возникают [группы] Братства? Что есть люди, которые осознанно воспринимают путь к святости как ценность личности и цель жизни, и это неизбежно подразумевает „общезитие“ [Джуссани использует слово *convento* (монашеская обитель), которое этимологически восходит к лат. *convenire* — «сходиться вместе». В отличие от русского *монастырь* (греч. *monos* — „один“, „уединенный“), *convento* несет идею совместности и общего уклада жизни. — Примеч. перев.], то есть некое правило: подразумевает не в метафизическом, а в педагогическом смысле. Братство — правило такого усилия, и без правила аскетическое усилие — явная самонадеянность. Если жизнь как устремление к раю, как любовь ко Христу или как усилие, направленное на достижение святости, не связана с правилом, она не принесет плодов. В этом гениальность католицизма... А иначе все иллюзорно, потому что человек пре-

¹⁴⁹ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 9–12.

бывает в отношении с собственным представлением об Иисусе, а не с волей Иисуса»¹⁵⁰.

То, чему я стал свидетелем в эти первые месяцы, подтверждает важность прозрения Джуссани. Прежде всего, я увидел, насколько наши семьи (начиная с самых молодых, но не только) нуждаются в месте общения, способном вырвать их из одиночества, в котором они рискуют оказаться. Группа становится пространством, где люди учатся смотреть друг на друга и разговаривать, в том числе в отношениях между мужем и женой. Те из нас, кто не состоит в браке или у кого есть раны, связанные с призванием, тоже переживают в группе опыт компании и близости — отзвук и отблеск присутствия Христа в их жизни. Если прибегнуть к евангельскому образу, думаю, группы Братства напоминают дом в Вифании: для Марфы, Лазаря и Марии Иисус стал знакомым присутствием, «одним из домашних». Мы тоже желаем такой близости со Христом, и группа — особое место, позволяющее учиться опыту познания Его личности. Цель группы как раз и заключается в том, чтобы возвращать в нас все, о чем мы говорили во второй лекции: принадлежность, молитву, милосердную любовь, взаимное прощение, разделение друг с другом жизни, со временем помогающее задавать вопросы и искать ответы в том, что касается призвания каждого, работы, денег, воспитания детей. Все это происходит благодаря простому и верному следованию правилу, которое каждая группа устанавливает для себя.

Энцо Пиччинини по этому поводу говорил: «На что ты ставишь, когда вступаешь в Братство? На вечную дружбу, на вечное обязательство. Я... хотел бы обратиться к каждому из вас с вопросом: „Прости, друг мой, способен ли ты пообещать, что вечно будешь моим другом?“ Никто из нас на такое не способен. И тогда зачем же мы идем на такую ставку, целиком и полностью основанную на свободе, когда нет ни структур, ни монастырских стен, которые поддерживали бы ее? Потому что признаем Присутствие как причину жизни, позволяющую в один прыжок, одним махом преодолеть все трудности, проблемы, темперамент, различия в историях, то, что я чувствую и чего не чувствую, мнения, инстинктивность»¹⁵¹.

¹⁵⁰ *Ibidem*. P. 66–67.

¹⁵¹ P. P. Bellini, C. Piccinini. *Amico carissimo. Enzo Piccinini nelle sue parole e nelle testimonianze dei suoi amici*. Milano: BUR, 2024. P. 101.

Только в силу признания Христова присутствия среди нас можно «отважиться» на дружбу навеки.

Наконец, Джуссани всегда подчеркивал, что одна из главных целей группы Братства состоит в том, чтобы помогать отдавать нашу жизнь ради великого и конкретного идеала — созидания Церкви¹⁵². А первый способ для нас любить Церковь, служить ей и созидать ее — служить Движению, смиренно и творчески содействовать его жизни там, где мы живем или работаем.

Святость

Итак, мы описали характеристики нового творения: свободу и зависимость, сыновство и принадлежность, молитву и чувство греха, миссию и дар себя. Такую человечность обобщенно описывает одно слово, и это слово — «святость».

В прошлом и Хулиан Каррон, и Давиде Проспери неоднократно говорили о многочисленных дарах благодати, излившихся на нашу компанию после смерти отца Джуссани. За эти двадцать лет в рамках нашего опыта созрели непредвиденные и трогательные плоды его существования, отданного ради славы Христовой. Поток святости объят жизнь наших общин. Я говорю это не с целью выставления себя на показ или самовосхваления, а потому, что эта реальность была нам дарована, а мы ее даже не осознаем. Поражает число наших друзей, чьи жизни Церковь посчитала достойными изучить или по крайней мере пристально рассмотреть, чтобы понять, можно ли обратить на них внимание всего народа Божия. Среди них Энцо Пиччинини, Андреа Ациани, отец Томмазо Латроники и многие другие. Девятого мая в Имоле откроется процесс беатификации Новеллы Скардови, а непосредственно ей предшествовал Марко Галло, старшекласник из Движения родом из Кьявари, выросший в Монце и погибший в аварии на мотоцикле в 2011 году. Я предложил вместе с вами посмотреть двухминутное видео из фильма Эммануэля Экзиту, подготовленное к 7 марта — официальной дате открытия процесса беатификации. В нем речь идет о моменте, когда, получив известие о смерти сына, мама Марко с подругой вошла в его ком-

¹⁵² L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo (1969–1970)*. P. 47.

нату и обнаружила фразу, которую он за несколько часов до гибели написал на стене.

[Показ отрывка из фильма
«Più vita alla vita, correndo dietro a Marco Gallo»]

«Пришла Даниэла, мама Андреа Акилли (несколько лет назад они пережили то же самое), а у меня в голове продолжала крутиться одна мысль: „Что нам делать с комнатой?“ Инстинктивно мне хотелось чуть ли не сжечь ее, словно эта точка боли была слишком невыразимой. Она мне сказала: „Вот увидишь, тебе поможет, если ты войдешь туда“. Что я могла ей ответить? Это говорила мне она, такая же, как я. И я поверила, потому что мне это сказала она. Так, когда вечером мы вернулись домой и нам нужно было выбрать одежду для Марко (никому другому я не могла это доверить!), мы вошли, и я взяла оранжевую футболку, красивую, с изображением „Призвания Матфея“ Караваджо и фразой Бенедикта: „Он, Бог, дарует все и ничего не отнимает“. Я села на его кровать, и пока сидела, Аличе спросила: „Что это там написано?“ Позади меня, рядом с распятием святого Дамиана, которое Марко захотел повесить, большими буквами на стене было выведено: „Что вы ищете живого между мертвыми?“ Накануне там ничего не было: я заправляла кровать и уж, конечно, отругала бы его за надписи на стене! Это был очевидный знак победы над смертью, знак того, что жизнь не кончается»¹⁵³.

«Что вы ищете живого между мертвыми?»¹⁵⁴ Вот где нужно искать Христа: в лицах святых. В последние дни жизни Марко Галло всем рассказывал о фильме Лилианы Кавани «Франциск» и особенно — о сцене, в которой святой получает стигматы, то есть о моменте, когда любящий (Франциск) уподобляется Возлюбленному (Христу). Речь о том отождествлении, о каком молодой Джуссани писал в знаменитом письме Анджело Майо: «Дружба стремится к единению, к тому, чтобы уподобиться, слепиться с человеком, стать

¹⁵³ Расшифровка видео «Più vita alla vita, correndo dietro a Marco Gallo. La vita di Marco raccontata dalla famiglia e dagli amici» (с 20:07 по 22:14 минуту), опубликовано 7 марта 2026 г. на канале YouTube @amicidimarco gallo (сценарист и режиссер — Э. Экзиту; исполнительные продюсеры — Н. Лонато и Э. Экзиту; оператор — М. Гандольфо).

¹⁵⁴ Лк. 24:5.

с ним одним целым, обрести облик Друга... но Иисус на кресте... величайшая радость нашей жизни состоит в том, что в каждом малом и большом страдании мы понимаем: вот, теперь ты еще более похож, ты еще больше „слеппен с Ним“»¹⁵⁵.

Вот что такое святость: позволять Христу занимать в нашей жизни пространство, чтобы лицо, о котором мы говорили сегодня утром, все больше становилось нашим, хотя мы и не избавлены от наших ограничений. Мы никогда не станем совершенными, как не были совершенными Марко Галло, Энцо Пиччинини или Андреа Ациани. Почитайте книги о них, и сами убедитесь! Но все они более или менее явным образом желали однажды вслед за апостолом Павлом сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос»¹⁵⁶. О том же несколько дней назад говорил и папа: «Святость... не привилегия немногих, а дар, обязывающий каждого крещеного»¹⁵⁷.

Стать святыми — значит гореть той же любовью и тем же желанием счастья для наших братьев людей, что горела в Иисусе и во многих наших друзьях, которые ныне живут в Нем. Мы, встретившие Его, получившие «во сто крат» на земле, не можем не содрогаться при мысли о том, сколько еще людей по-прежнему живет, не имея никакого представления о Нем. Как писал Андреа Ациани своему другу Даддо: «Вот бы кто-то влюбился в то, что пробудило любовь в нас! Но для этого мы должны гореть, буквально пламенеть любовью к человеку, чтобы Христос достиг его»¹⁵⁸.

¹⁵⁵ L. Giussani. *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo*. P. 33.

¹⁵⁶ Ср. Гал. 2:20.

¹⁵⁷ Лев XIV. Генеральная аудиенция. 8 апреля 2026 г.

¹⁵⁸ G. Mereghetti, G. C. Peluso. *Andrea Aziani. Febbre di vita*. Castel Bolognese (RA): Itaca, 2023. P. 117.

Воскресенье, утро

Вольфганг Амадей Моцарт

Концерт № 20 для фортепиано с оркестром ре минор, К. 466

Фортепиано — Клара Хаскил

Игорь Маркевич — Оркестр Ламурё

«Spirto Gentil», n. 32, (Philips) Universal

Ангел Господень

Утренья

■ СОБРАНИЕ (ПЕРВЫЙ ПОТОК)

Франческо Кассезе. Всем добрый день. Как обычно, сегодняшнее утро посвящено собранию. Мы получили около четырехсот вопросов и остались под впечатлением, потому что они свидетельствуют о взрослой жизни, о серьезности, в том числе и перед лицом многих жизненных вызовов; в них прослеживается зрелый опыт веры. Для всех нас это важный знак, показывающий, что мы идем по пути и в каком-то смысле отвечаем замыслу, ради которого возникло Братство. На первой странице только что переизданной книги о Братстве, рассказывая о его зарождении, отец Джуссани говорит: «Меня поразила следующая мысль: они большие, они взрослые, они зрелые люди, несущие ответственность за мастерские, фабрики, за рабочие инициативы, за конторы; прежде всего, несущие ответственность за семью — самое важное предприятие по природе; разве не должны они нести ответственность, ощущать зрелую ответственность за собственную святость? Такой была первая мысль, которая пришла мне в голову. <...> Вы взрослые, и, как вы несете ответственность за человеческие дела, за развитие человеческих дел, так вы должны нести ответственность и за ваш путь к судьбе. Ответственность означает, что о вас уже не заботятся, как о детях, не организуют, как подростков, не побуждают, как студентов. Вы должны переживать ваш человеческий путь к судьбе — путь святости, вы должны осознать его и взять на себя ответственность за него!»¹⁵⁹

¹⁵⁹ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 9.

Сегодня утром, в отличие от собраний прошлых лет, мы решили сосредоточиться не на многих проблемах, а лишь на четырех группах вопросов по затронутым темам. Две из них адресованы отцу Леле Силаносу, две — Давиде, которого в конце я попрошу подробно рассмотреть один момент. Первый вопрос для Леле.

«А вы за кого почитаете Меня?» Как этот вопрос касается нас сегодня? Что значит личное отношение со Христом? Я хочу пребывать в таком отношении, но понимаю, что рискую истолковывать его несколько отвлеченно. Как можно каждое мгновение возрастать в отношении с Иисусом? Как наша компания помогает нам переживать и углублять отношение с Ним? Христос — бесконечно познаваемая тайна; что это значит для нас?»

Эммануэле Силанос. В чем разница между вопросом, прозвучавшим вчера в утренней лекции («А вы за кого почитаете Меня?»), и вопросом из пятничного введения («За кого люди почитают Меня?»)? То есть чем отличаются люди, проходящие по улице перед нашим домом на Тайване и не имеющие понятия об Иисусе, от нас, тех, кому Христос задает вопрос о Себе, как когда-то задал его Петру и остальным? Сначала Он спросил: «Что говорят другие?» А затем: «Что скажете вы?» В чем же разница? Мы не можем заявить, что понятия не имеем, кто Он такой. Тебя, нас, собравшихся здесь сегодня в результате целой истории, предшествующей нам и формирующей нас, этот вопрос затрагивает не так, словно мы находимся в нулевой точке отношения с Ним. Тот факт, что Христос — Тайна, что Он бесконечно познаваем, не означает, что мы пребываем в ситуации, описанной в фильме «Пятьдесят первых поцелуев»¹⁶⁰, где главная героиня просыпается по утрам и не помнит ничего о вчерашнем дне. Нам не нужно, чтобы кто-то каждый день повторял: «Ты был крещен...» Христос стал нам близким благодаря определенной истории, истории, которую Христос построил для нас.

Итак, на вопрос о том, как касаются нас сегодня слова Христа из темы упражнений, я ответил бы встречным вопросом: «Как они ка-

¹⁶⁰ *День сурка (Groundhog Day)*. Реж. Г. Рэмис. США, 1993; *50 первых поцелуев (50 First Dates)*. Реж. П. Сигал. США, 2004.

сались тебя до сегодняшнего дня?» Начнем оттуда, с объективности истории, в рамках которой вы пережили опыт отношения с Ним; постараемся не впадать в искушение думать, «что нам все уже известно», будем открытыми и полными желания все больше погружаться в тайну. Чем ближе познаешь ее, тем внушительнее она становится, тем сильнее она хочет дать себя познать, как было для отца Джуссани до последнего мгновения его жизни, как было для святого Франциска в лесах Ла Верны.

Оттолкнемся от знаменитого примера из десятой главы «Религиозного чувства». Если бы я родился сейчас с моим нынешним сознанием, мне пришлось бы признать, что я не сам себя сотворил, что меня создал Другой и я завишу от Него: «Я есть „ты-творящий-меня“»¹⁶¹. Однако в настоящий момент для меня важно было бы также утверждать: «Я сотворен, я создан вместе по крайней мере с десятью тысячами людей». Есть объективная данность, требующая моего признания, — присутствие компании, в которую я был помещен. Отсюда вновь начинается мое отношение со Христом: здесь оно снова затрагивает меня. Следовательно, Он постоянно спрашивает меня, за кого я почитаю Его, двумя способами: через реальность и через объективность компании.

Приведу личный пример. Лето 2012 года было самым прекрасным за всю мою жизнь до тех пор. Я все еще был в миссии на Тайване и после многих лет наконец совершил давно запланированную поездку в Китай, где буквально осязал безмерную потребность китайской общины в живом отношении с вселенской Церковью. Я написал длинное письмо моим настоятелям, чтобы поделиться с ними моими соображениями. В конце августа я поговорил об этом с отцом Паоло, тогдашним генеральным викарием Братства святого Карла, который выслушал меня очень внимательно и в конце сказал: «Замечательно. А теперь послушай, что предложу тебе я». Если коротко, я узнал, что в ближайшее время в Риме будет нужен новый генеральный викарий. В мгновение ока все мои планы рассыпались! Конечно, я мог ответить: «Да нет же, Христос просит у меня другого. Он просит меня поехать в Китай, это гораздо важнее». И я уверен, что Паоло принял бы мой ответ. Но разве в тот момент не было разумнее думать, что Христос просил меня о чем-то другом в сравнении с моими

¹⁶¹ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 123.

идеями? Что было разумнее: пойти за моим предчувствием или за реальностью, обращавшейся ко мне через добрые лица моих настоятелей? Отец Джуссани говорил: «Тайна и знак в некотором смысле совпадают»¹⁶². Чтобы убедиться в оправданности этой формулы, он специально пошел к кардиналу Ратцингеру, возглавлявшему тогда Конгрегацию вероучения, и тот дал ему подтверждение¹⁶³. Что значит, что Тайна и знак совпадают? Что Христос говорит через реальность и особенно — через компанию людей, которых Он ставит рядом с нами. Один из вас вчера вечером написал мне: «Когда-то, навещая сестру-сакраментинку [монахиню из конгрегации, чья духовность сосредоточена на поклонении Пресвятым Дарам и служении нуждам людей], я сказал ей: „Вы живете, созерцая Христа в евхаристическом хлебе. Между нами не такая уж большая разница: мы созерцаем Тело Христово в среде, в которой живем, через единство христианской общины“. А община возникает по благодати в том числе и от горячего желания тех, кто созидает Движение там, где живет, бок о бок с людьми, разделяющими нашу повседневную жизнь».

Такое совпадение знака и Тайны аналогично: мы являемся Телом Христовым не так, как им является освященная hostia, но мы и члены друг другу, по слову апостола Павла¹⁶⁴, части единого Тела — Церкви. Поэтому на вопрос о том, как Христос касается меня сегодня, отвечу вопросом: «А вы за кого почитаете Меня?» Пусть он впредь станет каждодневной работой для всех нас и между нами и опирается на путь, который мы проделали вместе и который мы проделываем лично в русле нашей истории (потому что Христос достиг каждого из нас совершенно личным образом, но всех — через харизму отца Джуссани). Итак, исходя из этой объективной данности и реальности нашей компании, давайте помогать друг другу, чтобы этот вопрос становился все более осязаемым, живым, прямым в повседневной жизни каждого из нас.

Кассезе. Перейду ко второму вопросу — для Давиде. Во многих письмах возникало слово «память», с которым был связан первый пункт первой лекции («Ради чего мы вместе. Память о Христе»)

¹⁶² Л. Джуссани. *Отдать жизнь ради дела Другого*. С. 52.

¹⁶³ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 676–678.

¹⁶⁴ Ср. Еф. 4:25.

и которое, как мне кажется, определяет центральный аспект особой природы нашей харизмы. Отец Джуссани всегда настойчиво повторял слово «память». В прологе к уставу Братства (после правок, утвержденных в прошлом году, эта часть осталась практически без изменений в сравнении с изначальной версией) говорится о «подчеркивании памяти о Христе как утверждения образующих факторов христианского опыта, лежащих у истоков истинного образа человека»¹⁶⁵. Следовательно, речь о важнейшем для опыта Братства слове.

«В чем заключается память о Христе и как она помогает прожить опыт отношения с Ним в повседневной жизни?»

Давиде Проспери. Что такое память в отношении, если не возможность, чтобы это отношение, *эта* любовь никогда не заканчивались, чтобы они сопровождали нас в любых обстоятельствах, даже когда больше нельзя быть вместе физически? Думаю, это ключевой вопрос: что значит жить памятью о Христе? Можно по-разному пытаться отвечать на него, но давайте попробуем посмотреть на ответ, предложенный самим Иисусом. В пятнадцатой главе Евангелия от Иоанна Он дает Своим друзьям, Своим ученикам наставление, объясняя, каким образом продолжится Его отношение с ними.

Интересно, что Иисус не говорит, как, вероятно, сказали бы мы: «Я ухожу, помните обо Мне, не забывайте Меня». Нет, память, о которой Он просит, не воспоминание о прошлом, о том, что когда-то было пережито вместе. Будь она простым воспоминанием, пусть даже самым прекрасным, память не выстояла бы перед насущными нуждами жизни, перед тревогами и повседневными тяготами. А Иисус пришел как раз для этого: чтобы дать нам возможность переживать любые обстоятельства, не сдаваясь перед трудностями! Вот почему Он просит не о «благочестивом воспоминании», а о чем-то совершенно другом: «Пребудьте во Мне»¹⁶⁶, — потому что в Нем уже есть всё.

Прочитаю вам письмо тяжелобольной подруги из *Memoires Domini*: «Я дома, моя работа изменилась: потихоньку я замечаю, работа теперь — труд памяти о Его призыве сейчас. Сегодня утром

¹⁶⁵ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 304.

¹⁶⁶ Ин. 15:4, 7.

меня поразило прошение из утренней молитвы: „Яви нам благодать Твою, действующую в каждом творении, чтобы мы во всем и во всех признавали свет Твоей славы“». Христианская память — осознание Присутствия, присутствующего в настоящем. Кажется, это игра слов (в ориг. — *una Presenza presente*: игра на однокоренных *presenza* (присутствие) и *presente*, которое означает и *присутствующее* [здесь, сейчас], и *настоящее* [время]. — *Примеч. перев.*), но Джуссани именно так говорит о вере: «Что такое вера? Признание некоего присутствия»¹⁶⁷, Присутствия с заглавной буквы, присутствующего в реальности, а не произведенного нашей мыслью. Таким образом, и память, если это память о Христе, есть признание Присутствия, которое продолжает пребывать. То, что мы встретили, не остается фактом прошлого, а превращается в призму, через которую мы смотрим на все, на все! Мы не вспоминаем о дружбе, мы пребываем в Присутствии: «Пребудьте во Мне».

Еще одна подруга пишет: «Последние месяцы были благодатным и головокружительным временем. У меня возникло желание попросить об окончательном принятии в *Memores Domini*, потому что я признаю, что без Иисуса я не я, и я безумно хочу, чтобы все могли открыть, что мы дети милосердного Отца. Для этого необходимо было подчинить разум моему опыту, и поэтому я нуждалась в том, чтобы памятовать обо всех моментах, лицах, местах, которые Иисус использовал, чтобы привлечь и призвать меня. В этот период Движение, новициат *Memores Domini* и дом стали для меня проводниками и воспитательной средой, они вновь пробудили и углубили во мне желание встречать Христа и видеть Его воплощенным».

Вот почему Иисус прибегает к образу лозы и ветвей¹⁶⁸. Ветвь не имеет жизни сама по себе, она не может решить плодоносить своими силами, за счет своих способностей или инициатив: она либо прикреплена к лозе, либо усыхает и умирает. Это в корне меняет нашу перспективу: получается, память — не последовательное усилие, а осознание Присутствия, от которого мы зависим, как отмечал Леле. И это жизненно важная зависимость, как зависимость ветви от лозы, дающей ей жизнь. Иисус ясно говорит: «Как ветвь не может

¹⁶⁷ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: BUR, 2025. P. 7.

¹⁶⁸ Ср. *Ин.* 15:4–5.

приносить плода сама собою... так и вы, если не будете во Мне»¹⁶⁹. В этом смысле память совпадает с пребыванием: нужно согласиться зависеть от Его присутствия в настоящем, облеченного в историческую форму, которую избрал Сам Христос, то есть в церковное общение; нужно согласиться, что состоятельность моей жизни не зависит от меня, от моих мыслей, чувств, от того, что мне нравится, но исходит от Другого. Это не абстрактные слова. Помимо наших речей, что указывает на сращенность ветвей с лозой? Плоды, которые они приносят. Если же ветвь отделить от растения, она уже не даст плодов.

Иными словами, память проверяется в конкретной жизни: в том, как я работаю, как веду себя с людьми, как подступаю к трудностям или разочарованиям. И тут нет ничего машинального: память — позиция «я», которую надо обновлять в каждое мгновение. В дни упражнений мы слышали: событие — это изначальная встреча и одновременно новая жизнь, рождающаяся от нее; изначальная встреча, встреча с Иисусом, которую благодаря Леле мы вновь пережили в первой лекции, и новая жизнь, проистекающая из нее. Событие — их совокупность, а не просто изначальная искра. «[Он] *есть*, если меняет»¹⁷⁰, — говорил Джуссани. И тогда проблема в том, чтобы возвращаться и пить из источника через наше «да», позволять Ему постоянно вновь охватывать нас.

Вчера Леле цитировал среди прочих историй притчу о блудном сыне. Она всегда поражает; тот, у кого, как у меня, есть дети, не может не вживаться в нее. В ней видна не только свобода сына, но и свобода отца (неслучайно ее еще называют «притчей о милосердном отце»). Последний не полагается на способность сына к благу в стоическом смысле («Если он постареется, у него получится») и не ограничивается безразличием по отношению к нему («Я так ценю его свободу, что он может поступать, как вздумает, и даже уйти и растратить все наследство»): действительно, когда сын покидает дом, отцу не все

¹⁶⁹ Там же. Бенедикт XVI комментирует: «Господь продолжает так: „Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. ...ибо без Меня [можно было бы перевести и «вне Меня»] не можете делать ничего“. Каждый из нас стоит перед таким решением» (Бенедикт XVI. *Проповедь во время святой мессы на олимпийском стадионе во время апостольского визита в Германию*. Берлин, 22 сентября 2011 г.).

¹⁷⁰ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. P. 115–116. См. также: L. Giussani. *È, se opera. Appunti da una conversazione con dei giovani* // Suppl. 30 Giorni. N. 2. 1994. P. 65–81.

равно. Он не может быть уверен, что сын вернется, но останавливается перед его свободой и, хотя и с болью, позволяет ему уйти. Я всегда спрашивал себя: почему поведение отца разумно и исполнено доверия? Он не бросает кости, чтобы решить, как поступить с сыном, не в этом смысле он «ставит» на его свободу. На чем же тогда основана полная доверия свобода отца, уважающего свободу сына и продолжающего ждать, не теряющего надежду на его возвращение? Свобода отца опирается на уверенность в том, что сын пережил опыт дома и его любви и что память и о доме и об отце рано или поздно подтолкнет его обратно. Поэтому-то надежда отца не тщетна.

Между нами все так же. Признание встречи и память о ней, о благодати, изменившей нашу жизнь, — вот что побуждает нас возвращаться всякий раз, когда мы уходим, и нас всегда принимает назад объятие Его присутствия. Живой опыт нашего общения во Христе — дом, куда можно вернуться, где можно пребывать. В этом наша надежда, наша радость и наша свобода: общение и *есть* освобождение. В этом же состоит наша полезность и наша миссия в мире.

Вольно или невольно мы всегда «пребываем» в чем-то: либо в наших мыслях, в наших страхах, в наших представлениях, обычно вложенных в нас другими, либо же мы пребываем в Нем.

Завершу очень простым вопросом, который обращаю к каждому из вас и прежде всего к себе: сегодня, в этот самый момент в чем я желаю «пребывать» всем сердцем?

Кассезе. Многие вопросы касались групп Братства и тех тем и проблем, которые возникают в совместной жизни. Мы решили не отвечать на них сегодня утром из-за нехватки времени, скажу только, что значительная их часть рассмотрена в только что переизданной книге отца Джуссани «*L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*». Это замечательный текст, хотя, как уже говорил Давиде, его читают меньше всего, а зря, ведь это настоящий клад. Призываю всех читать и перечитывать его. Кроме того, мы думаем, каким образом помогать друг другу, как сопровождать друг друга в следующие месяцы, возможно, через встречи с приорами, чтобы вместе подойти к вашим вопросам.

Перехожу к третьему вопросу, на который будет отвечать отец Эмануэле.

«Что значит „во сто крат“? Что значит оставить все ради Христа? Почему мы не сдаемся перед такой огромной любовью Христа к нам? Как переживать стократное воздаяние здесь и сейчас даже в страданиях?»

«Почему ничто так нас притягивает, что это за странная привлекательность пустоты? Что помогает устоять перед ней? Когда в супружеских отношениях или в группе Братства наступает период засухи и все становится само собой разумеющимся, как отойти от скептического взгляда и не говорить, что ничто не вечно?»

Силанос. Прекрасные вопросы, но ответ на них требует долгого времени, а точнее, всей жизни, так что я только начну отвечать.

Вернемся к моменту, когда Петр спросил: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?»¹⁷¹ С одной стороны, вопрос Петра предполагает, что они оставили все. И тут я спрошу: а мы все ли оставили? Готовы ли мы на такое? Желаем ли этого? Живем ли мы хотя бы стремлением оставить все? Вспомним тибиринских монахов: проще сказать великое «да» один раз и навсегда, чем говорить множество маленьких «да» каждый день. Тот, кто вступает в брак, счастлив сказать «да» в день свадьбы, но потом необходимо повторять его день за днем перед мужем, женой, перед детьми. В чем же заключается «все», которое мы должны оставить? Мы призваны отказаться скорее не от принадлежащих нам пространств и вещей, а прежде всего от наших идей о свершении, о счастье. «Оставить все» — значит прилепиться к тому, что Христос предлагает тебе сейчас как объективную дорогу к твоей самореализации, которая по-христиански называется призванием. Оставить все — значит обнять наше призвание, то есть способ, с помощью которого Христос сейчас просит тебя: «Следуй за Мною».

Есть и второй аспект, который я нахожу парадоксальным. Петр, спрашивая, что будет им, ученикам, оставившим всё ради Него, стоял перед Христом. Что может быть больше Христа? Из его же вопроса кажется, что Петр оставил все не «ради Иисуса», а чтобы получить что-то другое, отличное от Него. Попробуем вообразить, что почувствовал в тот момент Иисус. Трогательно думать, как Он бесконечно

¹⁷¹ Мф. 19:27.

терпеливо, хотя и с тенью по-человечески понятной печали, ответил Петру: «Не переживай. Вы, оставившие все ради Меня, получите в сто раз больше и жизнь вечную»¹⁷². Он объясняет ему это спокойно и милосердно. Он мог бы сказать: «Петр, разве ты не понимаешь, что Я и есть „во сто крат“? Неужели тебе не ясно, что вечная жизнь — это Я Сам?» Знать Христа — вот жизнь вечная¹⁷³. О том же Он сказал на Тайной вечере Филиппу, когда Он открыто говорил им все, а апостол попросил: «Покажи нам Отца, и довольно для нас». Иисус ответил: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца?»¹⁷⁴

Мы иногда рискуем вести себя как Петр и Филипп, а точнее так себя и ведем: идем за Христом, возможно даже с уверенностью, что «отдали все», но в глубине души все еще чего-то ждем. Мы идем за Ним, а потом выставляем Ему счет, подобно Марфе после всех ее хлопот. Мы отдаем все, не чтобы ответить на Его любовь, предшествующую нам, а чтобы почувствовать себя кредиторами, словно мы получили право требовать чего-то взамен. Однако, если Христос и есть «во сто крат» и я уверен в отношении с Ним, мне больше нечего просить, я могу только отдавать: получив все в отношении с Ним, я желаю лишь жить с Ним и для Него. Таким образом человек обретает способность все обращать в приношение, даже страдание. Более того, он рад принести [Богу] страдание: рад не страдать, а приносить страдание, болезнь, как Маттеус, потому что он уже получил все и единственное его желание — воздать за все полученные дары.

В вопросах, которые мы получили, затрагивалась тема притягательности ничто, кажется, поразившая многих, а значит, этот опыт так или иначе касается всех нас. Что-то влечет нас к ничто, к небытию. Однако будьте внимательны: человеческое сердце не создано для небытия, оно создано для Бытия; оно не создано для смерти, а создано для жизни. Откуда же тогда эта странная склонность к тому, что отрицает истинный объект нашего желания? Причина в том, что наша свобода ранена, ранена первородным грехом. Вот почему следует с осторожностью говорить: «Я иду за чем-то, по-

¹⁷² Ср. *Мф.* 19:29.

¹⁷³ «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (*Ин.* 17:3).

¹⁷⁴ *Ин.* 14:8–9.

тому что мне это больше соответствует». Соответствует один лишь Христос. Поэтому, если что-либо уводит тебя от Него или сбивает с пути, на который Он тебя поставил, то есть какая-то проблема, и нужно помогать друг другу «отбрасывать» все, что отдаляет от Него, как мы говорили вчера утром, комментируя эпизод с дочерью Иаира. Не поймите неправильно: речь не о том, чтобы выбросить из нашей жизни тех или иных людей, а чтобы оставить то, что держит меня вдали от него: шум, притягательность ничто, зависимость от «суетного».

Один друг написал мне: «Дорогой Эммануэле, сегодня вечером, когда ты начал с темы стократного воздаяния, мне вспомнился момент моей жизни, когда я особенно ощутил это обещание. Момент, пожалуй, самый мрачный за все мое существование. Мой брак был в кризисе, я чувствовал себя опустошенным и не хотел больше жить. „Во сто крат“ случилось так. Отец Джуссани однажды мне сказал: если ты возьмешь этот крест, то увидишь во сто крат отцовства, дружбы, жизни. Он повторял это и побуждал меня взять крест добровольно, а не претерпевать его. В те дни у меня совсем не было сил, поэтому он и его друзья из дома *Memores* в Гудо понесли крест за меня, так что в дальнейшем и мне удалось это сделать. Обещание исполнилось на пути, где, казалось, я был мертв, а потом возродился. Я пережил опыт полноты жизни и богатства друзей, которое происходит от Иисуса, друзей, сегодня помогающих мне открывать в Нем Того, Кто меня любит. Вот кто Иисус для меня».

Итак, от риска быть поглощенными пустотой нас спасает рука Иисуса, протянутая Петру, когда тот начал тонуть, благодать, объективно присутствующая в Церкви, в Таинствах и аналогичным образом — в нашей компании. Если ничто притягивает нас, если кажется, что мы склоняемся перед бременем страданий, тягот и креста, от нас требуется лишь одно: просить. Будем просить Христа о помощи, о том, чтобы Он спас нас Своей благодатью, как Петра, тонувшего в водах моря Галилейского.

Кассезе. Мы подошли к последнему вопросу, который я задам Давиде. В твоём приветственном слове в пятницу вечером ты отметил несколько моментов, которые, как нам кажется, стоит рассмотреть глубже. Если первый вопрос, который мы тебе задали, касался па-

мяти, то здесь центральным словом, звучавшим в разных письмах, является свобода.

В последние месяцы многие обстоятельства — как на мировом уровне (прежде всего, продолжающиеся войны), так и в Италии (в частности, вызов, брошенный референдумом о конституционной реформе), так и в рамках нашей истории (например, диалог, начатый с папой Львом XIV после январской аудиенции) — кажутся мне связанными с вопросом о свободе каждого из нас. Пожалуйста, остановись подробнее на этой теме. Мы начнем с двух вопросов, которые кажутся нам особенно значимыми.

«Помогите мне лучше понять смысл термина „свобода“, как он был представлен в лекциях».

«В приветственном слове Проспери затронул необходимость вновь обрести чувство свободы, которое не противопоставляет свободу и единство. Отец Силанос говорил о свободе через сыновство. Такой взгляд сильно отличается от привычного нам понимания свободы как динамики выбора. Так что же такое свобода? Очевидно, речь не о возможности что-либо делать. Но тогда о чем? Мы услышали, что несем в мир не самих себя, а общение, переживаемое между нами. Каково отношение между личной свободой и нашим общением?»

Проспери. Да, действительно, эта тема, особенно в последние месяцы, поднималась живо, порой даже драматично, поскольку мы понимаем, что на кону нечто существенно важное. Вчера во второй лекции Леле говорил, что свобода — характеристика сына, нового творения. Он говорил о свободе, «освобожденной» из плена собственной ограниченности, о свободе, которая находит свое свершение в зависимости от Бога, в Его присутствии. Во введении же мы сказали, что, хотя такому пониманию свободы Джуссани уделял пристальное внимание, сегодня, даже в большей мере, чем вчера, мы не можем считать ее само собой разумеющейся — в том числе и среди нас. Иногда мы и не замечаем, как становимся пленниками представления о свободе как об отсутствии связей, как об автономности или как об ограде, требующей защиты. Почему?

Мы тоже пропитаны окружающим нас индивидуализмом, который продвигается господствующим менталитетом. В результате, когда мы

оказываемся перед лицом радикального, цельного предложения, вовлекающего нас целиком и полностью (как предложение этих дней), или, например, когда Движение предлагает нам следовать за чем-то, что не сразу проходит «таможню» нашей меры, нашего характера или мнения, в той или иной мере мы все ощущаем, как в нас нарастает, поднимается протест, сопротивление. Джуссани описывает такую позицию с помощью выражения, которое никто из нас не возвел бы в теорию; оно скорее практикуется, чем высказывается: «Я мой»¹⁷⁵.

Тем не менее, если мы посмотрим на дни упражнений, сделанное нам предложение показало, насколько желанна, глубоко желанна жизнь, полностью переживаемая в осознанной зависимости от Его присутствия, с Его присутствием, ради Христа. Предложение упражнений вновь пробудило в нас тоску по Нему и в то же время — тоску по более истинной человечности для нас. Возможно, мы сдерживали ее, но сейчас она мощно прорывается в нас. Как часто я и многие из вас своими ушами слышали от отца Джуссани: «Меня не было, теперь я есть, а значит, я принадлежу, я „чей-то“, моя идентичность — в другом»¹⁷⁶. Мы принадлежим Богу, Христу, воплощенному Богу, мы принадлежим Тому, Кого встретили через реальность, к которой Он прибегает, чтобы пребывать в истории: через Церковь, через нашу компанию, являющуюся ее притягательным выражением, в чем мы убедились в эти дни.

Итак, свобода — прежде всего не наша способность выбирать, она не осуществляется через возможность выбора (по словам Джуссани, это свойственно свободе, находящейся в пути, несовершенной свободе, но не определению свободы, не ее природе)¹⁷⁷. Свобода есть утверждение нашей принадлежности, способность прилепиться к Другому, от Которого мы проистекаем как «я»; от Него возникает мое «я», и потому принадлежность к Его присутствию ведет к свершению моей личности. Не будем заблуждаться: альтернатива *этой* принадлежности — не самообладание («я мой»), а принадлежность к биологическому и историческому контексту, породившему нас и держащему нас «на поводке», принадлежность к среде, в которой мы живем, к соцсетям, которыми мы пользуемся, к журналистам, на

¹⁷⁵ L. Giussani. *L'incontro che accende la speranza*. Città del Vaticano: LEV, 2025. P. 64.

¹⁷⁶ *Ibidem*. P. 60.

¹⁷⁷ См. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 79.

которых ориентируемся, к маленькой группе «друзей», которые сегодня в большей мере влияют на нас, — одним словом, к принадлежности власти, стоящей у руля.

Следовательно, вопреки тому, что мы обычно думаем, нет никакого противостояния между свободой и принадлежностью. Но при одном условии: мы не должны позволять господствующему менталитету навязывать нам смысл этих слов. Между свободой, понимаемой как прирастание к бытию, как способность созидать самих себя через утверждение Тайны, творящей нас мгновение за мгновением (именно так говорит о ней Джуссани), и принадлежностью к этой воплощенной Тайне, присутствующей здесь и сейчас в Церкви, есть глубокая связь, а не противостояние. Именно в принадлежности находит свое свершение наша свобода. Противостояние же имеет место, когда свобода сводится к обманчивой автономии, которая представляет собой лишь завуалированную зависимость другого рода: она не освобождает, мы ее даже не замечаем, и поэтому она еще больше лишает нас индивидуальности, она еще более зловредна и разрушительна. Человек всегда от чего-то зависит. Когда мы отвоевываем пространство так называемой автономности или неправильно понимаемой свободы, когда говорим: «К этому Христос отношения не имеет, сюда компания входить не должна, здесь вере нечего сказать», — то, во что мы не впускаем Его присутствие, тут же обедняется, блекнет, живет не в полную силу.

Необходимо, однако, учитывать и другой риск, всегда подстерегающий нас: риск свести Христа к воображаемому присутствию, переведенному исключительно в спиритуалистские термины. В духовных упражнениях Братства 1998 года Джуссани говорил о серьезной современной редукции, о желании «Христа без Церкви». Это то самое искушение гностицизма, о котором Леле говорил во введении, чья цель — «устранение плотского начала»¹⁷⁸ Христа. Лишь Его реальное, плотское присутствие обладает силой, преображающей жизнь. Если встреча с Движением привлекла нас и стала своеобразным водоразделом, то потому, что благодаря ей мы открыли насколько Христос имеет отношение ко всему, преображает все, а общение, переживаемое во имя Его порождает иной, более полный, более истинный

¹⁷⁸ Л. Джуссани. *Отдать жизнь ради дела Другого*. С. 60.

способ видеть все вещи и обращаться с ними. Мы хотим переживать вновь и вновь этот исток, потому что, отнять что-либо у Христа значит потерять Его. Отнять — поясню — не у Христа как вдохновляющего образа, а у факта Христа, у факта Его Тела¹⁷⁹.

Именно воплощенный Бог, Христос показывает нам, помогает нам признать реальность такой, какая она есть: как знак Тайны, как принадлежащую Ему. Вот что позволяет нам любить ее такой, какой она нам дана, — любовь к Нему (об этом мы слышали в свидетельствах, процитированных в эти дни, это подтверждают истории наших больших друзей, предшествовавших нам, в отношении которых Церковь начала процесс проверки святости). Не открываться перед Христом и оставаться зацикленными только на себе — значит терять лучшее. То, что отягощает порой нашу повседневность, подпитывается именно этим: мы смотрим на обстоятельства на основании того, чего хотелось бы от них нам, а не на основании отношения со Христом, не от того, как Тайна позволяет им случаться.

Живое общение со Христом и между нами не только делает нас Его (это дано нам уже в Крещении, о чем, правда, мы можем и не помнить), оно также дает нам на собственной коже испытывать, что значит быть Его. Вот стократное воздаяние, о котором говорил Леле.

Христос присутствует сегодня в тайне Церкви, в нашем общении, и потому Его присутствие обладает четкими, особыми чертами, точно так же, как когда Он ходил по дорогам Галилеи и люди, встречавшие Его, видели перед собой человека, реальное, физическое присутствие, на лбу Которого не было написано, что Он второе лицо Пресвятой Троицы. Он Сам, Сам Христос решил, каким образом присутствовать в истории, чтобы становилось истинным наше отношение со всей реальностью.

Все это притягательно проявляется в матери Терезе. Она узнавала Христа в страждущих и нуждающихся, в умирающих, подобранных на улице, благодаря общению со Христом, которое она переживала в своей плоти, в Таинствах, в молитве, в общине с сестрами, в отношении с Иоанном Павлом II. Без этого ее отношения с больными остались бы во власти видимости, она воспринимала бы их как гниющую

¹⁷⁹ Cf. D. Prosperi. *Tendenzialmente uniti come geni di giudizio e come azione* // *clonline*. 21 aprile 2026.

плоть. Признаемся сами себе: в глубине души и мы часто оказываемся в плену именно такого взгляда на повседневную реальность.

В эти дни мы увидели, как стерлось расстояние в две тысячи лет между нами и событиями, описанными в Евангелии. Христос достигает нас сейчас через лицо и руки нашей компании, как это было и с матерью Терезой, как это было с другом из Тайбэя, о котором рассказывал Леле. И поскольку наше общение, наше единство — живой организм, оно по аналогии с Церковью не может в конечном счете не опираться на ориентир, на роль авторитета, а он сегодня воплощается в одном человеке, а завтра — в другом.

Вернемся к тому, о чему мы говорили в приветственном слове. Что значит строить на Христе, на «факте Христа» и не на ценностях, принесенных Христом, а следовательно, и на нашем неизбежном их истолковании? Строить на факте Христа — значит судить обо всем и относиться ко всему на основании переживаемого общения, потому что христианская жизнь есть «общение». Все эти вещи открыл нам отец Джуссани, мы научились им от него, и они представляют собой ядро новизны нашей харизмы в лоне жизни Церкви, они лежат в сердцевине нашей харизмы. Неслучайно мы называемся «Общением и освобождением»¹⁸⁰. Я и многие из тех, кто знал отца Джуссани, выросли со стойким осознанием таинственной, методологической и исторической ценности нашего единства, в силу которой человек готов пожертвовать своим характером и мнением, чтобы принять (разумеется, после проверки, а не слепо, не «как баран») гипотезу, исходящую от нашего общения, не отказываясь при этом от возможности поделиться возникающими вопросами и критическими замечаниями, усматриваемыми им по совести. Более того, критические замечания — благо, которое утверждает наше общение и позволяет ему укрепляться, если и по мере того, как оно проживается в рамках сердечного и братского следования. Все то истинное, что я увидел

¹⁸⁰ Слова отца Джуссани по этому поводу, которые мы услышали сегодня утром, можно будет прочитать в новом томе, готовящемся к изданию в сентябре в издательстве «Rizzoli». В ней собраны не публиковавшиеся ранее тексты встреч с ответственными Движения (так называемые «Scuole Quadri»), проводившиеся отцом Джуссани в 1971–1972 гг. Прозвучавший здесь отрывок взят из записи встречи от 18 июня 1972 года (шестая глава книги).

и что не было учтено, рано или поздно (скорее раньше, чем позже), обретет пространство, признание, поскольку наша цель заключается не в продвижении собственных идей и тех или иных мнений, а в служении Царству Божию, в созидании Церкви. Цель нашего стремления выносить суждение и по возможности действовать вместе — свидетельство о Христе и о Церкви¹⁸¹.

Можно поддаться искушению отдать предпочтение смягченной, «одомашненной» версии Движения, сведенного к пространству, где отдельные группы продвигают свои взгляды, своего рода «контейнера», где каждый, в одиночку или опираясь на ориентиры, выбранные согласно его вкусу, идет в направлении, кажущемся ему правильным, и отталкивается от собственных истолкований мысли отца Джуссани. Но нет, Движение едино, оно представляет собой «субъект», единство, движущееся в истории и стремящееся сделать зримым то единство, что рождается от действия достигающего нас Христа. Мы одно тело, члены которого, при всем многообразии форм и функций, служат одной цели: прославлению Христа перед лицом мира.

Вот, как мы сказали в первый вечер, единственное, что нас интересует: чтобы Христос был узнан и признан и чтобы таким образом жизнь — наша и наших братьев-людей — была более счастливой, истинной, радостной и плодотворной, более мирной. Вот, как мы видим, острая нужда, существующая в настоящий момент истории, такой мрачный, исполненный стольких страданий и неуверенности. Давайте же идти вместе и с искренним сердцем просить об этом.

Сейчас я хотел бы, чтобы мы вместе спели еще раз «Nuestra Señora de la Esquina», сочиненную нашей подругой из Чили. Она написала мне, что это своего рода молитва: «Песня написана для общины „Никто не ценен меньше из-за наркотиков“, которая занимается реабилитацией наркозависимых людей, живущих на улице, чья жизнь меняется благодаря вере. Они называют Деву Марию „наша Госпожа на углу“, потому что во мраке пути, на каком-то углу признают, что она их спасла». Один из ответственных группы, наш друг, попросил сочинить песню к Богородице, которую они могли

¹⁸¹ Cf. D. Prosperi. *Tendenzialmente uniti come genesi di giudizio e come azione.*

бы петь в общине. «Nuestra Señora de la Esquina» описывает то, что переживают эти люди и что может переживать каждый из нас, ведь где-то в темном углу нашей жизни мы спасены — такие, как есть¹⁸².

¹⁸² «Mi camino era una avenida sin horizonte y sin salida / Mis ojos ya se adormecían, mi corazón ya no latía. / En mi tristeza me escondía, nadie sabía, nadie sabía; / pero alguien ya me conocía y me esperaba en una esquina. // Nuestra Señora de la Esquina, tú que abrazas mis heridas, / cuando se oscurece mi vida, eres la llama y me ilumina. // Al que te busca todavía, al que te encomienda su vida, / dale Tu mano enternecida, deja que brote Tu semilla. / Al que perdió su corazón o lo apostó en una partida, / déjale ver que cada día nace el Señor en sus heridas. // Cuando el cansancio me vencía y mis errores ya me hundían / te ofrecí todo mi dolor tu abrazo rescató mi vida. / Cuando el cansancio me vencía y mis errores ya me hundían / te ofrecí todo mi dolor tu abrazo rescató mi vida («Мой путь был дорогой без горизонта и без выхода, мои глаза уже закрывались, мое сердце перестало биться. Я прятался в своей печали, никто этого не замечал; но кто-то все же знал меня и ждал меня на углу. Наша Госпожа на углу, Ты, обнимающая мои раны, когда моя жизнь омрачается, Ты пламя, освещающее ее. Тем, кто все еще ищет Тебя, тем, кто вверяет Тебе свою жизнь, протяни Свою нежную руку, позволь расцвести Твоему семени. Тем, кто потерял свое сердце или поставил его на кон в игре, покажи, что Господь каждый день возрождается из Своих ран. Когда усталость одолевала меня, а мои ошибки тянули меня на дно, я отдал Тебе всю свою боль, и Твое объятие спасло мою жизнь»).

Давиде Проспери. Рядом со мной Лука Фриджеро, ответственный за регион Венето и делегат региона Кампания. Мы попросили его помочь нам в сегодняшней работе.

Лука Фриджеро. Всем добрый день! Мы получили более восьмисот писем; во многих из них вы говорите о благодарности и радости, которые ощущались в том числе и в атмосфере между нами в зале и в гостиницах. Это свидетельствует о том, что услышанное и пережитое затронуло разные точки нашей человечности, обновив желание и дальше следовать по пути, на который нас поставил Бог, — по пути Братства. Мы обобщили наиболее часто всплывавшие темы в шесть вопросов. Три я задам Леле, три — Давиде, чтобы они помогли нам глубже рассмотреть те шаги, что мы призваны совершить вместе.

Скажу сразу, что многие из вас поднимали проблему групп Братства и их жизни. Мы решили не касаться ее на сегодняшнем собрании: в дальнейшем на местном уровне будут организованы встречи, посвященные именно этой теме, поэтому рекомендуем вам читать только что вышедшее переиздание книги о Братстве («*L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*»).

Первый вопрос отцу Леле связан с памятью, молчанием и близким отношением со Христом.

«Как мы можем помогать друг другу жить памятью о Христе, не сводя ее к морализму или спиритуализму? Как молчание помогает нам в повседневных делах возражать в близости ко Христу и как не видеть в нем передышку от жизни, особенно тем, для кого память о Христе не является установленным правилом жизни? Что связывает память и действие?»

Эммануэле Силанос. Попробую ответить, оттолкнувшись от двух евангельских примеров. Первый я уже цитировал, говоря о группах Братства. Когда я думаю о близости со Христом, мне в голову приходят Его отношения с семьей из Вифании: Марфой, Лазарем и Марией. Все мы помним, как четыре года назад на духовных упражнениях отец Лепори трогательным образом объяснил динамику между двумя

сестрами в их отношении с Учителем, с Иисусом. При чтении евангельских отрывков, где присутствуют эти трое, становится ясно: если у Иисуса было любимое место, куда Ему нравилось приходить, чтобы отдохнуть, где Он чувствовал Себя дома, то это как раз тот дом, то жилище, та семья. Действительно, все замечали, как Иисус любил тех троих. Вспомним, к примеру, реакцию окружающих, которые увидели, как Иисус заплакал при известии о смерти Лазаря, принесенном Ему двумя сестрами.

Читая эти эпизоды, понимаешь, что такая плотская, то есть такая человеческая любовь, настолько конкретная, что доходит до слез, — следствие близости между ними и Иисусом. Они хорошо показывают, что близкие отношения с Ним — основополагающая характеристика христианства. Мы уже сказали: «близость» означает, что Христос касается всего. Божественное входит в самые привычные, самые повседневные вещи жизни: оно касается Марфы, готовящей еду и моющей посуду; касается Лазаря, которому нравилось возлежать за трапезой с Иисусом; касается Марии, сидевшей у Его ног и слушавшей. Но, если читать внимательно, становится видно, что близость родилась не одномоментно, она возростала со временем.

Как мы говорили в начале, познание Христа никогда не прекращается. «Мы не знаем, кем Он был»¹⁸³: вся жизнь дана нам, чтобы познавать Христа. Вспомним фразу Иоанна Крестителя: «Стоит среди вас *Некто*, Которого вы не знаете»¹⁸⁴. Другими словами: «Он среди вас, но вам все еще нужно Его познать». Мы тоже желаем такого же братства, такой же близости, какие переживали они, и нам тоже требуется время, чтобы жить ими. Так что не будем падать духом, если мы только в начале пути.

Наша повседневная жизнь должна медленно пропитаться памятью о живом Присутствии, чтобы она постепенно проникла и в наш образ действий. В каком-то смысле мы не хотели бы выбирать между Марфой и Марией: мы желаем быть полностью вовлеченными в мир, в нашу работу — способ, которым мы желаем созидать Царство Божие, но одновременно мы хотим, чтобы нас все больше наполняло отношение с Ним, Его присутствие. Какова же дорога к такому единству?

¹⁸³ A. e G. Roscio, A. e G. Agape. *Noi non sappiamo chi era* // *Песенник*. С. 254–255.

¹⁸⁴ *Ин.* 1:26.

Отец Паоло Проспери указал мне на следующие слова отца Джусани: «Человеку не следует тревожиться о самовыражении [в этом проблема Марфы], ему нужно заботиться об углублении изумления [позиция Марии], потому что углубляемое изумление ведет к должному самовыражению». Он добавляет: «От нас требуется углублять изумление, от которого рождается самовыражение. Самовыражение [наша творческая способность], то есть плодотворность, рождается от любви; а любовь есть изумление перед тем, что присутствует в настоящем, его приветствие и объятие, его признание и принятие»¹⁸⁵.

В Евангелии от Иоанна есть момент, где об этом говорится ясным и трогательным образом, и он связан как раз с домом в Вифании. Несколькими днями ранее Иисус воскресил Лазаря, а прежде расплакался перед Марией, вышедшей Ему навстречу. И вот они в их доме и празднуют возвращение брата к жизни. Тогда-то Мария и «бросает на ветер» триста динариев, чтобы купить благовонное масло и помазать ноги Иисуса. Ее поступок приводит в ярость Иуду, потому что Иуда подсчитывает, как часто делаем и мы, а Мария своим действием выражает всю любовь, которая рождается от того факта, что она уже получила все. Именно с этим связан и упрек Иисуса Марфе: она в отличие от Марии не исходила из полученной любви и в какой-то момент, как любил повторять Каррон, даже «выставила счет»¹⁸⁶. «Да как же так? Посмотри вокруг? Разве Ты не видишь, сколько нужно сделать по дому?»¹⁸⁷ Напротив, можно исходить из сознания, что мы уже получили все, и это возможно, если мы учимся жить памятью о том, что произошло в нашей жизни.

Второй образ — Богородица, о ней я тоже уже говорил в начале первой лекции. Для нее все было памятью, все было возможностью сохранять в сердце события, касавшиеся отношений с ее Сыном. Попробуем представить, как Богородица заботилась о доме, как готовила еду, как убирала. Ее действия рождались не из перфекционизма, не из заикленности на уборке или на том, чтобы все делать хорошо. Они рождались от сознания, что она призвана делать все ради Сына, ради Него. Это противоположность морализма: я делаю что-то не потому, что должен, а ради кого-то, из любви к кому-то. Вот в чем заключа-

¹⁸⁵ L. Giussani. *L'autocoscienza del cosmo*. Milano: BUR, 2000. P. 204–205.

¹⁸⁶ J. Carrón. *Amici, cioè testimoni // Suppl. Tracce*. N. 8. 2007. P. 39.

¹⁸⁷ Ср. Лк. 10:40–42.

ется глубокий смысл памяти: жить памятью — значит, прежде всего, помогать друг другу помнить, как мы уже говорили о *mirabilia Dei*, о великих вещах, которые Бог совершил в нашей жизни. В таком свете надо рассматривать мысль Джуссани о том, что молитва и приношение совпадают¹⁸⁸: приносить каждое действие нашей жизни, каждое, включая мытье тарелок и переворачивание омлета (помните брата Лаврентия?), прося, чтобы Он явил Свое присутствие здесь и сейчас.

Какие инструменты предлагает нам воспитание отца Джуссани для всего этого? Необходимо впустить Христа в нашу жизнь и в наш дом, впустить Христа, как впустили Его Марфа, Мария, Лазарь, позволить Ему войти в нашу жизнь, в наши дни. Итак, первым делом нужно дать Ему пространство, дать Ему время. Это подразумевает, как мы сказали, говоря об Иаире, мужество отказаться от чего-то с уверенностью, что каждое маленькое «нет» — часть великого «да», которое мы говорим Ему. Впустить Христа в нашу жизнь — значит дать Ему время (например, через семейную молитву, чтение «Ангела Господня» по утрам с детьми, женой, мужем; через десятку розария по вечерам перед сном, когда получается; через взаимную помощь в работе над школой общины).

Что с нами происходит, когда мы слышим об Иисусе? То же, что произошло с учениками из Эммауса: идя с Ним, они постепенно начали ощущать, что их сердце «горело» в груди¹⁸⁹. Говорить об Иисусе, читать Евангелие, возвращаться к нему — все это помогает распознавать «ни с чем не сравнимые черты» Его личности¹⁹⁰, о которых нам всегда говорил Джуссани. «Смотреть в лицо Христу»¹⁹¹. К этому он призывал нас, особенно в течение Страстной недели. Мы нуждаемся в том, чтобы восстановить отношение с Ним. Читать Евангелие, как научил нас отец Джуссани, — не спиритуализм. Нет ничего более осязаемого и конкретного, потому что оно помогает нам жить памятью о том, как мы узнали Его в нашей жизни, и признавать Его присутствие здесь и сейчас.

Кроме того, следует впустить в нашу жизнь конкретность Его присутствия сегодня, то есть компанию, Братство, группы, а значит, впу-

¹⁸⁸ См. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. С. 138.

¹⁸⁹ Ср. Лк. 24:32.

¹⁹⁰ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. P. 148, 173.

¹⁹¹ См. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 248–249.

стить и суждение Движения, Братства, твоих друзей о жизни. Дружба и молитва, как говорил отец Джуссани в одном из уже процитированных текстов¹⁹², — это два фактора, в которых в нашей общине не может быть недостатка, это два крыла памяти, и без них память уступает место забывчивости, а близкие отношения со Христом — нашей отчужденности от Него.

Фриджеро. Второй вопрос адресован Давиде и касается темы дружбы между нами и ее связи с нашим личным отношением со Христом.

«Верю ли я по-настоящему, что наше общение — плоть Христа, облекающая нас и составляющая нам компанию? Во мне остается последнее сопротивление, не позволяющее смотреть с таким почтением на нашу дружбу и отдавать все с радостью. Также было сказано, что Христос становится нам современным через нашу дружбу и что, если мы живо не сознаем Его присутствие среди нас, отношения обесцениваются и все становится невыносимым. Я вижу, насколько это верно, но также понимаю, что ставки высоки, и подобная радикальность немного меня пугает. Можешь ли ты глубже рассмотреть этот вопрос? Наше общение играет решающую роль в нашем «да» Господу в любых обстоятельствах, но всегда есть соблазн либо замкнуться в приватной религиозности, либо уйти в протестантизм. Помогите нам».

Проспери. В конце второй лекции мы смотрели интервью мамы Марко Галло, и в кадре появлялась надпись, которую тот сделал на стене своей комнаты: «Что вы ищете живого между мертвыми?» Эта фраза была обращена к женщинам, пришедшим к пустому гробу¹⁹³, и она сразу же порождает другой вопрос: «Если Он не среди мертвых, если Он жив, то где Он?» В некотором смысле в этом сердцевина нашей харизмы, как говорит отец Джуссани: «Суть нашей харизмы, суть нашего способа ощущать христианскую веру», определяется словами о том, что «встреча с Иисусом Христом — современное событие», это встреча происходит сегодня, здесь и сейчас, поскольку, «не будь Хри-

¹⁹² См. здесь. С. 61.

¹⁹³ Ср. Лк. 24:1–9.

стос современным событием, Он не был Богом»¹⁹⁴ и оставался бы отнесенным за рамками истории.

Мы участвуем в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения», это подразумевает принятие решения относительно нашей личности, нашей жизни, осуществляющееся через признание в нашей харизме особого пути, на котором мы призваны переживать нашу веру и получаем необходимую нам помощь.

Все мы здесь, потому что пережили встречу, и не встречу вообще: мы встретили Христа. Церковь представляет собой метод, который Христос использовал, чтобы оставаться в истории, и мы сталкиваемся с ней по-разному — так, как она достигает нас. Для меня убедительным аспектом является тот факт, что Тайна достигает каждого из нас лично, не так, как всех остальных. Я, например, потерял папу, когда был ребенком, моей маме пришлось искать работу (раньше она не работала), и она устроилась в школу, самую первую созданную по инициативе семей из Движения. В результате я встретил опыт Движения благодаря моей учительнице, моей школе, друзьям по учебе и их семьям, а потом, с возрастом, — благодаря отношениям, возникавшим в рамках этой истории. Поэтому, слыша, как люди говорят, что не стоит отправлять детей в школы, так или иначе связанные с нашим опытом, а то им там промоют мозги, я всегда вспоминаю собственную историю и отвечаю: «Ну не знаю...» Через участие в этом потоке жизни со временем для меня прояснилось произошедшее со мной, и с тех пор ни дня не проходит, чтобы я не думал о Нем. Оглядываясь на мою жизнь, я должен признать, что это так.

Мы встретили не какое-то отвлеченное присутствие, а «присутствие, исполненное предложения, исполненное смысла жизни»¹⁹⁵, то есть предложение, охватывающее все аспекты нашей повседневности. Подобно тем, кто встретил Его первым, мы тоже спрашиваем: «Учитель, где живешь?»¹⁹⁶ И Его ответ все тот же. Мы получили его, встретив нашу компанию: «Пойдите и увидите»¹⁹⁷. Это факт, а не рассуждение. Мы согласились и тем самым погрузились в историю: в эту нашу историю.

¹⁹⁴ L. Giussani. *L'avvenimento cristiano. Uomo. Chiesa. Mondo*. Milano: BUR, 2003. P. 51.

¹⁹⁵ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé. La vita come comunione (1968–1970)*. P. 45.

¹⁹⁶ Ср. Ин. 1:38.

¹⁹⁷ Ин. 1:39.

Христос — не плод воображения, а встреча, которая породила новую жизнь, как мы слышали и в дни упражнений. Эта новая жизнь делает нас уверенными, экзистенциально уверенными в том, что в человеческом облике, в человеческих чертах мы встретили именно Христа. Мы можем утверждать это, поскольку встреча начала менять все, преобразовать все в нашей жизни. И потому не проходит и дня, чтобы мы не думали о Нем.

Однако как со временем, с течением лет, с изменением обстоятельств, а возможно, и с разочарованиями, имеющими место даже в нашей общине, даже в самых близких отношениях, не «потерять любовь», выражаясь словами из песни, известной по фестивалю Сан-Ремо? Ответ связан с верой, с тем, чтобы мы признавали Его присутствие в хрупком знаке, каким являемся мы, наша компания.

Каким же образом нам осуществлять веру? Точно таким же, как это было и для первых учеников. Пребывая с Ним, в один прекрасный момент они стали спрашивать: «Кто Ты?» Парадоксальный вопрос, учитывая, что они хорошо Его знали. Но поведение Иисуса было слишком исключительным, и всего, что им было известно о Нем, не хватало, чтобы дать Ему определение. Когда Иисус задал им вопрос: «А вы за кого почитаете Меня?» — Петр без раздумий ответил: «Ты Христос, Сын Бога Живого»¹⁹⁸. Вероятно, говорит Джуссани, он повторил то, «что... слышал от Самого Иисуса, но смысл чего до конца не понимал». Почему он повторил это? Потому что совместная жизнь с Иисусом породила в нем и в группе друзей несравненную уверенность в том Человеке: «Если я не могу доверять этому Человеку, то не могу доверять и самому себе»¹⁹⁹. В одиночку Петр не смог бы дать такой ответ. Действительно Иисус сразу же назвал его блаженным, потому что не он сам дал ответ, ему подсказал его Отец. Ответ этот превосходил способности их разума, но один он объяснял то, что они видели.

То же верно и для нас перед лицом человеческой реальности, в которой Христос являет Свое присутствие. «Как вы можете говорить, что здесь есть Христос, что между вами — Христос, что между десятью тысячами людей, собравшихся на упражнения, — Христос?!

¹⁹⁸ Мф. 16:16.

¹⁹⁹ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Гл. 7, вводная часть.

Я вижу только человеческие лица, не более того». Не «мы» — я, ты — говорим это в силу наших интеллектуальных способностей: «Между нами — Христос». Это о себе говорит Церковь, отвечая сегодня на вопрос Петра и других, вопрос, ставший и нашим: «Кто Ты [ты]?» Скажем в тех терминах, в каких он возникает для нас: «Где истоки компании, в которой я начал по-настоящему, истинным образом открывать самого себя?» Отсюда, с этого вопроса конкретным образом для нас родилась проблема веры. Это было не усилие воображения, а опыт встречи, настолько немислимо соответствовавший нам, что он пробудил изумление. Изумление переросло в неудержимый вопрос: «Как вам удастся быть такими?» Перед ответом, который предлагает нам живая традиция Церкви в словах Иисуса («Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»; «мы такие, потому что посреди нас Христос»²⁰⁰) в игру должна вступить наша свобода. Оставаться в компании, пробудившей в нас вопрос, оставаться в лоне этой истории благодати подобно нищим — самая большая помощь в том, чтобы мы открылись ответу.

Фриджеро. Третий вопрос адресован отцу Леле и касается темы сыновства и отцовства.

«Помоги нам понять, почему нужно прийти до Отца? Мы дети наших родителей — это естественная очевидность. Ты же сказал, что мы призваны переживать более глубокое и радикальное сыновство. Как можно заметить его в опыте? Что значит: нет такого отца, как Бог? Можешь прояснить для нас вопрос об отцовстве Бога?»

Силанос. Прежде всего, кто наши «естественные» родители? Я часто привожу эпизод из фильма «Одаренная». Главная героиня — девочка, гений математики, чей папа сразу же исчез из ее жизни, и она его никогда не знала. Мама покончила с собой, когда дочери был год. Девочку воспитывал дядя, живший в одиночестве. Однажды она спрашивает его: «Что случилось, когда я родилась?» Дальше следует прекрасная сцена, которая мне кажется по-настоящему трогательной. Дядя ведет ее в родильное отделение, чтобы показать, что происхо-

²⁰⁰ Мф. 18:20.

дит, когда рождаются дети. Она видит папу и других родственников роженицы, которые, получая новость о появлении на свет ребенка, начинают кричать, праздновать, обниматься. Тут она понимает и спрашивает дядю: «А кто был тут, когда родилась я?» Он отвечает: «Я». — «И ты тоже был счастлив?» — «Конечно, очень счастлив». Тогда героиня просит остаться до следующего известия и радуется и ликует вместе с семьей новорожденного, хотя она их не знает, как и они ее²⁰¹.

Так вот, отец и мать — те, кто говорит тебе, что твое существование — благо, твое рождение — благо; они утверждают положительность твоей жизни, они счастливы, что ты есть, они приняли тебя. Для девочки из фильма таким человеком был дядя. Естественные отец и мать — в первую очередь те, кто утверждает положительность нашего существования, кто вторит словам пророка Исаии: «Ты дорог в очах Моих, многоценен»²⁰². На самом деле они лишь знак Того, Кто пожелал, чтобы мы были — такие, какие есть; они хотели нас, они приняли нас, но не могли задумать нас такими, какие мы есть. Один Бог знает нас до самых глубин и позвал нас по имени от начала.

Об этом в «Извещении Марии» Анн Веркор хорошо говорит Виолене: «Знай, дочь моя, твоего отца! Любовь Отца ничего не требует в ответ, и ребенку не нужно ни заслуживать ее, ни быть ее достойным... Знай только, что я, дочь моя, твой отец»²⁰³. Это утверждение любви отца, сознающего собственные ограничения. Об этом же написала мне подруга из Турина: «Я почти не могла петь песню „*My Father sings to me*“, это было все равно что утверждать Его, говорящего мне, что я существую („*He sings my existence*“ — „Он воспевает мое существование“), что Он спасает меня, несмотря ни на что». Один Бог может вселить в тебя уверенность, что ты любим и спасен. И «я» каждого из нас обретает покой, только когда признает в своей жизни голос, призвавший нас из небытия, как поется в упомянутой песне.

Это опыт призвания, уверенность в том, что тебя пожелали и призывали в жизнь ради определенной задачи. Пустота притягивает нас (многие ваши вопросы касались этой темы), когда мы утрачиваем связь с Тем, Кто вывел нас из пустоты, с Отцом, призвавшим нас к жизни. Притягательность ничто побеждается памятью об Отце, зовущем нас

²⁰¹ *Одаренная (Gifted)*. Реж. М. Уэбб. США, 2017.

²⁰² Ис. 43:4.

²⁰³ Ср. П. Клодель. *Извещение Марии*. Серiate: Христианская Россия, 1999. С. 75.

по имени. Вот почему так трогательна встреча Иисуса с Магдалиной у гроба. Она возвращается к жизни в тот момент, когда Иисус зовет ее по имени: «Мария!»²⁰⁴ Воскресение Христа совпадает с нашим рождением, как говорил ребенок из моего примера: «Скажи, когда ты родился заново?»

Есть для нас момент, есть конкретный опыт такого нового рождения, доступный нам ежедневно, и лишь Отец способен его гарантировать. Это опыт милосердия, опыт милосердного Отца, который мы упоминали в лекциях. Именно в опыте милосердного объятия Бога мы в полной мере испытываем христианское отцовство. Помню, мой собрат, отец Николо, работающий в тюрьме для несовершеннолетних в Казаль-дель-Мармо, говорил: «Ребята, с которыми я провожу время, все нуждаются в прощении за тот факт, что они существуют, за то, что они есть». Поэтому-то важна роль тюремного капеллана, даже если все заключенные принадлежат к другим религиям: он напоминает им о величайшем отцовстве, обнимающем и прощающем их.

Фриджеро. Попросим теперь Давиде подробнее остановиться на связи между принадлежностью и свободой.

«Каковы характерные черты нового творения? Чем понимание свободы, о котором мы говорили в эти дни, отличается от общепринятого представления (отсутствие ограничений, новые права и т. д.)? Как я могу замечать в опыте, что исконная зависимость умалется до вступления в общинные ряды? Мы слышали, что дети свободны. Расскажи подробнее, что значит, что от сыновства сразу же непосредственным образом возникает свобода?»

Проспери. Я бы начал с последнего вопроса, поскольку многие из вас интересовались именно этим смелым тезисом, который выдвинул Леле, когда сказал, что свобода — характеристика детей, нового творения. Он говорил об «освобожденной» свободе, освобожденной из плена собственной ограниченности, недостаточности, о свободе, находящей свершение в зависимости от Бога, и соединял эти два слова, кажущиеся противоположными. В современном лексиконе слово «за-

²⁰⁴ Ин. 20:16.

висимость», безусловно, имеет преимущественно отрицательный оттенок из-за рисков, которые оно порой влечет за собой: от зависимостей нужно избавляться (конечно, ряд зависимостей требует лечения, как, например, зависимость от вредных веществ или «токсичных» отношений). Не зависеть ни от кого — это теперь практически «идеал».

В «Религиозном чувстве» отец Джуссани использует очень красноречивое выражение: «Вот *парадокс*: свобода — это зависимость от Бога»²⁰⁵. Действительно, будучи зависимыми от Бога, мы свободны от всех прочих зависимостей. Именно в рамках *этой* зависимости, переживаемой конкретным образом, возможен опыт свободы. Итак, если мы соглашаемся зависеть, то не чтобы заплатить дань, а ради приобретения, из глубокой целесообразности. В любом случае, альтернативы не существует, нельзя не зависеть: мы зависим либо от Бога, либо, как говорит отец Джуссани чуть дальше, от потока нашей предыстории, и тогда мы рабы власти.

В свете описанного «идеала» независимости сегодня все большее распространение получают восточные философии и практики, которые стремятся ответить на «потребность» не зависеть от страстей, неизбежно связывающих нас с другими, чтобы мы стали по-настоящему свободными, огражденными от страданий, возникающих из-за прерванных отношений или потери близких. Например, в «Дхаммападе» написано: «Из привязанности рождается печаль, из привязанности рождается страх; у того, кто освободился от привязанности, нет печали, откуда страх?»²⁰⁶ Христианство предлагает другой ответ, мы находим его в евангельском отрывке о воскрешении Лазаря, на который выше ссылался Леле. Позвольте мне быстро прочесть его: «Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими. Сестры послали сказать Ему: Господи! вот, кого Ты любишь, болен. Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий. Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря. Когда же услышал, что он болен, то пробыл два дня на том месте, где находился. После этого сказал учени-

²⁰⁵ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 107.

²⁰⁶ См. *Дхаммапада*. Глава XVI, 212–216. Новосибирск: Согласие, 2003. С. 102.

кам: пойдём опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идёшь туда? Иисус отвечал: не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним. Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. Иисус говорил о смерти его, а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему. Тогда Фома, иначе называемый Близнец, сказал ученикам: пойдём и мы умрём с ним. Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати; и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир»²⁰⁷.

Вот почему мы желаем жить в зависимости от Него: чтобы все, что мы любим не умирало, не кончалось, чтобы не терять ничего из данного нам, из того, к чему мы привязаны. Это полная противоположность расхожего менталитета. Для нас свобода оживляется в принадлежности к Тому, Кто творит нас и вышел нам навстречу, она не противоречит принадлежности. Нужно, однако, понимать свободу в ее сущности, как возможность свершения собственной судьбы и ответственность за нее, и не сводить ее к свободе делать, что нам угодно. Во втором случае свобода, как я говорил в прошлое воскресенье, становится оградой, внутрь которой мы впускаем то, что хотим. Нам известно, что часто и мы пребываем в плену представлений о свободе как об отсутствии связей, как об автономии,

²⁰⁷ Ин. 11:3–27.

увязнув в индивидуализме, свойственном менталитету, в который и мы погружены.

Как преодолеть наше сопротивление принадлежности, «поддерживаемое» менталитетом, который продвигается властью? Самая большая помощь заключается в том, чтобы вновь происходило начало, ведь мы почувствовали себя свободными именно в начале: мы начали чувствовать себя действительно свободными во встрече со Христом, которая привела нас сюда в эти дни. Мы уже говорили раньше: необходимо углублять изумление, нужно, чтобы привлекаемость господствовала над сопротивлением. Обновление начала не является плодом наших усилий, однако что-то зависит и от нас: мы должны *пребывать* со всей нашей жадной в месте, где Христос становится присутствием, сопровождает нас и всегда удивляет через свидетельства тех или иных людей. В этом мы никогда не испытываем недостатка. Начиная же примеряться: «Это мне нравится, это не нравится», — мы постепенно отдаляемся. Напротив, в начале, мы последовали, поскольку ничто так не соответствовало глубочайшим желаниям сердца, как встреча с Движением, то есть со Христом. Сопротивление подпитывается, когда мы цепляемся за меру того, что уже поняли или ощутили, в результате чего сопоставляем все не с сердцем (сопоставление с сердцем показывает, правда ли что-то соответствует нашей судьбе), а скорее с тем, что мы поняли или что чувствуем.

Итак, свобода от наших образов и нашей меры, которые не позволяют нам вкушать жизнь Христа в Движении, вновь завоевывается в простоте следования (как в начале), когда мы по плодам нашей жизни и жизни людей вокруг проверяем благодать того, что нам предлагается.

Фриджеро. Многих поразила тема святости, радикальности и ее связи с призывом к миссии, поэтому мы решили объединить четыре аспекта в один последний вопрос тебе, отец Леле.

«Стремиться к святости в повседневной жизни — это осуществляемая задача? С точки зрения существования, что значит отдать все? Действительно ли я должен отдать все без остатка? Как расцвет опыта святости в Движении может помочь нам в личной жизни и, сле-

довательно, на пути к святости — нашем и наших общин. Что значит и как возможно быть миссионерами для мирян с семьями, работающими, занимающихся социальными инициативами?»

Силанос. На первых страницах книги о Братстве («*L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*»), которую Давиде уже упоминал, отец Джуссани, отвечая на вопрос о группах Братства, говорит о причине, по которой ему в голову пришла идея Братства²⁰⁸. Советую вам перечитать этот фрагмент. Он показывает, что Братство родилось с целью помогать каждому из нас совершать наш собственный путь к святости. Таким образом, святость есть призвание каждого из нас.

Действительно, тех, кого возносят на алтари, мы называем святыми и блаженными, но, как мы знаем, «святые» — имя, которым называли друг друга первые христиане, а «блаженные» — слово, которое в Нагорной проповеди Иисуса описывает то, к чему мы предназначены²⁰⁹. Итак, святые и блаженные — два термина, указывающие на то, чем мы уже являемся, или, точнее, на идентичность, которой мы призваны достичь. Тот факт, что среди нас есть некоторые, на кого Церковь смотрит особенно пристально (не будем забывать: их еще не провозгласили святыми, это должно быть ясно!), — призыв для каждого из нас.

На ужине с группой друзей мы говорили как раз об этом. Сестра Ракеле сказала: «Среди нас есть люди, на которых можно указать как на святых, а значит, и я, и все мы можем идти по этому пути, а также по пути миссии, по пути мученичества. Для каждого из нас возможно отдать все». Отдать все, оставить все можно, если мы признаем, что уже получили все — получили Его!

Отец Лепори говорил нам, что примеры таких людей, как Марко, Энцо, Андреа, — фактор неоспоримого единства, более мощного, чем все остальное. Они напоминают о благодати нашего опыта, исходящего непосредственно от Бога, вселяют уверенность, что Движение — путь к святости. Глядя на них, мы ясно сознаем, что святость заключается не в совершенстве, а в готовности непрестанно быть творимыми заново.

²⁰⁸ Cf. L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 9–12.

²⁰⁹ Мф. 5:3–12. См. здесь. С. 52.

На том же ужине друг из Болоньи, Берна, рассказал, что Пиччини просыпался утром с желанием, чтобы его постоянно поправляли. Таким образом, святость не морализм, она основана на истинной морали: на стремлении проживать каждое мгновение в отношении со Христом, любящим и прощающим тебя. Так жил Петр после разговора с воскресшим Иисусом на Тивериадском море. Здесь же находятся и истоки миссии: в причастности к жизни Христа, посланного Отцом (и мы тоже посланы Отцом, как говорил Давиде на Дне начала 2024 года)²¹⁰. Вот почему миссия всегда связана с сыновством, с тем, что мы дети и признаем, что Кто-то зовет и посылает нас. Отец Массимо всегда говорил нам: тот, кого любят, не боится отправиться даже в самый дальний уголок земли.

Миссия рождается из уверенности в принадлежности. Вспомним, что уже было сказано: субъектом миссии никогда не выступаю я сам, а всегда — общение, которым я живу, даже если я один еду в Бурунди. Отец Джуссани пишет: «Необходимо доверять... событию Христа в нашей жизни, давать ему пространство, давать пространство общению — и в этот момент в человеке словно отмирает острая необходимость утверждать вещи в соответствии с его человеческим и земным суждением. Для того чтобы христианин исполнил свою миссию, он должен обладать в мире собственным лицом. Вот что такое миссия: иметь собственное лицо в мире — лицо общины, которой живешь, лицо Церкви, которой живешь»²¹¹. Если человек уверен в своей принадлежности, как ребенок уверен в своей принадлежности к отцу, ему ничего не страшно, он готов оставить все и встречать кого угодно, вплоть до высшей готовности к мученичеству. Два года назад, представляя на Митинге выставку про Франца и Франциску, я слышал многих отцов, которые по завершении экскурсии растроганно говорили: «Я всегда беспокоился о том, чтобы дать детям благополучие, учебу в хорошей школе, в университете, стремился, чтобы их жизнь была комфортной. Но по-настоящему важно, чтобы я мог донести до них, ради чего стоит жить, ради чего стоит отдать жизнь».

²¹⁰ Ср. Д. Проспери. *Призваны — значит посланы. Как начинается миссия. День начала года для членов «Общения и освобождения»*, 2024. С. 5–6.

²¹¹ L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo (1969–1970)*. P. 39.

Фриджеро. Последний вопрос для Давиде связан с тем, о чем только что сказал отец Леле, и касается темы публичного свидетельства и суждения.

«Мир поверит, если увидит наше единство. Но как сохранить это благо вместе со свободой выбора, критики, поисков чего-то отличного от того, что устанавливает наше единство? На уровне культурного контекста речь шла о публичном свидетельстве, о том, как являть присутствие Христа в любой сфере, пробуждая в других людях желание принадлежности. Как это возможно в мире, покончившем с истиной? И какое отношение это имеет к общению и единству, если на работе ты физически один?»

Проспери. Это ключевые вопросы, и они постоянно вновь поднимаются. Недавно они возникли, когда Движение заняло определенную позицию относительно конституционного референдума, который стал предметом множества дискуссий среди нас, а они, в конечном счете, помогают нам прояснять саму природу Движения, как было видно по последней диаконии региона Ломбардия (текст будет опубликован на итальянском языке, рекомендую вам читать его)²¹². На сайте мы также опубликовали отрывок встречи отца Джуссани со студентами из Движения, где он описывает две позиции, возникшие в церковном опыте в 1970-е и 1980-е годы, но актуальные и сегодня. Первая «определяется глубоким разделением между верой и конкретной земной жизнью». Место веры — за рамками истории, тогда как здесь «она является сугубо личной и субъективной». Согласно такому представлению о христианстве, с точки зрения культуры, социума, политики, его как такового не должно быть видно или слышно. Джуссани уважает подобную установку, но считает, что следует уважать и принимать и другую — его, нашу установку, отличную от первой: «Для нас же тот факт, что Бог стал человеком, охватывает человечность, человеческую личность в ее полноте». И добавляет: «Если моя личность стала новой благодаря соприкосновению со Христом в Крещении... то я уже не могу не смотреть иным взглядом, мое видение вещей, ощущение реальности и действие в реальности неизбежно

²¹² D. Prosperi, *Tendenzialmente uniti come genesi di giudizio e come azione*.

должны быть в некотором смысле иными»²¹³. Поскольку Христос присутствует, следование за Ним меняет то, как я ежедневно смотрю на реальность, которую мне надлежит проживать, и как проживаю ее, и это сказывается и на моих конкретных решениях, которые способны влиять на жизнь нашего общества, как в случае с референдумом.

В первом вопросе говорилось: «Мир поверит, если увидит наше единство. Но как сохранить это благо вместе со свободой выбора, критики, поисков чего-то отличного от того, что устанавливает наше единство?» Простите, но мне кажется для нас нет никакого риска утратить свободу выбора или критики указаний, поступающих от Движения; подтверждений тому у нас много. На Тайной вечере Иисус просил Отца, чтобы Его ученики «были едино»: «Да уверует мир, что Ты послал Меня»²¹⁴. Думаю, настоящая проблема состоит в том, чтобы мы позволили этим Его словам бросать нам вызов, ставить перед нами вопросы, заставляя нас переосмыслить нашу позицию.

Что касается связи между публичным свидетельством и суждением, хочу добавить еще два слова (все эти темы сплетены между собою, хотя зачастую мы считаем их противоположными или оторванными друг от друга): «диалог», который, безусловно, играет основополагающую роль в христианском опыте, и «мученичество», о котором мы говорили в дни упражнений и которое может казаться немного неудобоваримым вопросом.

Начнем с суждения. Вера, говорит отец Джуссани, имеет отношение ко всему, это самобытный взгляд на все²¹⁵. Глядя на одни и те же факты, мы можем видеть их по-разному. Живая связь с событием Христа помогает нам видеть реальность, как она есть, в ее, скажем так, «трехмерности», с ее «окончательным горизонтом», как знак, а не только поверхностно.

Для Джуссани христианство — прежде всего не нравственный кодекс или личное чувство, как напомнил нам Леле во введении, а событие, порождающее новое суждение о жизни и мире. Именно в этом в первую очередь проверяется вера: в суждении обо всех происходя-

²¹³ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro* (1986–1987). Milano: BUR, 2010. P. 422–423.

²¹⁴ Ин. 17:21.

²¹⁵ Cf. L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo* (1969–1970). P. 112–117; *Una rivoluzione di sé. La vita come comunione* (1968–1970). P. 133–137.

щих событиях, о личных и мировых обстоятельствах. Из него видно, насколько Христос как факт, присутствующий в настоящем, сказывается на моей жизни. Вот почему Джуссани с первых лет опыта «Студенческой молодежи» настаивал на том, что христианин не должен позволять среде его жизни определять себя: ему следует пропускать все сквозь сито критической оценки, проверяя суждение, проистекающее из нашего общения, в столкновении с реальностью. Действительно, без суждения вера неизбежно становится сугубо приватным благочестием, а человек превращается в добычу господствующей культурной власти²¹⁶. В «Религиозном чувстве» Джуссани говорит, что «вынесение суждения есть начало освобождения»²¹⁷. А в книге «Прочертить след в истории мира» он утверждает: «Не выносить суждение о событиях означает умерщвлять веру»²¹⁸.

Вера имеет историческое значение, и поэтому публичное ее измерение неотрывно от христианского свидетельства («перед всеми» — говорилось в шестой главе книги школы общины²¹⁹). В этом смысле суждение не исчерпывается произнесенными словами, данными определениями, занятой позицией; это сама жизнь христианина: суждение есть прежде всего присутствие. Мы убеждаемся в этом и, скажем так, с отрицательной стороны, когда (даже в группах Братства) переживаем опыт чего-то, что тревожит нас или повергает в кризис. Иногда наша реакция — порвать с друзьями, отдалить их и отдалиться самим, поскольку, хотя они и не говорят ничего явно, хотя и не критикуют нас, хотя и не судят на словах, мы все равно ощущаем само их присутствие как суждение, и оно напоминает нам о цели, ради которой мы вместе, оспаривает наш редуцированный подход к проблеме.

Если вера имеет отношение к жизни, то она касается и школы, работы, привязанностей, политики, культуры, социальных связей — она касается всего.

В последние годы мы глубже погружаемся в сферу культуры, потому что хотим проверять до конца, куда может проникнуть вера: например, показывая, как в делах и в совместной жизни она делает нас более человечными. Дела — это суждение. По тому, как человек живет,

²¹⁶ Cf. L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Milano: BUR, 2018. P. 33–34.

²¹⁷ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 14.

²¹⁸ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 92.

²¹⁹ Л. Джуссани. *У истоков христианского притяжения*. Гл. 6, § 1, п. 3.

как он строит свое дело, становится понятно, каковы истоки нашего суждения, нашей инициативы по отношению к реальности, пусть это даже касается всего лишь готовности принять помощь от других людей, выслушать исправления, ведь мы не совершенны.

Как это соотносится с «диалогом»? Это еще один часто встречающийся вопрос. Мы словно воспринимаем все, о чем говорилось до сих пор, как препятствие для диалога. На мой взгляд, причина лежит в выхолащенном, релятивистском представлении о диалоге. Для Джуссани истинный диалог рождается, когда человек обладает живой идентичностью, а не когда он ставит ее на паузу. По-настоящему диалог ведет тот, кому есть что сказать, что сообщить, но кто одновременно признает ценность другого. Нужны оба фактора, потому что, если недостает первого, если нет осознания собственной идентичности, собственной истории и традиции, того, откуда мы и к чему принадлежим, мы неизбежно превращаемся в жертву релятивизма, господствующих позиций. Если же нет второго фактора, то есть признания ценности другого, мы впадаем в идеологию²²⁰. Оба фактора требуются вместе: уверенность в твоём опыте и подлинное уважение к свободе другого.

Наконец, коротко затрону тему мученичества. Высшая форма свидетельства, как видно из этимологии слова, есть мученичество, которое может дойти и до пролития крови — увы, во всем мире это случается чаще, чем когда-либо. Однако мученичество ни в коей мере не подразумевает поиск гонений и не совпадает с пролитием крови. В Церкви и в Движении, на протяжении нашей истории, глядя на канонизированных святых и на свидетелей, живущих среди нас, которых можно встретить в повседневности, я понял, что настоящее мученичество имеет одну характеристику: предпочитать Христа всему, превыше всего и перед всеми. Вот что такое мученичество, в том числе и когда оно стоит репутации, влечет за собой отчуждение, потерю карьеры или даже жизни. Дело не в том, что все это становится неважным, а в том, что ты предпочитаешь Христа, то, чего Христос просит от тебя здесь и сейчас. Мученик, «окончательный» свидетель показывает, что Христос ценнее успеха или согласия, и с этим вызовом мы сталкиваемся день за днем — не нужно ехать в земли гонений.

²²⁰ Cf. L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. P. 193–195.

Тут можно было бы спросить: отлично, но если новое суждение, если все, о чем мы говорили, рождается в рамках живого опыта общения, если человек учится жить так в рамках опыта общины, то что делать, когда ты один (этот вопрос возникает часто)? Такое обстоятельство можно испытывать здесь, в повседневной работе, или же ты можешь жить там, где ты единственный человек из Движения или даже единственный христианин. Джуссани всегда очень ясно высказывался насчет этого: общение состоит не просто в том, чтобы физически быть вместе, встречаться, образовывать группу. Это глубинное измерение личности, определяющее каждый поступок. Даже когда человек физически один, его мысли, действия, суждения определяются его принадлежностью ко Христу, присутствующему в общине.

За ужином отец Джованни Паккози рассказывал об Андреа Ациани и говорил, что тот постоянно напоминал всем покупать и читать журнал «Трачче». Его во всем определяли суждения Движения, становившиеся для него способом переживать опыт, подталкивавший его в реальность, а значит, и за рамки Движения, в места, которые он посещал, в отношения с людьми, которым он помогал, с той бесконечной любовью, на какую он был способен; он не упускал ни одного слова. «Ты читал в „Трачче“ про это?» — спрашивал он друзей. Паккози прокомментировал: «Мы же, имея каждый день доступ к такой компании, бываем, пожалуй, более поверхностными и не используем предлагаемые нам инструменты». Очевидно, Ациани жаждал всего, что исходило от нашей компании, чтобы жить там, где он был один.

Мир может отвергать истину, но он все равно желает ее. Именно такая уверенность движет нами, если говорить о втором вопросе, о стремлении к присутствию, к радикальному свидетельству. Наше дело — не идеология, а милосердная любовь, и то, что мы, бедные люди, несем в себе в той мере, в какой мы это принимаем, — это то, чего человек во все времена и в любом месте в конце концов ожидает, сознательно или нет. В чем же тогда наша задача? Свидетельствовать об истине, то есть о Христе: о реальном Христе, о Христе, Которого мы встречаем и конкретное присутствие Которого (неотрывное от компании, являющейся Его знаком) вводит в нашу жизнь новизну, порождает в нас новое суждение, доходя до порождения новой культуры.

В эти дни, отмеченные войной в Иране, папа Лев XIV недвусмысленно дал нам понять, что мы не должны бояться: «Я продолжаю резко высказываться против войны, стараясь продвигать мир... Я не боюсь... Я продолжу в полный голос говорить о евангельской вести»²²¹, — объявил он, потому что его надежда, наша надежда опирается на Другого, на Того, Кто победил мир. Вот что делает нас свободными, свободными любить мир, даже когда он отталкивает нас.

²²¹ Лев XIV. Приветствие журналистов во время перелета в Алжир. Первый этап апостольского визита в Африку // *L'Osservatore Romano*. 13 aprile 2026.

Проповеди

Пятница, 10 апреля, вечер

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 4:1–12; Пс. 117 (118); Ин. 21:1–14

**ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА МАССИМО КАМИЗАСКИ,
ЕПИСКОПА РЕДЖО-ЭМИЛИИ И ГВАСТАЛЛЫ НА ПОКОЕ**

Давиде Проспери сказал нам, что цель этих дней — узнать и признать Иисуса. В Евангелии, прозвучавшем сегодня вечером, перед нами — свидетельство, пример, очень значимый рассказ о таком узнавании и признании.

Иисус сказал: «Идите в Галилею, там Я вас встречу» (ср. *Мф.* 28:10). И они, некоторые из апостолов и учеников (Евангелие говорит о семи — показательное число), пошли в Галилею, вернулись к своим лодкам и к ловле рыбы. Вероятно, в сердце их была некоторая нерешительность.

Они провели с Иисусом три года, но теперь спрашивали себя: «А нами-то что? Хорошо, Он воскрес, мы Его встретили, но что нам делать? Куда податься? В какие края Он пошлет нас? Мы и дальше будем вместе?» По их числу в тот вечер, приведенном в Евангелии, можно предположить, что нет. Кто-то, наверное, остался в Иерусалиме. Однако сквозь толщу их неуверенности прорывается крик, крик любимого ученика: «Это Господь!» Он возник от всей близости, которую Иоанн пережил с Иисусом, более других учеников. «Это Господь!» — это крик знания и признания. Где мы можем узнать и признать Его? В бесконечном множестве знаков.

Сегодняшнее Евангелие предлагает нам два. Первый — плодотворность. Когда мы перед лицом любимого человека или коллеги, перед жизнью наших детей, внуков, братьев, друзей по Братству, в повседневных делах говорим: «Это Господь!» — рождается новая плодотворность.

То, что казалось нам простой случайностью или препятствием, становится знаком плодотворности. Ученики закинули сети, за всю ночь ничего не поймали, а когда Господь говорит: «Закиньте сети по другую сторону [то есть: доверьтесь Мне, ищите Меня]», — они поймали сто пятьдесят три рыбы (двенадцать раз по двенадцать — сто

сорок четыре, плюс девять — три раза по три: это бесконечность, коснувшаяся земли).

Второй знак прекрасен. Иисус говорит: «Принесите рыбу», — но Он уже приготовил рыбу на берегу. Вот знак: нежность Иисуса предваряет нас. Он просит участвовать в Его миссии, но предваряет нас, давая нам силы, направление, путь, место, друзей, компанию, способность встречать лицом к лицу сомнения и неуверенность. Плодотворность и любовь Иисуса суть дар Пасхи.

Суббота, 11 апреля, день

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 4:13–21; Пс. 117 (118); Мк. 16:9–15

**ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА ИВАНА МАФФЕИСА,
АРХИЕПИСКОПА ПЕРУДЖИ И ЧИГГА-ДЕЛЛА-ПЬЕВЕ**

Евангельская страница приводит удручающую череду событий, пронизанных «неверием и жестокосердием». Можно было бы сказать, что зря бежала Мария Магдалина, возвестившая Воскресшего «бывшим с Ним, плачущим и рыдающим». Ничего не изменила и радостная поспешность двух учеников из Эммауса, которые, оставив ужин, вернулись, чтобы рассказать «о происшедшем на пути, и как Он был узнан ими в преломлении хлеба» (Лк. 24:35). Результат тот же: ученики «не поверили» Магдалине, «не поверили и им». Они по-прежнему погружены в печаль, тонкое искушение, которое, как замечает один автор II века, есть «мать сомнения и ошибки». «Страстная пятница собирает многолюдные набожные толпы», — с ироничной горечью констатировал отец Примо Маццолари, говоря о человечестве, жаждущем жизни, но цепенеющем в смерти, возможно потому, что смерть в отличие от жизни «не обязывает».

Такова тайна человеческой свободы, которая порой рискует перегрузить и людей Церкви в те «редукции», о которых говорил нам отец Эммануэле: с одной стороны, «склонность ограничивать личность Христа исключительно духовной сферой», с другой, моралистическое умаление, «рассматривающее Иисуса всего лишь как пример для подражания». По этому склону легко скатиться в одиночество, порожденное безразличием: «Не поверили... и им не поверили».

На этом фоне первой мыслью может быть лишь глубокая признательность за то, что нам дано было встретить и что позволяет нам пребывать в сиянии, наполняющем взгляд Магдалины, и в горении сердца двух учеников из Эммауса. Возвращаясь к словам отца Эммануэля, «мы вместе, чтобы жить памятью о том, что с нами случилось, и все больше признавать Христа и испрашивать благодать уподобления Ему».

От опыта соответствия между потребностями нашего сердца (начиная с нашего желания счастья) и событием Христа рождается мис-

сия, невозможность «не говорить того, что [мы] видели и слышали», как сказали Петр и Иоанн начальникам, старейшинам и книжникам в синагогине. Подобная свобода — плод пасхального события, перед которым рассеивается, словно утренний туман, древнее изречение Екклесиаста, гласящее: «Нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9). Опыт Движения свидетельствует о событии, которое, как помогает нам понять отец Джуссани, «утверждает положительность реальности, с любовью утверждает реальность».

Пасха возвращает нас к реальности с осознанием того, что Он, Христос, «касается каждого аспекта нашей жизни», Он близок нам в конкретности нашей повседневности. Мы признаем Его знаки в тех, кто принимает жизнь и сопровождает ее на пути воспитания; кто подходит к работе с вопросом о смысле, а значит, с рвением и ответственностью; кто совершает дела милосердия, подтверждая, что «жизнь имеет ценность, только если ее отдать...»

Такая вера поддерживает жизнь и созидает из нас Церковь, которую мы встретили в форме Движения; она делает нас способными сопоставлять и разделять жизнь с каждым человеком, ищущим и любящим истину и красоту; она помогает быть внимательными к проблеме мира [в мире] и признавать бесконечное достоинство любой человеческой жизни и соучастие в общей судьбе.

Что устраняет кажущееся противоречие между признанием соучастия в общей судьбе и инаковостью, гордым носителем которой ощущает себя каждый из нас? Можем ли мы, такие разные, по-настоящему обрести единство, рождающееся от общения?

Ключ к ответу мы найдем в одной картине, памятной для нас и потому так часто встречающейся в наших домах. На ней изображены Петр и Иоанн, их фигуры устремлены вперед, они вместе бегут ко гробу на фоне пейзажа освещенного зарей «первого дня недели»²²². В их взглядах, полных тревоги и изумления, мы считываем озабоченность Церкви, в которой сосуществуют разные темпераменты, разные ожидания и разные чувствования: тут есть и нежность Магдалины, и медлительность Петра, и проницательность Иоанна... Различные духовные дары, служащие многообразию, которое возможно

²²² Э. Бюрнан. *Апостолы Петр и Иоанн, спешащие ко гробу после Воскресения Христова*, 1898. Музей Орсе, Париж.

в Церкви, если жить им в любви ко Христу и в устремлении к благу общины, на церковном пути, который становится уважением, почтением, следованием и верностью.

Я перечитал слова отца Джуссани, сопровождавшие описанную картину на пасхальном плакате несколько лет назад. Вот они: «Для тех, у кого взор и сердце искренни, едва намеченная новая человечность становится видимой в компании людей, признающих Его присутствие, Бога-с-нами». Именно эта «едва намеченная человечность» способна пробудить изумление и привлечь: во встрече с общиной, которая исповедует Христа воскресшего и крепка глубиной дружбы, переживаемой в общении, даже человек нашего времени будет привлечен красотой бега, посредством которого достигает цели Иоанн, любимый ученик, тот, кто, как гласит Евангелие, «увидел и уверовал».

В этом опыте все — буквально все — снова становится возможным.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Давиде Проспери. Ваше Преосвященство, хочу от имени всего Братства поблагодарить вас за то, что вы решили провести этот день на духовных упражнениях. Здесь присутствуют общины из Ломбардии, но благодарность исходит от всего Братства, от всей Италии и всего мира, прежде всего за согласие на нашу просьбу взять на себя роль духовного советника Братства. Возможно, один-два человека из собравшихся здесь десяти тысяч еще не прочитали полностью устав, поэтому скажу пару слов о том, кто такой духовный советник: «Духовный советник следит за тем, чтобы внутренняя жизнь, а также воспитательная и апостольская деятельность Братства соответствовали вере, морали и дисциплине Церкви»²²³. Это важная задача, и мы благодарим вас. Думаю, вы сделали нам большой подарок, приехав сюда, чтобы быть с нами.

Монс. Маффеис. Спасибо вам! Спасибо за ваше гостеприимство, за ваше Братство и за совместный путь в Церкви, который мы разделяем друг с другом!

²²³ Устав Братства «Общения и освобождения». Ст. 22.

Воскресенье, 12 апреля, утро

СВЯТАЯ МЕССА

*Литургия Слова, II Воскресенье Пасхи, или Божественного Милосердия — год А:
Деян. 2:42–47; Пс. 117 (118); 1 Петр. 1:3–9; Ин. 20:19–31*

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ЭММАНУЭЛЕ СИЛАНОСА

«Мир вам». Так примерно год назад папа Лев XIV представился каждому из нас. «Мир вам» — это слова Иисуса, сказанные ученикам, когда Он пришел к ним впервые [после Воскресения].

Только Христос может принести мир, потому что подлинный мир обретается, только когда человек ищет истину. Поиск истины — первое противоядие от насилия и войны. Жаждущему войны не важна истина, им неизбежно так или иначе движет собственный интерес, всегда частичный. Воскресение Христово есть утверждение, что Кто-то победил насилие и смерть, ложь и зло.

И все же нам по-прежнему трудно верить в Воскресение. Один миланский друг написал мне о разговоре с коллегой, который решил вновь приблизиться к вере и сказал: «Я могу верить в Воплощение, в Страсти, в смерть Христа. Но Воскресение? Поверь я в него, я нашел бы ключ к моей жизни».

Все мы немного похожи на этого друга, все мы немного похожи на апостола Фому. В чем его ошибка? Не в желании увидеть и прикоснуться (все мы хотим видеть и прикасаться). Великолепная картина Караваджо, увековечившая Фому, вкладывающего палец меж ребер Иисуса, замечательно выражает это совершенно человеческое желание видеть и прикасаться. Его ошибка заключалась в том, что он не поверил друзьям. Общение, которое мы переживаем, наша дружба и израненное, но прославленное тело Христа совпадают.

Мир нуждается в том, чтобы видеть знамения Его Воскресения.

Энцо Пиччинини как-то сказал слова, которые мы могли бы повторить сегодня: «Если бы сюда сейчас зашел какой-нибудь атеист, он не смог бы исчерпать суждение об этом собрании, пересчитав по головам присутствующих: ему пришлось бы признать, что единственная причина, по которой стоит быть здесь, — Христос, Тот, о Ком все говорят, что Он умер... но Кто для нас жив сегодня, тут, как тогда. Для

нас все точно так же. Мы вместе, Церковь существует, чтобы упорно утверждать, что Человек, Которого все сочли мертвым две тысячи лет назад, жив по сей день. Они тоже боялись признаться в этом друг другу. Мы испытываем то же самое, когда слышим: „Христос воскрес и живет“, — здесь и сейчас. То же самое. Мы чувствуем разумность этих слов, но боимся даже произнести их»²²⁴.

На нас лежит такая ответственность: быть знаком Его Воскресения в мире. Он воскрес и живет — вот единственное разумное объяснение того, что мы здесь. Именно это описывается в первом чтении, взятом из Деяний: все крещенные «постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». Тут присутствует и живет воскресший Христос, тут Его надлежит искать: среди живых! Кардинал Пиццабалла, как говорил мне все тот же друг, называет их «воскресшими наших дней»²²⁵. Итак, наша задача в том, чтобы идти по миру и искать Того, Кто жив, искать Его в лицах святых — не идеальных людей, а мужчин и женщин, горящих тем же пламенным желанием, что и Он: чтобы каждый человек узнал Его, полюбил Его, последовал за Ним. В знании Христа и в любви к Нему и заключается «во сто крат» на земле и жизнь вечная. И таково условие истинного мира.

Мы не должны бояться показывать «славные язвы» — наши раны и несовершенства; Он непрестанно обнимает их, исцеляет и прощает, и в этом высший знак того, что Христос воскрес и что Он сильнее нашего зла. С их помощью Христос говорит нам сегодня: «Все же Я существую».

²²⁴ P. P. Bellini, C. Piccinini. *Amico carissimo. Enzo Piccinini nelle sue parole e nelle testimonianze dei suoi amici*. P. 59.

²²⁵ M. Matzuzzi. *Alla fine di un mondo*. Dialogo con il card. Pizzaballa, tra amaro realismo e speranza cristiana // *Il Foglio*. 14 aprile 2025.

Пятница, 17 апреля, вечер

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 5:34–42; Пс. 26 (27); Ин. 6:1–15

ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА АНДРЕА БЕЛЛАНДИ,
АРХИЕПИСКОПА САЛЕРНО, КАМПАНИИ И АЧЕРНО

«Пусть дни молитвы и размышления пробудят желание вернуться к истокам изумления — встрече с живой Личностью». Как волнительно читать эту фразу из послания Святейшего Отца, выражающую высшую и глубочайшую причину нашего участия в упражнениях: желание вернуться к истокам изумления, которое кого-то семьдесят лет назад, а кого-то в прошлом году, побудило вслед за святым Петром сказать: «Господи, как нам уйти от Тебя? Только у Тебя слова, придающие жизни смысл и содержание»²²⁶. И это суждение сразу же совпало с вопросом, как для Иоанна и Андрея на берегу Иордана: «Учитель, где живешь?» И мы тоже услышали в ответ: «Пойдите и увидите»²²⁷.

Отношение с Ним переживается и углубляется лишь в «доме», в «обители» — в братстве. В сегодняшнем псалме мы в голос выразили желание, которое хотя бы однажды расцвело в сердце каждого из нас: «Одного просил я у Господа, того только ищущу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать [святой] храм Его».

Все мы здесь, чтобы еще раз, как уже бывало, вернуться, благодаря скорее верности и милосердию Христа нашей жизни, а не нашей «стойкости», к истоку изначального и самобытного изумления, которое побудило великого Отца Церкви сказать: «Не будь я Твоим, мой Христе [мой Христе!], я бы чувствовал себя существом конечным»²²⁸. Если я, Андреа, если ты, Давиде, если мы, друзья, не принадлежали бы Христу, если бы не были окончательно привиты к Нему — онтологически и экзистенциально — мы были бы лишь существами, обреченными на смерть.

²²⁶ Ср. Ин. 6:68.

²²⁷ Ин. 1:39.

²²⁸ Cf. San Gregorio Nazianzeno. *Carmina* II/I, carme LXXIV, vv. 4–12 // *Patrologia Graeca*. XXXVII. Coll. 1421–1422. Paris, 1862.

Напротив, с Ним все становится близким и преумножается, как хлеба и рыбы, накормившие толпы. «Все ваше... мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — все ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий»²²⁹.

«Кто Ты? Кто я?» — отец Эммануэле напомнил нам об этом восклициании святого Франциска. Мы собрались здесь, чтобы смотреть в лицо этим вопросам, словно впервые, и чтобы вновь позволить покорить нас Тому, Кто один в состоянии дать исчерпывающий ответ.

²²⁹ 1 Кор. 3:21–23.

Суббота, 18 апреля, день

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 6:1–7; Пс. 32 (33); Ин. 6:16–21

**ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МАУРО ДЖУЗЕППЕ ЛЕПОРИ,
ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТОЯТЕЛЯ ОРДЕНА ЦИСТЕРЦИАНЦЕВ**

«Это Я; не бойтесь. Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли».

Смысл жизни, смысл всякой вещи, смысл человека и мироздания, смысл истории, смысл всего — в том, чтобы достигнуть своей цели, чтобы наконец прикоснуться к Судьбе.

Вся реальность и все человечество изнуренно гребли наперерез таинственной противоположно направленной силе, наперерез тому, что повсеместно противостоит устремленности всего к Судьбе, ради которой существует всякая тварь. Все борется с Врагом, с самого начала восставшим против смысла, который Создатель даровал всякой твари, создав ее «хорошо», создав ее ради блага, создав ее для Самого Бога. Враг впустил в реальность силу, направленную противоположно устремленности к Судьбе. И человек, согрешив, позволил обольстить себя лжи о том, что он может самому себе быть судьбой, самому себе быть целью. С того момента человечество гребет против ветра, дующего в другую сторону от смысла всякой жизни, всякого сердца, всякой мысли, всякого слова, всякого дела, всякой душевной жажды.

Как же утомительно грести против ветра! Как утомительно грести против Врага, оспаривающего жажду Бога в каждой вещи и в каждом сердце! Как утомительна человеческая история, где все поддается искушению стать сообщником ветра, противоположного Судьбе! Нет такой идеологии, такой жажды власти и наживы, нет такой лжи или войны, которые не отдавались бы, подобно осенним листьям, на волю противоположно дующего ветра Врага, оспаривающего вселенскую жажду благой Судьбы реальности.

И вот изнуренное греблей против ветра человечество видит приход Иисуса. Он уверенно и спокойно идет по бурному морю, и ветер

даже не путает Его волосы. Он знает, куда хочет прийти, и ничто не оспаривает и не останавливает Его шаг. Он идет к Отцу, от Которого исшел.

Но Он не хочет идти один. Его невозможный и невозмутимый путь к Судьбе вот-вот отклонится в нашу сторону. Он приближается к лодке. Какой невероятный поворот совершает Тайна в своем вечном и неизменном исшествии от Отца и возвращении к Нему! Даже Его ученикам Его явление кажется невозможным, нереальным, они принимают Его за призрака. Наконец невозможное явление приближается, так что они могут различить Его лицо и услышать Его голос: «Это Я; не бойтесь». Это Я иду, это Я повелеваю морем, это Я разрушаю все преграды, которые Враг ставит вашей устремленности к Судьбе. Это Я грядущая Судьба, присутствующая Судьба!

«Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли». Грядущая Судьба преобразует человеческую реальность, где мы живем, где мы боремся против ветра Врага, преобразует ее в лодку, которая, как только Христос достигает и касается ее, пристает к берегу. Никто не добирается до берега в одиночку, подобно человеку, потерпевшему кораблекрушение и спасшемуся своими силами или благодаря удаче. Мы доплываем до берега в лодке, которую пришествие Христа превратило в место общения с Ним и между нами.

Церковь — лодка для тех, кто, слушая Его голос, побеждающий страх, признает присутствие Христа, которое одолевает в нас и между нами любой ветер, противоположный тому, ради чего мы сотворены. Так лодка Церкви сейчас и всегда касается цели жизни, переживает ее на опыте.

Однако все осталось бы лишь прекрасным благочестивым образом, если бы мы не видели, как та же самая сцена в том же масштабе и с тем же горизонтом повторяется в повседневной жизни Церкви, о чем говорилось в первом чтении. В общину, уверенно двигавшуюся вперед, подгоняемую дуновением Пятидесятницы, проник противоположный ветер, ветер Врага. Единство подрывается под веянием недовольства, ропота. Братья и сестры христиане уже больше не довольны друг другом. Появляется реальная проблема — реальная, как буря на море. Почему преобладает горечь? Почему совместная жизнь уже не радует, как в начале, не наполняет горением, ради которого

люди отказывались от всего, чтобы утверждать, что они соединены во Христе и Христом?

Но теперь апостолы научились методу, чтобы отвечать на спасение от вражеского ветра, стремящегося подавить дуновение Духа. Они не стали, как сказал бы отец Джуссани, более умелыми организаторами, а поместили в средоточие проблемы и недовольства некоторых людей, которые живут Христом; людей, «исполненных Святого Духа и мудрости»; людей, для которых вера есть жизнь, жизнь же есть признание Иисуса Христа, грядущего спасти нас; тех, кто в простоте и истине воплощают Иисуса, идущего, чтобы прикоснуться к нашей человечности и позволить ей достичь Судьбы. И тогда вся лодка общины замечает, что Христос присутствует, и, с их помощью увидев Его воистину присутствующим, позволяет вовлечь себя в акт нового творения, в новую тварь — позволяет Тому, Кто всегда говорит нам: «Это Я [Все же Я существую!]; не бойтесь».

Воскресенье, 19 апреля, утро

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова, III Воскресенье Пасхи — год А:

Деян. 2:14а, 22–33; Пс. 15 (16); 1 Петр. 1:17–21; Лк. 24:13–35

ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА ДЖОВАННИ ПАККОЗИ,
ЕПИСКОПА САН-МИНИАТО

«Да будет Он с нами в дороге, / И пусть нас зажжет Его слово. / Увидим в преломленном хлебе / Мы лик Иисуса воскресший»²³⁰, — пели мы в гимне. Именно это происходит здесь и сейчас.

В первом и втором чтении литургия говорила нам о жизни первой христианской общины, зарождающейся Церкви, и в ней четко выделяется фигура Петра и его радостное и пламенное свидетельство об опыте Христа воскресшего, а также опыт учеников из Эммауса, узнавших Его в преломлении хлеба. Узнав же Его, они поняли, что Его новое суждение, иной способ прочитывать ту же историю, что прожили и они, заставило их сердца гореть, признавая истину, которую они, погруженные в печаль, не могли и вообразить. Мы видим зарождение и первые шаги этой компании, где они (и подобно им, и мы) открывали, что жизнь, как сказал нам отец Эммануэле, есть принадлежность ко Христу воскресшему, Чье присутствие мы признаем среди нас.

Позволение Ему менять нас, покорять и менять нас, — вот наша задача. Речь о новом сознании, обновившемся для нас (говорю прежде всего о себе) в эти дни. Об этом мы слышали в псалме: «Я сказал Господу: Ты — Господь мой... <...> Ты держишь жребий мой. <...> Ты укажешь мне путь жизни: полнота радостей пред лицом Твоим». В дни упражнений эти слова стали и нашими.

Как я сказал, меня впечатляет Петр с его миссионерским дерзновением, с его новым суждением. Мы слышим, как он проповедует в утро Пятидесятницы, но в предыдущие недели он был разбит и практически неспособен совершить хотя бы один правильный поступок перед лицом страданий Иисуса.

²³⁰ «Заря наполняется светом». Гимн утренней молитвы воскресенья // *Часослов*. С. 14.

Однако что-то произошло: сошел Дух Святой. И теперь Петр говорит: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите».

О том же было сказано и сегодня утром: «Пойдите и увидите». Петр замечает: «Вы отдаете себе отчет? Это мы, но посмотрите, насколько мы другие». Как такое возможно, если не действием Духа Святого, соделавшего Христа присутствием — для него и для нас? Излияние Духа подтверждается в лоне новой компании.

Затем Петр указывает на исток новой человечности, новой компании. Первое его послание замечательно, стоит неоднократно его перечитывать. Отец Джуссани цитировал из него многие отрывки. Мы слышали, как Петр говорит: «И если вы называете Отцем Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего». Вы научились называть Бога Отцом: это открыл нам, детям в Сыне, Иисус. И мы стали странниками в мире: странниками не потому, что нам нет дела до мира, а потому что отныне наше отечество — не земная слава, а Христос, слава Божия в этом мире, ибо мы облеклись в Христа, в истинную жизнь. Мы принадлежим Ему, а не миру.

Вчера вечером подруга попросила поделиться с ней цитатой Ациани, которой отец Эммануэле завершил утреннюю лекцию. Я стал искать ее и с изумлением перечитал целиком это короткое письмо Андреа его другу Дадю. Вот что он пишет: «Дорогой Дадю, крепко обнимаю и помню о тебе с огромной любовью. Как могу не сказать, что скучаю по тебе?» Я знал Андреа и могу вас уверить, что слова «скучаю по тебе» он произносил не часто. «Может, ты не поверишь, но дело в том, что в один прекрасный момент открываешь, что мы по-настоящему необходимы друг другу». Он говорит это чуть ли не стыдливо, не желая скатиться в сентиментальность, и сразу же после добавляет: «Но то, что в действительности необходимо, — это наша компания, а точнее, компания по призванию». Между прочим, именно такими словами заканчивается цитата отца Джуссани на пасхальном плакате этого года. Она нам необходима, необходима «для нас самих, для друзей, для врагов, для мира». Эта компания необходима, потому что в ней присутствует Христос. Далее он говорит: «Уверен, в „миссионерской купели“ этих дней в тебе, а значит и во всех нас, проявляется,

возрастает с силой и радостью уверенное сознание о том, кто Христос в нас и для нас». Иными словами, в компании господствует присутствие Христа. Затем он цитирует: «„O quam amabilis es bone Jesu“ [О, как желанен Ты, благой Иисусе]. На реколлециях Адвента я слышал, как отец Джуссани топал ногами, комментируя эти строки. Хорошей работы на этом последнем отрезке. Пусть единство... между вами... и между всеми вами и Движением будет лейтмотивом, темой, способной сделать возможным и ощутимым Событие». Наше единство нужно, чтобы Его признавали. Следом идет замечательная фраза: «Вот бы кто-то влюбился в то, что пробудило любовь в нас! Но... для этого мы должны гореть, буквально пламенеть любовью к человеку, чтобы Христос достиг его». Завершается письмо так: «„Огню суждено гореть“. Помнишь логотип сиенского издательства „Cantagalli“ [на котором воспроизведен девиз святой Катерины; Даддо и Андреа жили вместе в Сиене]? Спасибо за твое восхитительное, кроткое и великодушное присутствие и за братскую дружбу»²³¹.

Такую кроткую и уверенную дружбу, полностью устремленную к признанию Христа, мы переживали в эти дни и призваны делать все более сияющей между нами и ради целого мира.

²³¹ G. Mereghetti, G. C. Peluso. *Andrea Aziani. Febbre di vita*. P. 116–117.

**ТЕКСТ ПРОПОВЕДИ КАРДИНАЛА КЕВИНА ДЖОЗЕФА ФАРРЕЛЛА
НА СВЯТУЮ МЕССУ В СУББОТУ, 18 АПРЕЛЯ***

Литургия Слова, суббота II недели Пасхи: Деян. 6:1–7; Пс. 32; Ин. 6:16–21

Дорогие братья и сестры,

библейские чтения, которые мы слышали, отражают атмосферу света и ликования, царящую в Церкви в пасхальное время.

Текст Деяний апостолов повествует о внушительном росте христианской общины Иерусалима. Он стал возможен в том числе благодаря тому общению и сердечному согласию, какими жили те люди. Чтобы поддерживать общение, необходимо принимать мудрые и благоразумные решения. Именно это происходит в ответ на просьбу новообращенных из еллинистов, чтобы не были пренебрегаемы их вдовы. Речь, вероятно, идет об иудеях, живших не в Иерусалиме, а в регионах за пределами Палестины, и служивших в синагогах на греческом языке, в отличие от местных иудеев, которые говорили на арамейском. Община, однако, не воспринимала их как верующих «второго сорта». Апостолы выслушали их и предложили им самим избрать подходящих людей, указав на определенные человеческие и духовные качества («семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости»). Это интересная деталь: Двенадцать не навязывают им свой выбор, а просят саму общину выдвинуть имена. Так были избраны семеро, которых с того момента стали называть «диаконами»; все они носили греческие имена и, очевидно, обладали способностью находить общий язык с грекоязычной и грекокультурной частью Церкви. Затем их представили апостолам, которые «посветили» их в новое служение через возложение рук. Тут мы видим соединение выбора «снизу», со стороны общины, и подтверждение «свыше», со стороны тех, кто наделен авторитетом.

Это поучительный эпизод: прежде всего он напоминает о том, как важно не пренебрегать нуждами и трудностями, возникающими в разных группах в лоне христианской общины. Никого нельзя игно-

* Приводим проповедь, написанную кардиналом Кевином Джозефом Фарреллом, префектом Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни, для мессы в субботу, 18 апреля, на которой его пригласили председательствовать. Не имея возможности присутствовать, кардинал прислал подготовленный текст, и он был в тот же день опубликован на сайте Движения (*ru.clonline.org*).

рировать или обделять вниманием. Если не прислушиваться к проблемам, в долгосрочной перспективе они могут стать причиной недовольства и даже отдаления от общины. Однако это слушание должно быть вписано в еще более важное устремление: в сохранение общения в Церкви.

Общение уходит корнями в отношение каждого человека с Богом, которое соединяет и братьев между собой. Отец Джуссани говорил об этом очень просто, утверждая: «Дух общения [в Церкви] есть признание тебя, потому что Бог тебя коснулся, как коснулся меня, и ты признал Его, как меня, и признаешь себя в единстве со мной»²³². Иными словами, я признаю в другом тот же основополагающий опыт Бога, что отметил мою жизнь и создает особую духовную гармонию между нами, делая нас братьями.

Такое общение — самый прекрасный дар Духа Святого Церкви Христовой, и поэтому апостолы стараются с милосердной любовью и мудростью сохранять его. В Церкви могут существовать разные культуры, способы восприятия, разные «души» (как в свое время христиане греческой и еврейской культуры), но общение во Христе возвышается над всеми культурными отличиями, над духовным восприятием любого рода, над любым субъективным пониманием христианского опыта. Различные восприятия, различные течения мысли никогда не должны становиться поводом для предъявления претензий, вражды и борьбы за власть, их всегда необходимо возвращать к тому единству в многообразии, что свойственно Католической Церкви на всех ее уровнях.

Этот отрывок напоминает также и о том, как важно избирать подходящих людей, которые способны приносить подлинную пользу и по-настоящему поддерживать общину, и для этого нужно приводить ясные критерии выбора и требующиеся качества. Мы также видим, что главная цель, вдохновлявшая все решения древней Церкви, — это миссия. Избрание семи диаконов позволяет осуществлять двойную миссию: миссию возвещения и служения, то есть проповедь Слова Двенадцатью и помощь нуждающимся со стороны диаконов. Именно миссия, а не прочие личные критерии и интересы отдельных людей или групп, всегда определяет решения и делает их мудрыми и плодотворными.

²³² L. Giussani. *Un volto nella storia. Il compito della Chiesa nel mondo (1969–1970)*. P. 57.

Итак, мы сказали об умении слушать всех, о стремлении сохранять общение, об избрании соответствующих людей для различных служений и об особой нацеленности на миссию. Вот черты, которые явно прослеживаются в первой Церкви и которые и для нас остаются источником вдохновения и образцом.

Евангелие описывает учеников в конце насыщенного дня, проведенного вместе с Учителем в миссионерском служении. Они пытаются вернуться домой в Капернаум. Уже стемнело, и их застали врасплох бурное море и сильный ветер. В таком тревожном положении они видят Иисуса, идущего к ним по водам, и их охватывает страх. Кажется, что в действительности они испуганы не бушующим морем, а скорее неожиданным и будоражающим появлением Иисуса. В Нем могущественным образом являет Себя Сам Бог — Тот, о Ком Писание говорит, что «Он один распростирает небеса и ходит по высотам моря» (Иов 9:8). Псалмы часто описывают Бога как Повелителя моря (ср. Пс. 106:23–25; Пс. 92:4), которое в Библии воплощает силу хаоса и зло, действующее в мире. Бог, повелевающий морем, ныне присутствует в Иисусе: в Нем является Бог исхода, открывший Своему народу путь спасения через море. И это вселяет страх.

Если задуматься, часто то же самое происходит и с нами. Сложные обстоятельства, в которых мы оказываемся, нередко приводят нас в беспокойство: болезни, экономические затруднения, проблемы в семье, непонимание в отношениях. И все же, когда Бог предстает перед нами как Тот, Кто может усмирить все бури нашей жизни, мы, как ни парадоксально, не чувствуем утешение, а пугаемся. Наше сердце утратило близость с Богом и невинное доверие Ему, каким мы обладали до греха. Первородный грех оставил в нас нечто вроде «подозрения» по отношению к Богу: «Я не могу доверять Ему до конца!» — как будто говорит голос внутри нас, даже если в испытаниях Он выступает нашим освободителем.

Тем не менее Иисус в описанной ситуации полон милосердия. Он открывает Себя ученикам с помощью высшего божественного имени: «Это Я» [то есть «Я есмь»] (ср. Исх. 3:14), — что значит: «Воистину Я Бог! Всё в Моих руках!» К этой сцене можно применить слова пророка Исаии, гласящие: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей» (Ис. 41:10). Именно такую крепость Иисус желает

вселить в апостолов, такую уверенность Он желает даровать нашему сердцу.

Эпизод завершается почти внезапно: апостолы хотят принять Иисуса в лодку, к себе, но, кажется, в этом нет нужды, потому что лодка тотчас пристала к берегу. Нам бы тоже хотелось позволить Богу войти во все детали нашего существования, чтобы Он исцелил наши изъязны, нашу ущербность, наши раны. Нам бы хотелось, чтобы Он был в «нашей лодке», хотелось бы увидеть разрешенными все проблемы, прежде чем следовать дальше. Но в этом нет нужды. Достаточно, чтобы Бог явился «на расстоянии», чтобы Он произнес Свое властное слово: «Это Я», — что значит: «Я рядом с тобой!» Этого достаточно для возобновления пути и скорого достижения цели.

Дорогие, такой уверенностью наполняет нас пасхальное время. Христос воскресший становится близким всем нам и говорит: «Это Я!» И Его присутствие меняет все! Даже если Иисус не садится в лодку, если Он, кажется, остался вне, даже если многие уголки нашего существования по-прежнему остаются темными, а многие проблемы — нерешенными, с Ним все меняется. С Ним мы пристаем к берегу и достигаем цели существования. Вот уверенность пасхальной вести, придающая нам мужества, и все вы призваны принять ее — лично и как Движение. Уверенность в присутствии Христа воскресшего, которую мы переживаем в лоне Церкви, позволяет преодолевать любую темную ночь, любое бушующее море, любой встречный ветер, даже когда со всем этим мы сталкиваемся в христианской общине.

Поэтому призываю вас всегда возносить взоры ко Христу, уповать на Него, обращаться к Нему с мольбой в минуты испытаний и крепко держаться за лодку Церкви, которую Он неизменно ведет к спасению.

Аминь.

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Льву XIV

Ваше Святейшество,

около двадцати тысяч человек, собравшихся в Римини, а также более трех тысяч человек, подключившихся из дома из-за невозможности передвигаться, и зарубежные общины из девятнадцати стран мира, провели в два потока (первый — на прошлой неделе, второй — в эти дни) духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Еще в пятидесяти трех странах упражнения состоятся в ближайшие недели.

Упражнения на тему «А вы за кого почитаете Меня?» были предложены отцом Эммануэле Силаносом, священником Братства миссионеров св. Карла Борромео и членом центральной диаконии Братства «Общения и освобождения». В Испании (а также для других испаноязычных стран) и в Соединенных Штатах проповедь была доверена отцу Хавьеру Прадесу Лопесу, священнику Мадридской епархии и члену Международной богословской комиссии.

В лекциях были рассмотрены некоторые евангельские эпизоды в свете тем, которые монсеньор Луиджи Джуссани раскрывает в книге «У истоков христианского притязания» (сейчас наши общины ведут работу катехизации по этой книге в рамках школы общины). Было показано, как Иисус Христос, открывая Себя, «являет человека самому человеку» (ср. *Gaudium et spes*, 22). Это стало возможностью вспомнить о цели, ради которой Христос вошел в мир: открыть нам Отца и привести нас обратно к Нему.

Христос, отдавая жизнь за каждого из нас, приобщает нас к Своему величайшему дару: Он делает нас детьми в Сыне и «новым творением», способным на новое суждение о реальности, любящим Церковь и отдающим себя ради ее созидания в мире.

Участие Его Преосвященства монсеньора Ивана Маффеиса, духовного советника Братства, и проповедь, направленная нам Его Высокопреосвященством кардиналом Кевином Дж. Фарреллом (который по независящим от него причинам не смог присутствовать для совершения Святой Мессы), стали для нас авторитетным под-

тверждением того, что Церковь поддерживает нас и сопровождает на нашем пути веры.

Присоединяясь к Вашим неустанным усилиям ради мира и примирения между народами, молим Господа о Вас и вверяем себя Вашему отеческому благословению.

С почтением,

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Кевину Джозефу Фарреллу,
префекту Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни*

Ваше Высокопреосвященство,

около двадцати тысяч человек, собравшихся в Римини, а также более трех тысяч человек, подключившихся из дома из-за невозможности передвигаться, и зарубежные общины из девятнадцати стран мира, провели в два потока (первый — на прошлой неделе, второй — в эти дни) духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Еще в пятидесяти трех странах упражнения состоятся в ближайшие недели.

Упражнения на тему «А вы за кого почитаете Меня?» были предложены отцом Эммануэле Силаносом, священником Братства миссионеров св. Карла Борromeо и членом центральной диаконии Братства «Общения и освобождения». В Испании (а также для других испаноязычных стран) и в Соединенных Штатах проповедь была доверена отцу Хавьеру Прадесу Лопесу, священнику Мадридской епархии и члену Международной богословской комиссии.

В лекциях были рассмотрены некоторые евангельские эпизоды в свете тем, которые монсеньор Луиджи Джуссани раскрывает в книге «У истоков христианского притязания» (сейчас наши общины ведут работу катехизации по этой книге в рамках школы общины). Было показано, как Иисус Христос, открывая Себя, «являет человека самому человеку» (ср. *Gaudium et spes*, 22). Это стало возможностью вспомнить о цели, ради которой Христос вошел в мир: открыть нам Отца и привести нас обратно к Нему.

Христос, отдавая жизнь за каждого из нас, приобщает нас к Своему величайшему дару: Он делает нас детьми в Сыне и «новым тво-

рением», способным на новое суждение о реальности, любящим Церковь и отдающим себя ради ее созидания в мире.

Участие Его Преосвященства монсеньора Ивана Маффеиса, духовного советника Братства, и проповедь, которую Вы, Ваше Высокопреосвященство, направили нам (она размещена на сайте Движения и войдет в брошюру упражнений, которая будет опубликована в ближайшее время), стали для нас авторитетным подтверждением того, что Церковь поддерживает нас и сопровождает на нашем пути веры. Мы очень сожалеем, что Вы не смогли присутствовать, и надеемся вскоре снова встретиться с Вами.

С сыновней любовью молим Господа о Вас и вверяем себя Вашему отеческому благословению.

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Маттео Мария Дзуппи,
президенту Итальянской епископской конференции*

Ваше Высокопреосвященство,

около двадцати тысяч человек, собравшихся в Римини, а также более трех тысяч человек, подключившихся из дома из-за невозможности передвигаться, и зарубежные общины из девятнадцати стран мира, провели в два потока (первый — на прошлой неделе, второй — в эти дни) духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Еще в пятидесяти трех странах упражнения состоятся в ближайшие недели.

Упражнения на тему «А вы за кого почитаете Меня?» были предложены отцом Эммануэле Силаносом, священником Братства миссионеров св. Карла Борромео и членом центральной диаконии Братства «Общения и освобождения». В Испании (а также для других испаноязычных стран) и в Соединенных Штатах проповедь была доверена отцу Хавьеру Прадесу Лопесу, священнику Мадридской епархии и члену Международной богословской комиссии.

В лекциях были рассмотрены некоторые евангельские эпизоды в свете тем, которые монсеньор Луиджи Джуссани раскрывает в книге «У истоков христианского притязания» (сейчас наши общины ведут работу катехизации по этой книге в рамках школы общины).

Было показано, как Иисус Христос, открывая Себя, «являет человека самому человеку» (ср. *Gaudium et spes*, 22). Это стало возможностью вспомнить о цели, ради которой Христос вошел в мир: открыть нам Отца и привести нас обратно к Нему.

Христос, отдавая жизнь за каждого из нас, приобщает нас к Своему величайшему дару: Он делает нас детьми в Сыне и «новым творением», способным на новое суждение о реальности, любящим Церковь и отдающим себя ради ее созидания в мире.

Участие Его Преосвященства монсеньора Ивана Маффеиса, духовного советника Братства, и проповедь, направленная нам Его Высокопреосвященством кардиналом Кевином Фарреллом (который по независящим от него причинам не смог присутствовать для совершения Святой Мессы), стали для нас авторитетным подтверждением того, что Церковь поддерживает нас и сопровождает на нашем пути веры.

С сыновней любовью молим Господа о Вас и вверяем себя Вашему отеческому благословению.

Давиде Проспери

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель — Сандро Кверичи

Цикл фресок из аббатства Сант-Анджело-ин-Формис, заказанный и, вероятно, вдохновленный аббатом Дезидерио ди Монтекассино в конце XI века, хотя и не сохранился полностью, позволяет уловить в лицах изображенных персонажей лейтмотив, который начинается с изумленного вопроса учеников и свидетелей, наблюдавших за деяниями Иисуса («Кто Сей?»), перерастает в вопрос Иисуса («А вы за кого почитаете Меня?»), подводя, наконец, к лику Христа, лично вопрошающего каждого: «Кто Я для тебя?»

Вид изнутри

Центральный неф, южная стена. Чудеса Иисуса:

Встреча с Закхеем

Самарянка

Женщина, взятая в прелюбодеянии

Слепорожденный

Воскрешение Лазаря

Мать Иакова и Иоанна

Вечеря в Вифании

Вход Господень в Иерусалим

Тайная вечеря

Омовение ног

Центральный неф, северная стена. Сцены Страстей Христовых и Воскресения:

Моление в Гефсиманском саду

Поцелуй Иуды

Осмеяние Христа

Пилат умывает руки

Путь на Голгофу

Распятие
Положение во гроб
Сошествие в ад
Ученики из Эммауса
Явление на Тивериадском море
Неверие Фомы
Вид апсиды
Христос на престоле

Изображения любезно предоставлены Библиотекой Герциана, Рим.

Содержание

ТЕЛЕГРАММА ПАПЫ ЛЬВА XIV	3
--------------------------	---

Пятница, вечер

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	4
ВВЕДЕНИЕ – « <i>За кого люди почитают Меня?</i> »	13

Суббота, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – « <i>А вы за кого почитаете Меня?</i> »	25
--	----

Суббота, вечер

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Дети в Сыне: опыт «во сто крат»</i>	51
---	----

Воскресенье, утро

СОБРАНИЕ (ПЕРВЫЙ ПОТОК)	75
СОБРАНИЕ (ВТОРОЙ ПОТОК)	93

Проповеди

Пятница, 10 апреля – ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА МАССИМО КАМИЗАСКИ,	116
Суббота, 11 апреля – ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА ИВАНА МАФФЕЙСА	118
Воскресенье, 12 апреля – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ЭММАНУЭЛЕ СИЛАНОСА	121
Пятница, 17 апреля – ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА АНДРЕА БЕЛЛАНДИ	123
Суббота, 18 апреля – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МАУРО ДЖУЗЕППЕ ЛЕПОРИ	125
Воскресенье, 19 апреля – ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА ДЖОВАННИ ПАККОЗИ	128
ТЕКСТ ПРОПОВЕДИ КАРДИНАЛА КЕВИНА ДЖОЗЕФА ФАРРЕЛЛА	131
ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	135
ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	139

Перевод: Александра Шилова

© Братство «Общения и освобождения», 2026. Тексты: Л. Джуссани, Д. Проспери, Э. Сиранос

